

**ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК**

**НА
БОЕВОМ
ПОСТУ**

**9
'94**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: ИГРЫ ДОБРОЙ ВОЛИ-94

ПРАЗДНИК В ГАРНИЗОНЕ

В июне 1994 года
ОДОНу исполнилось 70 лет

НА БОЕВОМ ПОСТУ

9'94

Издается с 1958 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВУТРЕННИХ ВОЙСК

В НОМЕРЕ:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Внеплановое заседание военного совета внутренних войск 2

ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КИСЛЫЙ Ю. Там, где кончается асфальт... 3
УШАР А. Трезвый расчет 7
МУЧАК И. Не сотвори себе кумира 12
СИМОНОВ А. Обреченные ждать и догонять 17
БУЛГАКОВ Б. Ты катись, катись, колечко... 21
СЕМЕНЧИК И. Сальто-мортале 26
ДРЕСВЯНИН С. Заслон. Правопорядок по-бразильски 30

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

АРТЮХОВ Е. Что с нами происходит? 32
ПЕТРОВ А. Общага приказала долго жить? 37
Страхование военнослужащих (наши консультации) 42

ЛИТЕРАТУРА И МЫ

КОКОШКИН П. Беломорканал. 30-е годы (главы из повести, продолжение) 45
БАЛЯЗИН В.: "Военным людям я хочу пожелать мира" 49
ЗЛОТНИКОВ Р. Крылышки божьей коровки (фантастический детектив, начало) 54
БОГДАНОВИЧ А. Полюнная даль (стихи) 64
ВИНОГРАДОВ Р. . . . И грянул гром (рассказ) 66

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ЛИНДЕР И. Гармония силы и души 71
Рыболовам и охотникам 74
ЛИТВИНОВ В. Техническое обслуживание и ремонт деталей кузова (автодайджест) 76
ЛОМОВ Б. Чтобы ноги не болели (рецепты народной медицины) 77
ГУЩИНА В. Календула (сад-огород) 78
Шахматный клуб 79

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная
коллегия:

АРТЮХОВ Е. А.,
АФАНАСЬЕВ В. В.,
БОНДАРЕВ П. Т.,
ВОРОЖЦОВ В. П.,
ДУРБАЖЕВ В. А.,
ЕРМИЛОВ А. М.
(зам. главного редактора),
ЕРХОВ Е. И.,
ЗАЙЦЕВ А. П.,
КАВУН С. Ф.,
КАРЕВ А. Н.
(ответственный секретарь),
КАРПОВ Б. В.,
КОЗЛОВ И. Т.,
КОТЛЯРОВ А. П.,
КУДРЯШОВ В. И.,
КУЗЬМИН Н. П.,
МАЛЮТИН С. Н.,
ОВЧИННИКОВ В. В.,
СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.
(зам. главного редактора),
УШАР А. Г.,
ЧЕРНЫШОВ П. П.,
ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель – МВД России.

Издатель – Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1994

Сдано в набор 11.07.1994 г. Подписано к печати 25.08.1994 г.
Формат бумаги 70x108/16. Усл. печ. л. 7,0.
Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 1384. Тираж 9 000.
Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 480 руб.,
(индекс 70610), для предприятий и организаций – 1500 руб.,
(индекс 73175), в розницу – свободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление
Э. П. Копылова.
Корректоры
Е. А. Богданова, Л. Н. Полякова.
На первой странице обложки:
фото А. Л. Александрова,
на второй странице обложки
фото Б. М. Булгакова.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сырьмятинский проезд, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

ВНЕПЛАНОВОЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Необходимость его безотлагательного проведения была продиктована озабоченностью командования состоянием воинской дисциплины, недостатками в работе по обеспечению сохранности оружия и боеприпасов, слабой профилактикой неуставных взаимоотношений и самовольных уходов военнослужащих из воинских частей в Сибирском округе внутренних войск МВД России.

Во вступительном слове председатель военного совета, командующий внутренними войсками страны генерал-полковник А. Куликов отметил, что отступления от выполнения функциональных обязанностей руководителей управленческих звеньев, серьезные упущения в воспитательной деятельности породили негативные тенденции в коллективах и привели к тяжелым происшествиям. Глубоким анализом возникших проблем, выработкой стратегии подхода к их разрешению и оказанием помощи руководству округа и призван заняться коллегиальный орган управления внутренних войск МВД России.

На заседании были заслушаны отчеты командира части полковника В. Кузнецова, заместителя командира соединения по работе с личным составом полковника В. Зайцева, командира соединения полковника М. Змеева, заместителя командующего Сибирским округом внутренних войск по работе с личным составом полковника В. Власко, командующего Сибирским округом внутренних войск МВД России генерал-лейтенанта Н. Новака.

С докладом выступил заместитель командующего внутренними войсками МВД России по работе с личным составом, член военного совета генерал-майор С. Кавун. Прежде всего он обратил внимание на то, что причинами нарушений в организации службы войск и недостатков в поддержании твердого уставного порядка, искривлений дисциплинарной практики и малой эффективности воспитательной работы являются нетребовательность командиров, отсутствие контроля за безусловным выполнением приказов и директив старших начальников. К примеру, поступило в войска распоряжение о проведении комплекса мер по профилактике самовольного ухода военнослужащих с оружием — его практически положили под сукно, ибо соответствующие изменения в функциональные обязанности конкретных исполнителей не внесли, не определили степень ответственности должностных лиц. Вследствие этого места хранения оружия и боеприпасов во многих частях и подразделениях должным образом не оборудованы, не поставлен заслон преступным попыткам посторонних или военнослужащих завладеть ими. Об этом же сказал в своем выступлении и полковник М. Змеев, посетовав, что он на горьком опыте убедился: только четкое выполнение распоряжений может застраховать от случайностей и предотвратить преступления.

Недопустимым было названо в докладе то, что очевидные лазейки для беспрепятственного завладения оружием и ухода военнослу-

жащих за пределы военных городков нередко оказывались вне внимания комплексных и целевых групп округа и соединений. И это признал полковник В. Кузнецов, самокритично поведав о формализме и упрощениях при подготовке подразделений к действиям по ликвидации преступных групп, захвативших оружие. Вроде бы отработали объемные планы, провели показательные занятия, где солдаты продемонстрировали умение и решительность, а на практике оказались неспособными предотвратить преступление бывших сослуживцев.

Докладчик также отметил, что стиль работы многих руководителей рассчитан на идеальные условия, поэтому его необходимо немедленно привести в соответствие с реалиями сегодняшнего времени.

Из выступления заместителя командующего Сибирским округом внутренних войск по работе с личным составом полковника В. Власко стало ясно, что руководство округа владеет обстановкой и многое делает для нормализации ситуации. Офицер сказал, что социально-политические процессы, происходящие в стране, заставили больше внимания уделять работе по искоренению случаев самовольного оставления частей, предательству интересов службы, суицидальных устремлений, профилактике неуставных взаимоотношений и пьянства, которое, к сожалению, явилось причиной большинства преступлений и происшествий. Растет и число правонарушений, совершаемых в корыстных целях.

Серьезно осложняет деятельность руководства округа разлаженный механизм служебного информирования. По-настоящему правдивый доклад можно услышать только от командиров, которые сами не замешаны в неблагоприятных проступках и не стали на путь сокрытия неправомερных действий подчиненных.

Все ораторы с озабоченностью высказывались о проблеме укомплектования частей и подразделений офицерскими кадрами, которую более детально осветил в своем выступлении заместитель командующего внутренними войсками МВД России по кадрам, член военного совета генерал-лейтенант П. Голубец.

Он, в частности, констатировал, что в сложной обстановке дефицита кадров погоны за количеством, к сожалению, заставляет закрывать глаза на качество. Большая текучка настоятельно диктует необходимость проведения ежегодного аттестования офицеров с последующим формированием резерва на выдвижение. По-прежнему в повестке дня — оказание помощи людям, недавно назначенным на вышестоящие должности. Воспитанию офицерских кадров, волеющих в жизнь стратегическую служебно-боевую деятельности, необходимо и впредь уделять внимание на всех уровнях.

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

Есть вопросы

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ АСФАЛТ...

— СЕГОДНЯ НОЧЬЮ! Как условились. — Цыган пыхнул душистым дымом "Мальборо", в лица троих невзрачных мужичков, которые почтительно вытянулись перед ним, точно новобранцы перед генералом, и, не дожидаясь ответа, вразвалку зашагал к бараку.

Один из тройки суетливо одернул вылинявшую замызганную робу, поморщился — будто принял горькую микстуру:

— Не нравится мне все это, кореша, ох не нравится. Подставит нас Граф под пули вышкарей, попомните мое слово. Пока солдатики будут по нам из автоматов шмалять, уйдет спокойненько на волюшку, только его вертухаи и видели. А мы, чует мое сердце, для отвлекающего маневра ему нужны.

Кореша поежились. Испуганно переглянулись.
— Не возникай, Блоха. В зоне цыган — король, слово поперек — пером пощекочет. Солдатик, глядишь, промахнется, а он — наверняка достанет. И потом... Может, еще пронесет. Взвэшки, службой заезженные, дремать будут, а мы незаметно вдоль речки и — ищи ветра в поле...

На вышках, однако, не дремали. Не только из-за ежечасных проверок (ох и допекают же они служивых: то начкар по тропе наряда топает, то ротному не спится, а то, глядишь, сам комбат с начальством из штаба части ночью темной инспектируют караул), уж больно участок ответственный между семнадцатым и восемнадцатым постами, захочешь — не закемаришь. Ну где еще в тайге найдешь такую зону, чтоб речка ее пересекала? Одна только и есть. А вода, сколько русло решетками ни перегораживай, так и манит уголовную публику: рискни, мол, кто отчаянный. Словом, ежели ты, часовой, за самый опасный в побеговом отношении отрезок "запретки", отвечающий, уважаешь себя как мужчину, как бойца, к серьезному делу приставленного, — будешь бдить на манер неумолимого электронного датчика. Не то...

Рядовые Муселемян и Банников с вышек, тисками сжимающих водную гладь, непрерывно фотографировали глазами лесобиржу в своих секторах наблюдения. Само собой, внимание особое — речке, будь она трижды неладна вместе с тем стратегом из ГУЛАГа, что проектировал объект без привязки к задачам конвойной стражи. Почудится шевеление какое на берегу — у каждого часового внутри, в солдатском механизме боеготовности, словно тугая пружина сжимается: миг — и подозрительная тень схвачена на мушку. И так три часа с полным напрягом, до самой смены. Не то что человек — заяц незаметно не прошмыгнет!

— Вперед, мужички, не дрейфь! — сдавленным шепотом приказал Граф, когда они, ползком, по-гадючьи проскользнув по урезу реки, уперлись в основное ограждение.

— А ты как же? Нас, значаца, под пули, а сам... — плаксиво зачастил Блоха и тут же осекся, придавленный к земле тяжелой рукой гаваря.

— Ну!

Три побегушника торопливо проделали проход и, тяжело дыша от страха, прокрались вдоль русла во внутреннюю запретную зону. Цыган проводил их презрительным взглядом. Изготовился, точно хищник, выжидающий удобный момент для прыжка: преодолеют "рабы", беспрепятственно "запретку", стало быть, расчет его — верняк, берег укроет их от взоров часовых, и он, Граф, может смело идти следом...

— Стой! Ни с места! — По-мальчишечьи ломкие голоса слились с грохотом автоматных очередей.

Цыган дернулся было в зону, но свистнувшая у самого уха пуля, словно удар тока, парализовала его волю. Теперь ни вперед ни назад ходу нет. Шевельнешься — следующий выстрел будет прицельным, да и контролеры, поднятые по тревоге, не дадут затеряться на бирже. Выругавшись, он в бессильной ярости закусил кулак.

Ну а дальше события развивались по жесткой тактической схеме. Телефонные провода понесли в разные точки колонии тревожные сигналы рядовых Муселемяна и Банникова, почти одновременно засекавших на периметре непрошенных гостей. В мгновение ока оценив обстановку, синхронно подали команды резервным группам начальники караулов по охране производственного объекта и жилой зоны лейтенант Александр Комарский и прапорщик Сардар Наврузов. И вскоре вооруженные бойцы с собаками, бухая сапогами по деревянному настилу тропы наряда, с двух сторон устремились к участку побега.

Захват провели как по нотам. Ошеломленные пальбой беглецы и охнуть не успели. Впрочем, никто из них даже не попытался о сопротивлении. Это перед слабыми отбывающие наказание злодеи привыкли гонор показывать. Но стоит им столкнуться лицом к лицу с силами охраны ИТК при попытке обрести незаслуженную свободу — спесь бандитская тут же слетает, точно слой ржавчины под наждаком. До поры до времени, правда. Чуть ослабишь заклон, допустишь прокол в боевой службе — "графы", всех мастей и воровских рангов как по команде обнажают клыки. И тогда берегись...

— ПОКА ОБЪЕКТ под охраной войск, слабину не допустим. Несмотря на острейший дефицит активных штыков и прочие трудности, порожденные нынешним непредсказуемым временем, — уверенно говорит командир батальона подполковник Александр Степанович Крысак, чьи подчиненные недавно пресекли организованный рецидивистом с пятнадцатилетним сроком отсидки групповой побег. — Есть еще порох в пороховницах. У офицеров и прапорщиков. У рядовых бойцов, которые тянут служебную ляжку за себя и за того парня...

Слова комбата — не пустое бахвальство, не плакатный лозунг показного бодрчества ради. Сами посудите. За год караулы 180 (!) раз поднимали в ружье (проверочные тревоги не в счет). Срабатывания средств обнаружения, сигналы часовых на вышках, голосом и оружием тормозивших злоумышленников при попытках преодолеть линию охраны, перебросы через ограждение запрещенных предметов, — вот колючий букетик чрезвычайных обстоятельств, "скрашивающий", монотонные служебные будни. И каждый раз военные действовали умело и решительно, не давали спуску жуликам.

А вспомнить минувший осенне-зимний период. С увольнением военнослужажих двух призывов батальону не осталось ничего другого, как стать в бессменный караул. Три месяца кряду подразделения охраняли зону гарнизонным способом. В течение этого времени выводили солдат и сержантов за пределы объекта только для помывки в бане. На неокрепшие еще плечи молодых парней легла колоссальная нагрузка. Они ее выдержали. Хотя для многих это была предельная грань физических и психических возможностей. Попробуйте отстоять сутки на двухсменном посту, чередуясь по четырехчасовому графику. В лютую стужу. Мало не покажется! А десять, двадцать... девяносто суток без перерыва?

Чтобы поддержать боевой дух воинов, офицеры дневали и ночевали в карауле. По-товарищески беседовали с солдатами. Просили: "Надо, парни! Кроме вас стеречь преступников никому. Не подведите!". Мерзлы вместе с подчиненными, контролируя службу на периметре. Проводили занятия. Как могли, организовывали досуг. И так все вместе выстояли и победили...

— Просвет? Пока не видно, — обрисовывает ситуацию Александр Степанович. — Нынешние штаты батальона составлены с расчетом на смешанное комплектование. А желающих заключить контракт в поселке днем с огнем не найти. Кое-как уговорили записать-

ся в добровольцы одиннадцать увольняемых в запас солдат. Пожили они несколько месяцев на самостоятельных хлебах, и восемь волонтеров хором сказали: "До свидания!". Служить бы рады, да тоска зеленая заедает. Старожилам проще: семьи, какое-никакое хозяйство, охота... А у контрактников? Ни жилья нормального, ни клуба, ни досуга с девчатами по причине дефицита молодых особ прекрасного пола. Волком завоешь! Вот и зияет в бсевых порядках брешь, которую затыкают, подрывая здоровье, бойцы срочной службы. Боюсь, что осенью, коли новобранцев недосчитаемся, опять придется обеспечивать надежную охрану колонии "любой ценой". Только цена та поболее прежней будет. Сидим как на вулкане. Зону лихорадит. Численность осужденных почти вдвое превышает лимит наполнения. Масса жуликов с утра до вечера бьет баклуши. Катастрофически не хватает рабочих мест. Отделение УЛИТУ (управление лесных исправительно-трудовых учреждений. — Ред.) едва сводит концы с концами: за многие годы лес в окрестностях основательно прорежен бензопилами, волей-неволей приходится сокращать производство. А безработица среди осужденных ведет к подрыву режима, росту преступности в колонии, подогревает побеговые настроения... На днях оперативники предупредили: Граф опять воду мутит, подбивает дружок самочинно скостить сроки. Водворили его в ПКТ (помещение камерного типа. — Ред.), однако нужно держать ухо востро — и надзору, и охране. Если б он был один — полбеды. А ведь таких "графов" и "королей" в зоне — десятки. Только и ждут случая... Но ничего, и мы не лыком шиты — выдюжим, — подвел черту подполковник. — Что б там жулики ни вынашивали в своих темных душах, незаконные дорожки на свободу надежно перекроем.

МАЛЕНЬКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. Едешь по поселку, который начинается там, где кончается асфальт, а вместе с ним и блага цивилизации, — минор в душе. До ближайшего города сотня верст с гаком, а такое впечатление, что как тот на всю тыщу тянет. Ох и глухомань же! Покосившиеся дощатые домишки тех еще, гулаговских, времен, убогие и сирые на фоне неописуемой красоты лесной — как нищие в праздничной толпе. Колдобины на улочках, бьющие "уазик" под самый дых. Высокий забор зоны с неуклюжими "скворечниками", вышками... Для непривычного к конвойной экзотике человека — тоска, с зубною болью схожая.

И вдруг на окраине этого безысходного неуютя — оазис, поднимающий настроение, словно солнечный лучик в пасмурную погоду. Аккуратный, ухоженный военный городок. Вроде бы ничего особенного: плац с разметкой для строевых экзерсисов, традиционные плакаты на металлических щитах, призывающие любить Отечество, гордиться службой во внутренних войсках, неустанно крепить бдительность и боеготовность, неказистые снаружи, но блистающие чистотой внутри казармы, подсобная "ферма" на заднем дворе — а душевного минора как не бывало. Окончательно развеяли грусть комнаты информирования и досуга, похожие на провинциальные русские горницы. Видно — не для показухи, для себя старались, обустроивая быт в солдатском доме.

Но не только это помогает бойцу переносить служебные тяготы. Как там сказал великий полководец? "Путь к сердцу солдата лежит...". Переведа сей мудрый афоризм на язык современного военного циркуляра, добавим: через всестороннюю заботу командиров всех степеней о полном обеспечении личного состава положенными видами довольствия. Котловым, разумеется, в первую очередь.

Ну так вот, в связи с упомянутыми выше обстоятельствами тыл лесного соединения организовал "камбузы", непосредственно в караулах. Дело хлопотное, зато стоящее. Чем меньше варочные объемы — тем харчи вкуснее да сытнее, а значит, и службу часовые правят добрее. А если еще учесть, что батальон имеет мощные продовольственные резервы... В подсобном хозяйстве — 140 свиней, десяток коров, кролей с полсотни. А это дополнительные порции мяса на солдатский стол, горячее молоко по ночам. Теплица исправно зелеными витаминами потчует. О запасах варенья из лесных ягод своевременно беспокоились. Как на откликнуться бойцу при такой поистине отеческой заботе на призыв офицеров: "Надо!?"

Подполковник Крысак — службист до мозга костей, а во многих сельхозвопросах разбирается не хуже профессионального фермера. Нужда засталяет. Без собственной тыловой базы отдельно дислоцированному лесному подразделению призывно-контрактный кризис не одолеть. Так что на страницах командирского ежедневника слова "комбикорм", "приплод", "забой", "сеннокос", не теряются среди строк с терминами военного управления.

Помогают Александру Степановичу управляться с подсобным хозяйством, взвалив на свои плечи львиную долю

этой нелегкой ноши, старшие прапорщики Николай Халак, Такир Ходжаев и Василий Легин. Исключительно по собственному почину, из любви к труду, к службе. Не нарадуются на них комбат. О солдатском котле, как о личном, пекутся. Не щадя собственного времени, занимаются строительством. В рекордно короткие сроки полгородка обновили. Не пустяк...

Слушая подполковника Крысака, не уставал поражаться силе духа военных людей из глубинки. Будущее в густом тумане. Никто не знает толком, какая судьба ждет служивых после передачи конвойных задач администрации ИТК. В чем ведении окажутся казарменный фонд, учебно-материальная база, прикухонная "ферма", развитию которых отдано столько сил и энергии. Но рук не опускают, думают о главном — как выполнить профессиональный долг в переходный период, обеспечить надежную охрану объекта, пока не придет их "разводящий". Тревожатся: не подкачали б коллеги из сопредельного ведомства, приняв под свое начало боевые караулы.

— Иные махнут рукой: "Да не осложняй ты себе жизнь мрачными предчувствиями. Забыл, сколько крови тебе твоя „конвойка“ попортила? Пусть теперь у „лагерников“, о ней голова болит". Нет, братцы, нам делить нечего, по большому счету, общее дело делаем, хоть и трудимся по разные стороны контрольно-следовой полосы, — размышляет вслух комбат. — И поровну хлебом лиха, если капитально не подготовимся к решению этой государственной проблемы...

А ЧТО ДУМАЮТ на сей счет руководители затерянного в лесу пенитенциарного островка?

Беседуем в штабе отделения УЛИТУ с офицерами внутренней службы. Фамилии моих визави не упоминаю, дабы не навредить: порой смелые оценки и выводы вызывают неадекватную реакцию у хозяев руководящих кресел.

Итак, прекрасно сознавая необходимость освобождения внутренних войск от функции охраны ИТК, представители ведомства исполнения наказания относятся к начавшейся уже реформе, мягко говоря, без особого энтузиазма. Парадокс? Отнюдь. Сама идея, по их мнению, без изъянов, спору нет. А вот методы ее воплощения в жизнь, запланированные сроки... Как говорят в народе, скоро хорошо не родится.

Для чистоты эксперимента давайте плясать от идеально сложенной пьески... Предположим, удастся за год хотя бы на треть укомплектовать подразделение контрактниками (что в реальных условиях практически невозможно

но: лес — не город). Без нормального жилья они долго не продержатся. А в короткие сроки "при наличии отсутствия", финансовых средств можно построить разве что песчаный замок.

Теперь о главном — о качестве контингента волонтеров, продолжали загибать пальцы оперативно-режимные работники. Где гарантия, что люди, морально не готовые к выполнению трудной, опасной и, чего там скрывать, неблагодарной работы, в одночасье не окажутся "агентами влияния, преступников? Не будем говорить о таких банальных вещах, как шантаж и подкуп. Есть более радикальные средства. В маленьком поселке жены и дети контрактников — потенциальные заложники. Не всякий отважится при необходимости применить оружие, зная, что сообщники убитого или раненого беглеца в любой момент могут расправиться с семьей. У мафии длинные руки.

Вот и получается: куда ни кинь — всюду клин. Хотим как лучше, погоняем всюду, а потом готовы локти кусать. Взять, к примеру, недавние реформы, принялись выстраивать логическую цепочку офицеры. Либерализация режима содержания. Пошли на поводу у дилетантов-правозащитников, требовавших под давлением демократической общественности более гуманного отношения к преступному элементу. В результате подняла голову "отрицаловка", ее теперь ни штрафным изолятором, ни ПКТ не испугаешь. Ну нельзя было автоматически переносить западный опыт содержания гангстеров в тюрьмах на нашу пенитенциарную почву! Следующий этап — передача контролеров под начало администрации ИТУ. Итог? Упало качество надзора. Впору каждодневные обыски прапорщикам внутренней службы на КПП устраивать: уставшие от хронического безденежья, некоторые готовы черта за хорошую мзду в кармане пронести. И наконец, смена хозяев караула...

Записывая на диктофон взволнованные монологи представителей взаимодействующих служб, пытался вообразить, а что думает о переподчинении охраны третье заинтересованное лицо — Граф, главный "инспектор", бдительности и боеготовности служивых. Ему, поди, тоже не безразлично, кто будет командовать караулом, бессонным и строгим, кто поднимется на вышки, займет места у пультов ТСО. Много отдаст, чтобы взять реванш.

Позволим?

Подполковник Ю. КИСЛЫЙ.

*Северо-Западный округ
внутренних войск МВД России.*

Разговор по душам

ТРЕЗВЫЙ РАСЧЕТ

Наш корреспондент подполковник А.УШАР побывал в гостях у сибиряков. Хозяева — начальник штаба специальной моторизованной воинской части подполковник ШУРЧАКОВ Виктор Степанович, заместитель начальника охраны общественной безопасности УВД области подполковник милиции ЯРЦЕВ Николай Петрович и командир отряда милиции особого назначения УВД области полковник милиции ГРЕХСНИН Виктор Александрович. По просьбе корреспондента офицеры собрались за "круглым столом", чтобы рассказать о том, как они и их подчиненные обеспечивают общественный порядок на улицах города.

— Вечером первого же дня моей командировки областное телевидение показало свежие, что называется, с пылу, с жару кадры, запечатлевшие спорные и слаженные действия военнослужащих внутренних войск, сотрудников органов внутренних дел и работников пожарной охраны при решении учебной вводной — ликвидации очага возгорания в высотной гостинице. Мне еще подумалось — редкостное совпадение: не успел приступить к сбору фактического материала, как он буквально поплыл в руки. Только фиксируй. А может, это действительно совпадение и на самом деле вы сосуществуете в духе известной басни Крылова?

ШУРЧАКОВ. Ничего подобного, даже не сомневайтесь. И начинается взаимодействие еще на стадии планирования. Накануне очередного месяца командир части докладывает начальнику УВД свои предложения по использованию личного состава на патрульно-постовой службе. Естественно, в составлении единого и обязательного для всех документа участвуют и начальник охраны общественной безопасности области, и его коллега городского масштаба, и заместитель начальника УВД

по службе, и другие представители правоохранительных органов. Причем даже здесь, на старте, стороны стремятся предельно соблюсти интересы партнеров, памятуя о том, что работать придется в одной упряжке. Да и дело-то у нас — общее.

ЯРЦЕВ. И, полагаю, нелишне будет ознакомиться с некоторыми статистическими данными, чтобы наглядно представить себе, какова эффективность наших совместных усилий. Прежде всего — ложка дегтя: в минувшем году было совершено более одиннадцати тысяч уличных преступлений, что, увы, на четверть превышает предыдущий печальный показатель. Тщательно проанализировав криминогенную и оперативную обстановку, изучив причинно-следственный ряд происшествий, наметили целый комплекс дополнительных мероприятий. И привлекли к их реализации курсантов военных училищ и школы милиции, военнослужащих Сибирского округа внутренних войск.

Для начала провели несколько целевых акций, в том числе и крупномасштабную операцию "Сигнал", по сути дела, объявив настоящую войну хулиганству на улицах, кражам, грабёжам, угонам автотранспорта, разбойным на-

падениям. Совместно с управлением по борьбе с организованной преступностью расставили капканы на так называемых трассовых рэкетиров: блокировали и задержали немало разбойников с большой дороги. И многие водители вздохнули с облегчением.

— Отрадны итоги, но это все в целом и в общем, а не могли бы вы припомнить конкретные примеры взаимодействия военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, допустим, в той же операции «Сигнал»?

ШУРЧАКОВ. Без особого труда, поскольку их было предостаточно. Так, войсковой наряд вместе с работниками ГАИ, отдела по борьбе с экономическими преступлениями и уголовного розыска задержали автомашину, пассажиры которой имели при себе изрядное количество наркотиков: и «сигареты», и порошок. Всего же за три дня операции изъяли семнадцать пистолетов у лиц без права их ношения, семь единиц холодного оружия, боеприпасы. Около двадцати человек угодили в сито проверки на автотранспорте без номеров и соответствующих документов.

ЯРЦЕВ. В результате нашего совместного контрастступления уличная преступность в городе снизилась на треть в сравнении с аналогичным периодом прошлого года.

— Но это опять же в сумме, Николай Петрович. А по видам правонарушений?

ЯРЦЕВ. Пожалуйста — без малого вдвое меньше стало разбойных нападений, на две трети сократилось количество краж, заметно снизилось число грабежей.

— Хочется верить, ваши контакты не ограничиваются проведением широких акций?

ЯРЦЕВ. Конечно же, нет. У руководства округа внутренних войск и УВД сложились тесные, доверительные отношения, скажем так, на стратегическом уровне по всем направлениям. Но и в тактическом звене, непосредственно на местах — полное взаимопонимание.

ШУРЧАКОВ. Мы ежедневно участвуем в селекторном совещании, которое проводит начальник УВД области, высказываем свои пожелания, прислушиваемся к советам и рекомендациям коллег. Польза обоюдная.

ЯРЦЕВ. Более того, практикуем совместные инструктажи военнослужащих и работников милиции. Представитель райотдела и ответственный офицер на пару проверяют службу. И итоги, между прочим, подводим тоже

сообща... Извините, ради Бога, а почему вы так недоверчиво на меня смотрите?

— Есть причины, Николай Петрович. К сожалению, мне в своей журналистской практике нередко приходилось сталкиваться с совершенно иными фактами. Случалось, сотрудники милиции сетовали на то, что солдаты бесцеремонно вторгаются в сферу их влияния и не столько помогают, сколько мешают по причине своей некомпетентности и слабой подготовленности. Бойцы признавали: да, мешаем и будем мешать до тех пор, пока коллеги не перестанут делать из службы кормушку для себя. Руководители райотделов возмущались тем, что войсковые наряды на маршрутах гребут всех подряд без разбору и по пустякам. Военнослужащие же обвиняли противоположную сторону в обратном: дескать, мер к задержанным не принимают, а сразу же отпускают восвояси. С глаз долой — из сердца и служебного донесения вон.

ГРЕХОНИН. Вот вы сказали — «противоположную сторону». Нет-нет, я не ловлю вас на слове, просто хочу чистосердечно поздравить: наконец-то вам повезло — мы тут все на одной стороне, за одним бруствером. И не ставим себе это в заслугу, ибо полагаем, что иначе и быть не должно. Любые разногласия между ведомственными структурами министерства — и впрямь аномалия. А консолидация усилий, единство действий в вопросах обеспечения общественной безопасности — норма, золотое правило.

— Очень приятно слышать. И все же нет правил без исключений.

ЯРЦЕВ. Уговорили. Я действительно припомнил, что в начале прошлого года у нас произошли два, назовем их так, недоразумения. Вот одно из них: войсковой наряд доставил в ленинский райотдел задержанных, а дежурный после ухода военнослужащих, до конца не разобравшись, указал им на дверь. Сказать, что этот волиющий случай стал предметом жесткого обсуждения на всех уровнях, включая областной, — значит, ничего не сказать. Начальник штаба подтвердит: после подобного «разбора полетов», и принятых оргмер, довольно крутых, вряд ли еще найдутся охотники повторить «подвиг» незадачливого дежурного.

— Банально, но факт: жизнь полна неожиданностей. И может статься, что у вас, в управлении, Николай Петрович, возникнет острая нужда во внеплановой помощи военнотру-

жащих органам внутренних дел. А у них — служба, все на постах, и свободных штыков нет.

ЯРЦЕВ. Что ж, бывают и авралы. Обращаемся...

ШУРЧАКОВ. И никаких проблем. Тут же делаем все возможное: привлекаем резервы, производим перегруппировку сил, изыскиваем дополнительные средства — словом, обязательно находим выход из затруднительного положения, лишь бы только не оставить партнеров один на один со свалившейся на их головы неприятностью.

ЯРЦЕВ. А, наверно, могли бы ответить: извините, мол, у нас сегодня — день занятий, вот телефон командующего.

— Могли бы, а, Виктор Степанович?

ШУРЧАКОВ. Теоретически — да, но практически — ни в коем случае. Когда что-либо позарез необходимо нам, напарники сразу же спешат на выручку.

— Докажите примером, если не трудно.

ШУРЧАКОВ. Проще некуда. Каждый понедельник в части — день начальника войскового наряда. Я смело вписываю в соответствующую графу плана проведение занятий сотрудником УВД. У меня и тени сомнения нет, что к назначенному сроку прибудет компетентный, методически подготовленный специалист из управления. Даже если у них самих дел невпроворот.

— По-моему, весьма существенно и характерно, что вы, рассказывая друг о друге, употребляете слова с оттенками доверия — «коллеги», «партнеры», «напарники»... Думаю, это о многом говорит. Но все-таки мне кажется, может быть, я и ошибаюсь, чем больше в регионе правоохранительных структур, выполняющих параллельные задачи, тем сложнее наладить контакт между ними, скоординировать силы в горизонтальной плоскости.

ЯРЦЕВ. Не знаю, уместна ли здесь аналогия с футбольной командой, но ведь и на стадионе на всех — один мяч и один ворот противника. Успех игры зависит от умелых пасов и веры в то, что фланги и тылы надежно прикрыты товарищами. И милицейские, и войсковые наряды, и посты ГАИ при несении патрульной службы трудятся, о чем уже поведал начальник штаба, по единому комплексному плану. Стало быть, играют в одной команде.

— А как вам удается соразмерно, по справедливости распределять служебную нагрузку? Не получается ли так, что порой кому-то достается

возок полегче, а кому-то и потяжелее?

ЯРЦЕВ. Трудно, а скорее всего — невозможно со стопроцентной точностью спрогнозировать всплеск уличной преступности в том или ином районе города. Бывает, что львиная доля забот и тревог выпадает военнослужащим, бывает — ОМОНу. Во всяком случае, нарезая участки и посты, всячески стараемся уравновесить служебный багаж.

ГРЕХОНИН. Вот если бы можно было согласовывать наши планы с лидерами преступных группировок... Шучу, конечно. А всерьез: мы не ищем для своих подчиненных легких или трудных задач. Чаше задачи находят нас.

ШУРЧАКОВ. Все продиктовано интересами общественной безопасности. Кстати, в этих же интересах ежемесячно совместно с силами УВД области и службой федеральной контрразведки практикуем тренировки. Очевидцем последней вам и помогло стать местное телевидение. Коли уж о ней зашла речь, отмечу, что вводная поступила совершенно неожиданно (впрочем, на то она и вводная), но и мы, и коллеги прибыли к месту условного происшествия гораздо раньше установленного нормативом срока. Полностью экипированные, готовые к любым действиям даже в неординарно сложившейся обстановке.

ЯРЦЕВ. Кроме того, как минимум дважды в год проводится нечто вроде комплексных учений по ликвидации массовых беспорядков (к счастью, гипотетических). Учения начинаются, как правило, здесь, в части, на плацу.

— За какие ж заслуги военным такая честь?

ЯРЦЕВ. Да не честь это и не привилегия, а традиция. Так вот, прибывает сводный отряд РОВД и ОМОНА. И плечом к плечу все отрабатывают различные вопросы, например, выявляют и задерживают зачинщиков и подстрекателей, применяют спецсредства, локализируют очаги волнений и так далее. А уже после генеральной репетиции выезжаем непосредственно на объект, то бишь колхозный рынок. Естественно, в тот день, когда он закрыт. И снова решаем учебные задачи, но в условиях, более приближенных к реальным. Задействуем бэтээры, пожарные машины и другую специальную технику.

— Массовка ваша?

ЯРЦЕВ. Имитация толпы? А чья ж? И, между прочим, руководство тоже наше, строгое и принципиальное, убежденное в том, что без координации всех звеньев правоохранительной системы порядок в городе не навести.

— Хорошо, когда пристальное должностное внимание подкрепляется моральным, а лучше — материальным стимулированием результатов службы.

ШУРЧАКОВ. Грех жаловаться. Недавно, подытожив показатели служебно-боевой деятельности за квартал, начальник областного УВД премировал часть деньгами для поощрения личного состава, выделил квартиру и видеомагнитофон.

— Вот это уже убеждает.

ЯРЦЕВ. А разве не показательно то, что практически каждодневно перед выходом солдат и сержантов на патрульные маршруты в часть приезжает заместитель начальника службы общественной безопасности района и принимает участие в инструктивных занятиях? Разве подобное обстоятельство не свидетельствует в пользу того, как высоко ценится нелегкий труд бойцов, их вклад в укрепление общественного порядка?

— Безусловно. Но в эпоху диковинных рыночных отношений у людей исподволь появляются иные ценностные ориентиры. Нет, я понимаю, что доброе слово и кошке приятно, однако...

ШУРЧАКОВ. Можете не продолжать, суть ясна. Видите объемное номерное дело у меня на столе? Открываю его наугад, читаю: приказ начальника центрального райотдела о поощрении военнослужащих. Преамбулу опускаю. Вот — за активное участие в охране общественного порядка приказываю наградить деньгами... и далее фамилии солдат, сержантов и офицеров, конкретные суммы. Листаю: приказ начальника городского УВД — за проявленный профессионализм и добросовестное выполнение долга наградить деньгами... Следом — приказ начальника управления внутренних дел области: опять деньги и ценные подарки...

ЯРЦЕВ. В деле их — десятки. Причем обратите внимание на то, что военнослужащих поощряют на всех уровнях. И по итогам месяца, квартала, полугодия, года, и по праздникам, и за вполне определенные умелые действия на маршруте, при несении службы. Не было случая, чтобы чей-то мужественный, смелый поступок остался незамеченным.

— То есть вам удалось полностью реализовать принцип неотвратимости поощрения. Кстати, а обратная связь существует, командование части отмечает своими приказами сотрудников милиции за содействие бойцовским пародам в обеспечении общественного порядка?

ШУРЧАКОВ. С превеликой радостью — были бы средства.

ЯРЦЕВ. Не кривя душой: лучшая награда для нас — высокая боевая готовность и боеспособность воинской части, твердая уверенность в том, что люди служивые не подведут. И они не подводят. Буквально на днях мы вместе провели успешную операцию — выявили подпольный завод по изготовлению спиртных напитков, задержали его хозяев, конфисковали и вывезли всю продукцию — тринадцать грузовиков. Довольно крупная партия зелья.

ШУРЧАКОВ. А недавно руководство УВД обратилось с просьбой — выставить в районе несения службы два дополнительных КПП и помочь сотрудникам милиции в осмотре чердаков и подвалов, которые, по данным оперативников, хулиганствующие элементы облюбовали под свои «малины», или, как сейчас модно говорить, офисы. Сказано — сделано. Рейд оказался результативным.

— Ну неужели не возникает никаких проблем и сложностей в организации взаимодействия?

ГРЕХОНИН. И слава Богу! Трезвый расчет сил и средств изначально исключает возможные нестыковки. А добрые, дружеские отношения с командиром части полковником Трикозом Александром Васильевичем, присутствующим здесь начальником штаба помогают избежать потенциальных огрехов.

— Виктор Александрович, из бесед с офицерами в других округах мне известно, что на маршрутах патрулирования именно между войсковыми нарядами и омоновцами нередко, скажем так, пробегает черная кошка.

ГРЕХОНИН. Для меня это новость, честное слово. Если где-то подобные факты и имеют место, то уж во всяком случае не в наших краях. Когда появляется надобность, мои парни не колеблясь бросаются на выручку военнослужащим, зная, что и им в критической ситуации непременно подсобят.

— Примеры?

ГРЕХОНИН. Это настолько обычное явление, что я даже затрудняюсь с ходу ответить на ваш вопрос... Примерно с неделю назад военнослужащим пришлось туговато: задерживали распоясавшихся хулиганов, а к последним, как на грех, нежданно-негаданно подоспело подкрепление. Силы оказались явно неравными. К счастью, поблизости находились мои подчиненные, которые тут же подключились и... Сами понимаете, дружно — не грузно. Справились, одним словом. Кстати, вы

неоднократно интересовались тем, как мы поддерживаем взаимодействие друг с другом на службе. Возможно, вас это удивит, но его искусственно и не поддерживаем. Да-да, оно существует только потому, что иначе быть не может, не должно. Тесные контакты правоохранительных структур города со специальной моторизованной воинской частью — неотъемлемый, специфический и совершенно естественный атрибут организации противодействия антиобщественным силам. Ну как я или мой заместитель не приедем к полковнику Трикозу, если знаем, что он проводит сборы с начальниками войсковых нарядов или командирами отделений? Надо же выступить перед людьми, проинформировать их об особенностях обстановки, указать на сильные и слабые стороны в деятельности патрульных на маршрутах, поделиться опытом.

— Мне кажется, результативность вашей работы, Виктор Александрович, может проиллюстрировать один факт. Скажите, среди сотрудников отряда милиции особого назначения есть бывшие военнослужащие части?

ГРЕХОНИН. Конечно, человек десять. Надежные парни, прошедшие огонь, воду, медные трубы и в горячих точках, и здесь, в пункте постоянной дислокации. Чувствуется школа. Вспоминаю время, когда в части был свой спецназ: воистину чудо-богатыри. Я охотно привозил сюда моих ребят, дабы они воочию увидели, каким должен быть профессионал — блюститель общественного порядка. Учились у них.

ШУРЧАКОВ. Сейчас мы делаем все возможное, чтобы спецназ возродился, как птица Феникс из пепла. Надеемся, этот взвод вновь введут в штаты. Но и не сидим сложа руки в ожидании милости: организуем «экскурсии» в ОМОН, чтобы солдаты убедились, какими они при желании и соответствующих тренировках могут стать.

ГРЕХОНИН. Долг платежом красен. Впрочем, это они видят и на службе, действуя в одной связке с омоновцами. Стараются ни в чем не уступать старшим товарищам: своеобразный стимул для профессионального роста, не так ли? Мы заметили, что юношеский задор войсковой молодежи в сочетании с богатой практикой спецов ОМОНа приносит самые благоприятные результаты.

ЯРЦЕВ. Вот вам, пожалуйста, плоды тесных контактов на тактическом уровне.

ГРЕХОНИН. Между прочим, я уверен, что в организации надежного взаимодействия большую роль играет боевой опыт подполковника Шурчакова, за

плечами которого годы службы в Афганистане.

ШУРЧАКОВ. Думаю, это в решающей степени касается действий части в кавказских спецкомандировках...

ГРЕХОНИН. А я так не думаю. Не скромничайте, Виктор Степанович. Дипломатичность, гибкость, смелость мышления, коммуникабельность — эти и многие другие приобретения вы привезли из-за «речки», где были советником командира оперативного батальона. Не они ли лежат в основе наведенных воинской частью мостов?

ШУРЧАКОВ. Трудно сказать...

— А вы попробуйте: хотя бы один эпизод, наглядно демонстрирующий важность взаимодействия между вами и силами тогда еще Советской Армии.

ШУРЧАКОВ. Ну если только один. После выполнения боевой задачи наш батальон отходил в район сосредоточения. И на беду попал в засаду: душманы, заблокировав все выходы, открыли интенсивный перекрестный огонь с «зеленки». Что делать — приняли бой. Неравный. Когда патроны были на исходе, связался по рации с армейцами, обрисовал вкратце ситуацию, дал координаты и попросил артиллерию поддержать нас огнем. Мне отказали, сославшись на риск зацепить своих. Тут еще и радиостанцию разбило осколками. Благо уцелела вторая. Снова настроился на частоту начальника штаба полка: «Дайте огоньку!», «Не могу, — отвечает, — неровен час вас заденем», «Авось пронесет, — кричу. — Зато без поддержки вы нас не заденете, а похороните». Уговорил все-таки. Первые же разрывы снарядов подняли в воздух тучи песка и пыли. Ну мы и проскочили в этой завесе. Никак не ожидали «духи», что шурави осмелятся вызвать огонь на себя. Опомнились — а нас и след простыл. Вот так, с помощью армейцев и уцелели. Если бы не они...

ГРЕХОНИН. Да если бы не вы, положили бы батальон как пить дать. Наверняка рассчитали все заранее, ходов на пять вперед — под стать опытному шахматисту.

— Предлагаю в качестве мировой — компромисс: выручило взаимодействие. И дай Бог, чтобы в дальнейшем при его организации никому из вас, коллеги, не пришлось вызывать огонь на себя. Спасибо большое!

*Сибирский округ
внутренних войск МВД России.*

Частное мнение

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Как же воспитать солдата в духе любви к Родине, если не сумеете его убедить в собственной любви, если не сумеете его заставить проникнуться уважением ко всему родному?

К. Кузьминский,
российский офицер, участник
русско-японской войны.

Мой одноклассник, заместитель командира батальона по работе с личным составом, свое удостоверение личности называет летописью перестройки. За последние несколько лет, судя по записям в графе "изменения в служебном положении", он прошел четыре должности, "вырос" от замполита - до "замполюда". Причем в одном и том же подразделении, выполняя одну и ту же функцию: воспитание личного состава.

Да Бог с ними, с вывесками и титулами. Не в этом дело. Реформируя политорганы, еле поспевали обновлять их основную форму воздействия на умы и сердца - политическую подготовку. Не каждое ее название, меняющееся с частотой кинокадра, в спешке удавалось узаконить директивой. Вначале по примеру большевиков ее нарекли "опиумом для народа", словно религию в прошлом, и как направление общественно-массовой работы предали анафеме. Таково уж веяние революционного времени: разрушить все до основания сегодня, дабы откреститься от оплеванного политического "вчера".

Однако армия, организм по сути своей консервативный в лучшем смысле этого слова, не торопится избавляться от того, что долгие годы верой и правдой служило ей во благо. Жизнь не раз убеждала: новое - хорошо забытое старое. Так стоит ли изобретать велосипед? Слава Богу, опомнились и вовремя остановились, чтобы вместе с грязной водой не выплеснуть из купели ребенка.

И некогда сугубо партийная наука, как держащий нос по ветру перемен партаппаратчик, предстала нынче в демократическом, деполитизированном

облике. Теперь всеми имеющимися в наличии силами пытаемся вдохнуть в нее вторую жизнь, чтобы общественно-государственная подготовка не только в теории, но и на практике осталась "основной формой воспитания".

Кстати, если верить энциклопедии, воспитание - это "определенное, целеустремленное и систематическое воздействие на психологию воспитуемого, чтобы привить ему качества, желательные воспитателю". Простенько и со вкусом. Помнится, в недалекие времена молодые офицеры, оправдываясь за проступки подчиненных, в сердцах сетовали: "Разве можно перековать солдата за два года, если до службы он был предоставлен самому себе?". "Вы что же, отрицаете процесс воспитания? - тактично загоняли в угол строптивого лейтенанта. - Значит, не признаете марксистско-ленинскую диалектику развития". Вот так ставился вопрос, ни больше ни меньше.

Нет, не отвергали они диалектику, да и не такими уж серыми и педагогически запущенными были эти тамбовские, курские, челябинские ребята, одетые в солдатские шинели. Проблема в другом: какие же качества следовало воспитывать офицерам в ходе политподготовки путем "целенаправленного и систематического воздействия" на своих подчиненных? Вопрос риторический. С тем, что она составляла часть общепартийной, идеологической работы, спорить вряд ли кто станет. А партия не была бы правящей, если бы не внушала народу идеи о своем единстве с ним, не воспитывала верность себе и тем идеалам, которые служили основой кристальной честности и высокой морали, безграничного

патриотизма и гражданского долга перед Отечеством.

Дабы у читателя не сложилось впечатление, что он имеет дело с очередным перерождением, который не упустит возможности швырнуть булыжником в бывшую "ум, честь и совесть нашей эпохи", должен оговориться: под партией я отнюдь не подразумеваю многомиллионную массу тружеников, рядовых коммунистов, которые так же были далеки от идеологического обоснования поступательного движения к вершинам светлого будущего, как и декабристы от народа. Музыку ведь заказывал партийно-политический олимп (тут уж действительно читай - партия), а остальные просто вынуждены были плясать под его дудку и всячески ее пропагандировать, пропагандировать...

В числе "большинства", — молодые лейтенанты, идеологические бойцы и проводники руководящих идей в массы, убеждавшие подчиненных в том, во что и сами не очень-то верили; ссылаясь на материалы партийных съездов и цитируя авторитетных большевиков, объясняли солдатам преимущества социализма перед капитализмом. А они по-прежнему сомневались, что мы живем лучше, чем "буржуины", в своем загнывающем обществе. И даже несмотря на то, что первыми поднялись в космос и выплавляем реки стали. Словом, это была действительно махровая идеологическая обработка, оторванная от реальной жизни и потому по принципу "тихого бойкота", отвергаемая и пропагандистами, и аудиторией в недалеком прошлом.

К обновленной форме воздействия в соединениях подошли по-разному. Одни — безоговорочно подчинились указаниям сверху и заботу о ее организации возложили на кафедру боевой подготовки, присвоив новую учебную дисциплину к общему плану учебы; другие — на свой страх и риск оставили как и было, заменив только общее название и конкретные темы, которые доселе явно шли вразрез со сложившейся политической ситуацией в стране. Но все как один, уже вскоре ощутив реальные потери в дисциплине, организованности, воинском порядке, начали искать выход: какой должна быть "основная форма"?

ЧЕГО ГРЕХА ТАИТЬ, сегодня, в период рождающихся в муках базарно-рыночных отношений, общественно-государственная подготовка оказалась в более невыгодном положении, нежели ее предшественница. Мало того, что ее оторвали от некогда мощной системы коммунистического воспитания и вследствие революционных преобра-

зований она обрела, как сейчас принято говорить, суверенитет; у нее буквально из-под ног выбили фундамент — партийную идеологию, партийную мораль, партийную дисциплину. Да, да, я осознаю, что в паре со словом "партийная", эти понятия ныне чужды нашему обществу. Идеологии, если верить политикам, вообще нет места в условиях демократии, моральные ценности попорчены, государственная дисциплина поставлена на колени вседозволенностью и анархией материального производства. По-видимому, будет нелегко при таких потерях распорядиться подаренными судьбой свободой и самостоятельностью. Располагая к тому же таким богатым наследством: дефицит наглядных пособий и методических разработок, дефицит учебников и профессиональных кадров, дефицит интереса "низов" и веры "верхов"...

Ведь известно, что весь уклад воинской жизни, в том числе и занятия по общественно-государственной подготовке, должен воспитывать у молодых людей смелость, решительность, неподкупность, верность народу, Родине, Конституции. Шутка ли! Пожалуй, подобные цели реальны при условии, что и в войска придут честные, добросовестные, законопослушные граждане. Или как минимум — желающие послужить Отечеству верой и правдой. Только из такого "материала", можно воспитать настоящего солдата, самоотверженного бойца, надежного защитника. Мечты, мечты... Ни для кого не секрет: призывают всех подряд, лишь бы здоров был. Вот вам очередная проблема, и довольно острая. Поэтому-то и приходится командирам, коим по силам, устраивать воспитательный "ликбез", устранять пробелы в доармейском воспитании. Сеятели разумного, доброго, вечного вынуждены бросать семена в промерзлую землю, имея мизерные надежды получить всходы. Тем не менее в старину говаривали: "Умирать собирайся — а рожь все равно сей!". Иного не дано.

Изначально в необходимости общественно-государственной подготовки ни у кого сомнений не возникало. Военный публицист Александр Пупков писал: "...Умное, грамотное поколение нужно России, как говорится, еще вчера. Потому и считаю вопрос о воспитательной работе с воинами вопросом государственным. Потому и считаю, что часы общественно-государственной подготовки должны стать действительно уроками истории, уроками нравственности... Я бы добавил: "уроками патриотизма". Ибо патриотизм — гражданское чувство, которое при любой идеологии побуждает молодежь к ревностному служению Отечеству.

А теперь обратимся к документу об организации общественно-государственной подготовки. В основном здесь все осталось так, как было раньше: строго регламентированы формы и методы, количество часов на каждую тему. Хотя, с другой стороны, чем можно заменить, к примеру, целевую установку: «воспитание патриотизма, готовности к защите Отечества и конституционных прав граждан»? Разве при переходе от социализма к демократии эти понятия девальвируются или готовность к подвигу во имя Родины обретает иной смысл? Естественно, нет. И все же идеологический вакуум стал непреодолимым барьером для многих офицеров. Некогда культивируемые ценности канули в Лету, посему воспитатели и потерялись. А привыкшим работать по директивам и материалам съездов представился удобный повод мотивировать свою бездеятельность: мол, появится государственная идеология, будут указания — тогда и засучим рукава. К счастью, таких меньшинство.

Первый этап становления обновленной формы воспитания должны вынести на своих плечах инициативные руководители воинских коллективов, не ждущие (и правильно делающие), пока появятся новые идолы, которым нужно поклоняться. Этим людям даже новаторами не назовешь, ибо ничего нового они не придумали, а просто сохранили, слегка обновив, старые, но эффективные методы работы. Ими движет лозунг: «За нас никто не сделает!»

Полковник Игорь Артыкбаев восстановил у себя агитбригады. Нужда заставила: подразделения рассредоточены на огромной территории, солдат не собрать, что называется, до кучи. Вместе с заместителем по работе с личным составом подбирают актуальные темы, учитывая состояние дел в подразделениях, заручаются поддержкой врача и юриста — и вперед, в десант. Командиры сами говорят: в профилактике неуставных взаимоотношений, внеслужебных связей с осужденными — огромная помощь.

Помнится, была и такая форма политучебы — единый политдень. Ушла в небытие. А подполковник Петр Ревенко оживил, назвав ее «встречей командования части с личным составом». Ясное дело, классические лекции-семинары не проводятся, зато вопросы социальной защиты военнослужащих решаются реально — факт.

Не открою Америку, если скажу: слово — основное средство влияния на аудиторию во время занятий по общественно-государственной подготовке. Закономерен вопрос: каким оно должно быть?

Я ВСЕГДА ВОСХИЩАЛСЯ искусством воздействия священника на прихожан, постепенно превращающего их в своих единомышленников. Без всякого намека на воспитательные методы, которые от нас требовали повсеместно применять. Его монолог заставляет человека размышлять о долге и совести, побуждает делать добро, призывает терпимо относиться к окружающим. Почему бы и нам в качестве универсальной формы общественно-государственной подготовки не избрать проповедь? Нет, я не сторонник создания культовых институтов в вооруженных силах. Речь о другом: чтобы офицеры наравне со священнослужителями стали проповедниками нашей истории, патриотизма, любви к Родине. С той же эмоциональной силой воздействия и глубиной проникновения в душу человека. Конечно, это должны быть подготовленные специалисты-обществоведы, отлично знающие прошлое, владеющие мастерством убеждения, публичного выступления, умеющие вести полемику. Кстати, они есть. Подполковник Владимир Иванов, заместитель командира части по работе с личным составом, — не из тех, кто воткнул штык в землю, после того как политподготовка была объявлена «персональной нон грата». Я еще только робко размышлял о том, что в казарме с большой пользой для воспитания может прозвучать духовное слово, а он уже смело воплотил эту идею на практике. «Интерес солдат к занятиям — нулевой, — объяснял он мне. — Поднять их активность, заинтересовать способны только личность, выступающая перед аудиторией, и нестандартный фон типа театральных декораций». Потому-то тему «Религия и военная служба» офицер решил изучить с подчиненными в... Божьем храме. Не с целью приобщения к религии (верить или не верить — дело добровольное), а лишь ради прикосновения к истории Отечества. Церковь Петра и Павла — одна из немногих в Москве, уцелевшая после пожара 1812 года. Настоятель храма своей проповедью поразил самого Ивана, не говоря уже о солдатах. «Тема выступления была оговорена заранее. Но я все-таки опасался, — признался Владимир Сергеевич, — что батюшка повернет разговор в другое русло, начнет проповедовать Закон Божий и предостерегать от земных прегрешений и соблазнов. Ничего подобного. Он призвал солдат честно служить Отечеству, напомнил, что церковь всегда осуждала трусость, подлость и предательство, благословляла мужество и готовность к самопожертвованию «за други своя». Я увидел, что такое

нравственное наставление гораздо действеннее, нежели скучное, постное занятие, на котором командир взвода просто озвучивает статьи УК об уголовной ответственности».

Дальше — больше. Для изучения очередной темы — с форме одежды и воинской символике в русской армии — подполковник Иванов пригласил членов военно-исторического клуба Семеновского полка. Представляете: на сцену выходят молодые пары в военной форме старой русской армии, обращаются друг к другу, как требовал этикет того времени, демонстрируют различные образцы символики на импровизированной выставке и подробно рассказывают об истории их возникновения. Что-то вроде спектакля, театрализованного представления — как угодно назовите сие действо. Для заместителя командира части это занятие по общественно-государственной подготовке. Даже офицеры его посетили с удовольствием. Эффект поразительный. По просьбе военнослужащих «семеновцы», не раз побывали в части, позднее к ним присоединились члены военно-исторического клуба РККА.

«Совершенно невозможно для отдаленных подразделений», — в сердцах скажет иной читатель. Отчасти согласен. Но только отчасти. Много ли желающих и в таких идеальных условиях блеснуть инициативой? Увы. Самой авантюрной идее дают жизнь люди одержимые, творческие. Как-то в газете прочитал заметку о жителе Севера, который несмотря на суровый климат вот уже несколько лет кряду пытается вырастить помидоры. Все знают, что в Архангельске помидоры не растут. Поэтому никто и не пытается их сажать. А он из года в год в неблагоприятную почву бросает семена. И, уверен, добьется своего даже в условиях вечной мерзлоты. К чему аналогия? Военно-исторических клубов сейчас немало и в других городах и весях России, возрождается казачество, несущее огромный заряд патриотизма и этнической культуры. Дерзайте, ищите — и вы вознаградите себя щедрыми всходами.

А чем вам не нравятся комнаты истории и боевой славы частей и соединений, филиалы Центрального музея внутренних войск, созданные в каждом округе? Они ждут посетителей. Потенциал — огромный, коэффициент полезного действия пока что — мизерный.

Недавно в одном подмосковном подразделении встретил старшего лейтенанта Илью Кузьмичева. Должность — старший инструктор Центрального музея по работе в войсках, призвание — коллекционирование всевозможной формы одежды и знаков различия. Его квартира — настоящая кунсткамера. А в

части он проводил занятия по общественно-государственной подготовке. И вот так ежемесячно с передвижной экспозицией выезжает в различные регионы России, рассказывает солдатам об истории войск, пропагандирует нашу нелегкую службу. Причем, заметьте, не о том переживает, что придется колесить по стране, а о том, что не везде знают: музей охотно принимает заявки на такие занятия. Потому и попросил меня сообщить об этом через журнал. С удовольствием.

ВЕРНЕМСЯ от частного — к общему. Предоставив больше самостоятельности низовым структурам, «верхи», в ожидании новых идеологических ориентиров воспитания остались как бы не у дел. Органы по работе с личным составом округов, соединений аккуратно собирают аналитические справки с мест. Коли дела в полку идут хорошо — ну и славно, плохо — потерпите, со временем поправим. А напрямую потребовать — вроде не с руки, потому как самые преуспевающие приспособленцы сразу же в контратаку ринутся: наглядных пособий нет, методических разработок нет, ватмана нет. Ничего нет. Обеспечьте — потом требуйте. Естественно, по-своему они правы. Впрочем, тут вообще виновных не сыскать. Ведь раньше было просто, от литературы полки ломались в каждом подразделении, не говоря уже о библиотеках: при подготовке к занятиям только меняй номера съездов и наименования пленумов, и порядок. Да и по истории войск ежегодно издавалось несколько книг. Взять хотя бы «Войска называются внутренними», «Гордиться службой во внутренних войсках». Сейчас многие критикуют эти издания, дескать, не объективны они, выдержаны в стиле эпохи, не удалось избежать белых пятен. Но подспорье было весомым. Теперь же те, кто хоть немного радеет за свой участок работы (открою секрет), вынуждены брать конспекты времен развитого социализма, убирать из текстов упоминания о КПСС и всех ее грандиозных свершениях, тиражировать и с этим идти к людям. И смех и слезы. Было бы простиительно, если бы мы действительно не могли обеспечить методическими материалами руководителей групп общественно-государственной подготовки. Сотрудники музея внутренних войск говорят: «Готовы уже сегодня представить разработки пяти тем по истории для опубликования в «Войсковом вестнике». Его редактор, подполковник Владимир Кудряшов, с энтузиазмом выражает готовность тотчас же приступить к работе над ними. Так в чем проблема? Оказывается, в планирова-

нии, до боли знакомом атрибуте социалистического образа жизни. Учебные планы на очередной год еще не готовы. Стало быть, столь нужное ныне пособие войска получат в лучшем случае к началу летнего периода обучения. А ложка-то дорога к обеду.

Хотя многие руководители, счастливые обладатели "ложки", просто ленятся поднести ее ко рту. Недавно в одной из частей Северо-Западного округа внутренних войск офицеры жаловались: "В пресс-центре МВД есть видеокассета с фильмом о выходе полка из Цхинвали и марше до Минвод. Сколько раз просили командование части организовать просмотр. Тщетно... Солдаты давно увлелись, офицеры отступились. Что ж, лбом стену не прошибешь.

Другой эпизод: хоронили Героя Российской Федерации, погибшего во время октябрьских событий в Москве. Местное телевидение засняло на видеопленку и предложило командованию части: закажите копию — получите отличный материал для воспитания солдат. Покупились. Не нашли грошей по нынешним ценам, чтобы оплатить бесценный видеофильм.

Спрашивается: кто, подобно земскому старосте Кузьме Минину, в тягчайший период жизни государства сплотившему народное ополчение против супостата, объединит все инициативы и добрые начинания, дабы обеспечить войска действенной системой общественно-государственной подготовки? Именно системой, потому что сегодняшнее ее состояние — законсервированные до лучших времен жалкие остатки политподготовки, которые совершенствуются лишь усилиями энтузиастов. Ну так кто?

СОГЛАСЕН, непростое это дело, ибо общественно-государственная подготовка представляет собой некий симбиоз гуманитарных дисциплин: истории, педагогики, психологии, права. И все они несут определенный объем знаний для конкретной аудитории. Скажем, педагогика и психология рядовому бойцу вовсе не нужны, зато сержанту необходимы (то, что он получает сейчас, — мелочь). Изначально политическая подготовка вводилась в армии с целью образования, а не воспитания; ликвидировалась всеобщая безграмотность, наряду с политическими темами изучались чистописание и арифметика. Уже позже она стала сугубо воспитательной. А вот подходы к ее оценке и по сей день остались чисто школярскими: "три,, "четыре,, "пять,,. Для устранения пробелов в "средненьком,, образовании — в самый

раз. Для воспитания — явно не годится.

Как ни прискорбно сознавать, во все времена мы занимались только обучением, хотя в конечном итоге спрашивали с нас за воспитание.

Я САМ НЕОДНОКРАТНО принимал итоговую проверку по политподготовке. И до сих пор удивляюсь, как мне все-таки удавалось оценивать солдат по существующим критериям, расплывчатым, как призрак коммунизма: знание темы теоретически, наличие конспектов, отсутствие дисциплинарных взысканий в служебной карточке и практическое отношение к исполнению служебных обязанностей. Последнее подсказывал (или шептал на ухо) командир взвода, который стоял у меня за спиной. Отзыв о солдате зависел от многих факторов, в том числе и от того, сколько отличников необходимо "вырастить,, в коллективе. Чай, основной предмет. Вот и сочинял взводный, что каждый третий его подчиненный буквально горит на службе. И это позволяло мне, проверяющему, чуть-чуть закрывать глаза на слабое знание темы и бледный конспект. Где тут логика: солдат двух слов связать не может, а службу несет усердно — оценка "отлично,,; другой — Ленина чаизусть цитирует, но разгильдяй, лазирует между губой и дисбатом — залучил три балла?!

Мне кажется, что, выставляя пятерки по общественно-государственной подготовке, мы своим формализмом (и цинизмом) на корню губим саму идею воспитания. Да и как, к примеру, сегодня оценить солдата по темам: "Что дает тебе воинская служба?,, или "Служба закончилась. Что дальше?,, Не проще ли считать показателем его подготовки добросовестное отношение к исполнению своего солдатского долга. А разгильдяев и вовсе оценивать не стоит, с ними просто нужно работать. В поте лица. Там паче что им наши тройки — до лампочки. Не верите — спросите.

Когда мы прощались с подполковником Ивановым, он с сожалением заметил: "Вот, получили программу сдачи итоговой проверки. Что делать, придется натаскивать солдат. Ради оценки,,.

Опять рубим сук, на котором сидим. Подлинным энтузиастам руки выкручиваем. К сожалению, в этом деле мы преуспели. Глядишь, и осознает офицер на нашу голову, что вся рота шагает в ногу, один командир невпопад.

Майор И. МУЧКАК.

ОБРЕЧЕННЫЕ ЖДАТЬ И ДОГОНЯТЬ, или Что ждет войсковых пинкертонов?

Улетая в командировку на Урал, я, откровенно признаться, не планировал заниматься подготовкой материала о войсковых розыскниках: о них в начале года уже писали в нашем журнале. Но в журналистской практике порой многое решает его Величество случай. Так вышло, что у командира одного из воинских коллективов Уральского округа офицера Алексея Владимировича Серегина меня познакомили с командиром взвода роты розыска старшим прапорщиком Александром Васильевым (фамилии военнослужащих по причинам, связанным с их работой, в материале изменены), представив его как многоопытного профессионала, бесстрашного и мужественного человека, одного из тех, кто по праву составляют золотой фонд кадров внутренних войск. Однако о своих заслугах Александр говорить наотрез отказался.

«Вы лучше расскажите в журнале о том, в каких условиях нам приходится трудиться, а то ведь у нас здесь до Бога высоко, до царя далеко... Может быть, хоть кто-то обратит на наши проблемы внимание...» — с этими словами старший прапорщик пригласил меня в свое подразделение. Отказываться было неудобно — к тому же человек-то просил ради дела, а когда мой блокнот наполнился записями бесед с Васильевым и его коллегами, я понял: о проблемах наших розыскников надо говорить почаще, ибо пресловутый «воз», поныне там — трудно сдвигается с места.

Это случилось прошлогодней осенью. Из тавдинской исправительно-трудовой колонии по вине польстившегося на взятку часового бежали трое осужденных. Пути их людям непосвященным могли действительно показаться неисповедимыми, но только не для офицеров и прапорщиков службы войскового розыска. В места наиболее вероятного появления преступников полетели ориентировки, оповещающие органы внутренних дел и командование частей внутренних войск о возможном визите незваных гостей.

Получили такое известие и в Екатеринбурге, где у беглецов проживают родственники и сохранились связи с уголовным миром. От Тавды до областного центра по нынешним меркам рукой подать: при хорошем стечении обстоятельств часов через пять после побега могут объявиться в городе. А времени прошло уже гораздо больше. Поэтому старший прапорщик Васильев и его подчиненные торопились — надо было многое успеть: прикрыть железнодорожный вокзал, аэропорт, выставить засады у родственников, поделщиков... Но, к сожалению, в роте розыска, как это ни парадоксально, нет служебного транспорта.

Зато бежавшие осужденные в колесах не нуждались. Угнав в Тавде тяжелый мотоцикл, они быстро добрались на нем до Тюмени, а затем поездом прибыли в Екатеринбург. Здесь у одного из осужденных проживала жена, и он решил устроить с ней разборку. Пока наряд розыскников на перекладных тащился к ее дому, преступник успел избить свою супругу, забрать у

нее деньги и ценности, кое-какие вещи и скрыться.

— Была б машина, — сетовал Васильев, — взяли бы всех тепленькими, а так — на тридцать минут опоздали, и ищи теперь ветра в поле.

То, что машина для розыскников не роскошь, а средство передвижения, втолковывать никому не надо. На своих двоих много ли работаешь. Обращается, например, наш пинкертон к участковому инспектору или оперуполномоченному угро (с которыми розыскники, кстати сказать, постоянно контактируют), помогите, дескать, на вашей территории проверить по “наколке”, некоторые адреса, а те в ответ: давайте, поехали...

— Ну какой уважающий себя опер, — говорит Васильев, — будет с тобой разгуливать пешком по городу, если у него своих дел по горло, а времени в обрез?!

На том порой весь их совместный сыск и заканчивается. И топают наш прапорщик в гордом одиночестве по незнакомым улицам, подолгу топчется у дверей подъездов с кодовыми замками в ожидании, когда кто-либо из жильцов поможет проникнуть ему внутрь дома, чертыхается про себя на остановках общественного транспорта, который и ходит-то как Бог на душу положит, да еще под завязку набит пассажирами.

ВПРОЧЕМ, не только безлошадность снижает эффективность работы розыскников. Есть еще немало проблем, вяжущих их по рукам и ногам. Одна из главных — табельное оружие. Вернее, отсутствие его у войсковых сыщиков. Разумеется, не полное, а, скажем так, относительное. “Макаровы”, конечно же, есть, но хранятся они, как и положено по инструкции, в металлических шкафах у дежурного по части. А в кобурах прапорщиков, готовых выехать по первому тревожному сигналу на задержание дезертиров или бежавших из-под стражи уголовников, покоятся карточки-заместители.

— Рядовые милиционеры, которые по уровню подготовки и близко не родня моим подчиненным, и днем и ночью ходят с оружием, — говорит командир роты розыска капитан Николай Кондратьев, — а у нас все по-старому: как бы чего не вышло. Поступил, например, звонок из города, что там-то и

там-то замечен человек, по приметам похожий на преступника, находящегося в розыске. И вот вместо того, чтобы дежурный по роте не мешкая отправлял бы туда группу для проверки поступившего сигнала, он должен идти к дежурному по части и решать с ним вопрос о том, можно или нельзя выдать наряду табельное оружие. Дежурный по части в свою очередь испрашивает разрешения у командира части. А времечко-то идет...

Парни в роте розыска, разумеется, не робкого десятка, могут если надо и с голыми руками пойти на вооруженного вора-рецидивиста — такое случилось, и не раз. Но кому нужен этот риск: командиру, самому прапорщику, его семье? Может, все-таки целесообразней для розыскников постоянно иметь при себе ПМ, кстати сказать, считающийся у отечественных мафиози оружием для детских забав.

— Преступники наглеют все больше, — дополняет командира роты Васильев, — и ни у кого из нас нет уверенности в том, что один из наших бывших “знакомцев”, не захочет посчитаться с теми, кто его брал. Тем более что стволов (да каких!) сегодня гуляет по стране, наверное, не меньше, чем самих уголовников.

Однажды Васильев вместе со старшим прапорщиком Робертом Уткиным проверил адреса, по которым мог находиться сбежавший из колонии зек. Работали весь день — вхолостую. Но надежда умирает последней. Тем более что оставалась еще одна квартир-ка. Пришли, постучали... В ответ — тишина. Давай опрашивать соседей. Один из них и говорит: видел, мол, какого-то странного типа, он заходил наемни в эту квартиру, а сегодня повстречал его у магазина, что напротив дома.

У магазина подвыпившая компания, человек пятнадцать. Среди них и разыскиваемый преступник. Стоит, пьет баночное пиво. Справа, у ноги, “дипломат”. Если вся компания — его дружки, брать опасно. Но что делать? Допьет пиво, сядет в такси или попутную машину — и прощай, в лучшем случае — до свидания. Пистолет у Васильева один на двоих. Была не была. Купили за свои кровные по банке пива, вошли не торопясь в толпу и... защелкнули наручники на руках бандита. А те, что

вокруг, его кореша. Ясное дело, кинулись на выручку. Благо Васильев не обижен силой, да и рукопашник отменный. Парой мощных ударов отключив первого из нападавших, выстрелом вверх успокоил остальных.

— Без пистолета нам пришлось бы худо, — откровенно признается старший прапорщик. — Или бы ножом пырнули, что со мной уже случалось, или подстрелили. В «дипломате» задержанного мы потом обнаружили заряженный обрез.

Можно еще немало привести примеров тому, как оружие выручало розыскников или как они действовали, не имея его: образно говоря, ложились грудью на амбразуру. Важно другое — доверие. Если государство в лице тех, кто стоит над такими, как Васильев, не доверяет им, то вправе ли розыскники доверять государству, ежедневно рискуя жизнью ради его спокойствия? Вопрос не праздный. Не надо забывать и о том, что им, профессионалам, в месяц платят столько, сколько охранник коммерческого банка получает в неделю. И жилье они вынуждены ждать годами. Вот и ответьте, не кривя душой.

Как-то в одной из газет прочитал о том, что россияне не помнят обещаний, данных им всего год-два назад политическими лидерами страны, а клюют на новые посулы, которые также не будут выполнены и уйдут в небытие через какие-то месяцы ради новых, еще более заманчивых обещаний. Не знаю, как все россияне, но мои собеседники не запамятовали того, что им обещали, когда принимали на службу в розыск. Правда, многие уже почти ни на что не надеются.

Определителем ценности любых кадров во все времена являлась забота о них. В том числе и обеспечение крыши над головой. Когда-то розыскников худо-бедно, но не обходили при распределении жилья. Потом вместо квартир пошли одни обещания. Сейчас и обещать перестали: нет квартир — и все тут. Если сам заместитель командующего Уральским округом почти год числится без определенного места жительства, то что говорить о прапорщиках роты розыска...

Взять, к примеру, того же Васильева. Он живет в двухкомнатной малогабаритной квартире, 10 лет стоит в оче-

реди на улучшение жилищных условий. Семья 4 человека. Дочери — 21 гд, сыну — 17 лет. Просит ускорить предоставление трехкомнатной квартиры, в ответ — либо разводят руками, либо говорят: не нравится, пишите рапорт об увольнении. Между прочим, в Уральском округе подобный аргумент очень популярен у некоторых «радеющих» за державу старших начальников (и это в условиях острой нехватки кадров в войсках!).

В то же время другие структуры не дремлют. Департамент налоговой полиции за то, чтобы заполучить таких, как Васильев, предлагает им квартиры в течение года и заработную плату на 20 процентов выше той, что они получают в войсках, плюс те же льготы, различные премии и... гарантируют уважительное отношение к своим сотрудникам. Это значит без хамства и окриков, что заработал, то и получил...

В этой роте розыска служит старший прапорщик Виктор Миropyчев. С 1976 года носит погоны, а проживает с семьей в однокомнатной шестнадцатиметровой квартирке. Виктор числится в списках членов жилищной комиссии, но за два года его не пригласили ни на одно заседание. То ли распределять комиссии нечего, то ли не все чисто в ее работе...

Есть и еще один не менее важный чем социально-бытовой аспект, вопрос, волнующий личный состав роты розыска. Это — дальнейшая судьба розыскных подразделений. С передачей соединений и воинских частей похоране исправительно-трудовых учреждений в подчинение ГУИТУ, что ждет войсковых пинкертонов? Логика подсказывает: им идти туда же, куда и самим частям. А значит, прощай внутреннее войска! Но захотят ли люди, прослужившие в них по многу лет, отдавшие им лучшие годы своей жизни, переходить в другую систему? И если нет, то еще вчера надо было начинать работать по сохранению профессионалов типа Васильева и ему подобных в войсках, чтобы не разбрелась она в списках лучшей доли по коммерческим организациям, органам внутренних дел, подразделениям налоговой полиции. Вот уже и у Кондратьева из 38 значащихся по списку личного состава роты человек 12 вынашивают мысль об

уълнении. Понятно, что делают они эти не от хорошей жизни.

— Хуже нет, когда приходится ждать и догонять, — говорит командир роты розыска. — Это я в прямом и в переносном смысле. Работа у нас такая, что и в засадах подолгу вынуждены сидеть, и по горячим следам за преступниками мотаться. А что имеем в обыденной жизни? Сплошные очереди. Теперь вот еще одна болячка свалилась на нашу голову — быть или не быть ротам розыска в войсках? Никто толком ничего не объясняет. А люди томятся в ожидании своей участи. Причем далеко не худшие люди...

Прав Кондратьев, плохих в подразделениях розыска не держат, да неумехи и трусы там сами не засиживаются, так же как и в спецназе. Служба опасная, нагрузки высокие и голову надо иметь трезвую, разумную, иначе не долго она может задержаться на плечах.

... Из сосвинской ИТК бежали опасные преступники Чашин, Маслов и Хомяков. Вскоре из оперативных источников стало известно, что Хомяков объявился в Екатеринбурге. Причем имеет с собой пистолет, из которого по пьянке открыл стрельбу возле одного из заводских общежитий. Подчиненные Васильева отработали десять адресов по городу, три — по области и становили «малину», где нашел себе оменное убежище Хомяков. Брали его вместе с бойцами местного ОМОНа. И захват отводились секунды — был риск нарваться на пулю. В квартиру проникли через окно. Все произошло стремительно, как в кинобоевике. Обязатели «малины» — Хомяков, три его ружка и пять женщин легкого поведения не сразу сообразили что к чему...

При обыске обнаружили пистолет Марголина, крупную сумму денег и авиабилеты до Краснодара, куда эта криминальная компания намеревалась податься. Васильев, используя временную растерянность Хомякова, раскрутил его на дачу точных адресов местонахождения соратников.

Маслова брали у заводского общежития вдвоем с прапорщиком Олегом Ляховским. Удали долго. Начало смеркаться. Васильев видит, идут трое. Среди них тот, кто нужен. Олег притворился пьяным и держится чуть в

стороне, а командир взвода, чтобы не ошибиться, громко окликнул Маслова по имени. Тот, естественно, обернулся. Остальное было делом техники. Васильев скрутил Маслова, а Ляховский взял одного из его попутчиков. Третьему, чтобы не расплыть силы, дали уйти. Знали, если понадобится разыскать, то проблем не будет — задержанные дружки помогут.

С Чашиним было несколько посложней. Когда он почуял за собой хвост, то попытался оторваться от розыскников. Уходил через чердак по крыше. Но пробегал недолго — задержали в лифте.

Вот такая она, розыскная служба. И люди в ней делом проверенные. Так есть ли резон нам расставаться с ними? А, может, наоборот, надо сделать все, чтобы сохранить их? Польза-то для войск будет немалая. Вот я и подумал, расставаясь с этими мужественными людьми: если выдастся случай повстречаться с ними через энное время, то где это произойдет, в войсках, или?.. Хотелось бы верить, что все-таки в войсках.

Подполковник А. СИМОНОВ.

*Уральский округ
внутренних войск МВД России*

Есть такая профессия

ТЫ КАТИСЬ, КАТИСЬ, КОЛЕЧКО...

ГОВОРЯТ, большинство неудач в медицине — от того, что у врача халат неглажен. У полковника медицинской службы Владимира Николаевича Гайдукова он от крахмала хрустит и — ни одной случайной складки. Любая медсестра, прежде чем войти в кабинет ведущего хирурга, непременно окинет себя взглядом, и не потому что рискует получить замечание — Владимир Николаевич подобных высказываний по поводу внешнего вида женщин не делает — просто в присутствии такого элегантного мужчины ни одна представительница прекрасной половины человечества не позволит себе даже морщинки на чужом.

Что касается неудач, то, наверное, они случались и у Гайдукова, только, во-первых, неудачи бывают разные, и во-вторых, ему чаще приходилось брать на себя ответственность за чужие промахи, чем отчитываться за свои. Впрочем, он проколы подчиненных считает тоже своими и по их счетам зачастую платит сам. Тут уж, как говорят французы, положение обязывает. Коли ты по иерархической лестнице поднялся выше других, стало быть, должен первым принимать на себя то, что катится сверху.

У хирургической службы, как выразился один из коллег Владимира Николаевича, есть спина, за которой места хватает всем. Гайдуков — ведущий не только по должности, он мастер, которому даже личное клеймо не нужно, его работу узнают по почерку. Мастерство и профессиональная смелость и держат его на общепризнанной высоте. Только для него эта высота не постамент, а строительные леса. Он печется не о себе во главе хирургической службы, но о самой службе. Ну а чисто внешне его лидерство в глаза не бросается: говорит мало, больше слушает; на различных собраниях- совеща-

ниях даже в собственном кабинете, за собственным столом умудряется оказаться оказывать несколько поодаль, в уголке. Покорный человек, пожалуй, и не поймет, кто здесь хозяин.

Рассказывать о себе Гайдуков не умеет. В этом я убедился, пытаясь в разговоре с ним наковырять изюминки для будущего очерка. Спасибо — его коллеги выручили. А сам он свою биографию излагает в стиле личного дела, страдая от неожиданного внимания к своей персоне. В 1972 году закончил военно-медицинский факультет Горьковского мединститута. Был направлен в Забайкалье, где прослужил восемь лет. Приобретал опыт, начал потихоньку расти в должностях. Не переставал учиться — закончил двухгодичные курсы Военно-медицинской академии. Из окружного госпиталя направили хирургатравматолога в трехгодичную командировку в Йемен. Там было интересно, по-своему непросто.

После возвращения в Союз продолжил службу в системе МВД, в Центральном военном госпитале внутренних войск, в стенах которого работал ординатором, старшим ординатором, начальником хирургического отделения. Сегодня он ведущий хирург госпиталя.

Карьера Владимира Николаевича больше напоминает движение не по ступеням, а по шпалам. Во-первых, поездить пришлось изрядно, а во-вторых, он шагал не столько вверх, сколь-

ко вдаль, по пути набираясь жизненной мудрости и профессионального опыта. Ему не раз представлялась возможность сменить лекарское поприще на руководящий пост. Согласился бы — сейчас высоко сидел. Но в том-то и дело, что административная прыть среди его достоинств не значится. Он рукодельник, без операционного стола с тоски зачахнет.

Владимиру Николаевичу, как и многим людям, свойствен поражающий своей изощренностью оптимизм. Если под кучей спротившего валежника проклюнулся невзрачный пока еще бутончик, Гайдуков разглядит именно его, не придавая значения окружающему безобразию. Он и любому докажет, что не бывает худа без добра. Что собой представляла его служба в лейтенантские годы? Постоянные дежурства, нескончаемые командировки; на полигонах Средней Азии — жара, грязь, отсутствие воды, педикулез, фурункулез, дизентерия. Дома, в Забайкалье, был тоже был суровым — мороз, разрывающий телеграфные столбы снизу доверху, сугробы ровень с крышами, деревянные бараки с печным отоплением, привозная — два раза в неделю — вода. При выездах на боевые стрельбы — ночевки в палатках, где волосы к подушке примерзали. А он, рассказывая о том времени, радуется своему несказанному везению — по соседству с его частью располагался военный госпиталь, в котором лейтенант медицинской службы Гайдуков дневал и ночевал у постелей больных и почти прописался в операционной, осваивая азы хирургии. Иной раз его от операционного стола в пору было на каталке увозить. А ведь помимо этого у него были и обязанности в полку, о которых он не забывал.

Или взять день сегодняшний. Полковник, ведущий хирург, можно сказать, всех внутренних войск живет с женой и взрослыми детьми в рассыпающейся коммуналке и при этом удовлетворенно сообщает:

— ... Зато рядом с госпиталем. В любую минуту можно вызвать...

И вызывают. По ночам, в выходные, а то и из отпуска. Что ж вам, говорю, и отдохнуть-то толком не дают. А он удивляется:

— Да что вы?! Это ж хорошо, что зовут. Значит — нужен. Человек тем и счастлив, что кому-то нужен. Плохо будет, когда звать перестанут.

Госпитальные заботы — это уже нечто хроническое. Отключиться от них невозможно. В театре, за дружеским столом, в погрибальном походе в лес мысли то и дело возвращают доктора к пациентам. Это как щелястая дверь — сколько ни закрывай, все равно сквозит. Сложных больных своих он

помнит всех. Они — как двоюродные родственники. И учителей помнит. Впрочем, это не то слово. Его учителя постоянно с ним. Когда предстоит принять ответственное решение, они собираются на консилиум. Коллеги иногда удивляются его прозорливости и смелости, а вся штука в том, что он не один. С ним рядом Михаил Федорович Минько — главный хирург военного госпиталя в Забайкалье тех, его лейтенантских лет, всю войну не отходивший от операционного стола; или виртуозный хирург, сильнейший преподаватель и воспитатель Ленинградской медакадемии Константин Васильевич Новиков. У них Гайдуков учился и ремеслу, и смелости, и ответственности за принимаемые решения. К Михаилу Федоровичу он пришел с дипломом военного врача, специалистом общей практики — земским врачом в военной форме. Пришел и сказал: "Хочу стать хирургом...". И получил многообещающий ответ: "Поживем — увидим...". Прошло совсем немного времени, ученик уже ассистировал, а потом и сам оперировал под присмотром опытных эскулапов. И ведь доверяли, несмотря на то, что у него тогда еще не было „корочек“, дающих формальное право брать в руки скальпель. Доверяя, всю ответственность брали на себя.

Первую свою самостоятельную операцию Владимир Николаевич помнит так, будто только что размылся после нее. Среди ночи к нему примчался запыхавшийся посыльный: так и так, мол, товарищ лейтенант, вас вызывают в госпиталь. Ноги в руки и — ходу!

Влетел на этаж, а на него — ушат воды: вставай к столу, кроме тебя некому, все в разъезде. Что было делать? Спрятаться за "корочки", вернее, за их отсутствие? А для чего ж тебя тогда учили? Как потом коллегам в глаза смотреть? А в зеркало? И большой ждать не может, вон стонет на каталке. Но ведь в случае чего даже подсказать некому. Однако мандражировать долго времени нет. Пошел в операционную и сделал все, как учили. Добротню сделал. И пусть это был банальный аппендицит, но спать в ту ночь Гайдуков уже не мог. Это для кого-то банальный, а для него — первый!

Именно этой ночью в нем зародился будущий мастер. Теперь-то он знает: чтобы подготовить хорошего специалиста, нужно ученику доверять, обрезать поводок, не дышать в затылок, не бить по рукам. Его второй учитель, Константин Васильевич Новиков, был сторонником такой методики, когда плавать учат сразу на глубине. Едва познакомившись со слушателем Гайдуковым, он положил перед ним папку с историей болезни и объявил:

343

— Тут у нас зоб. Операция назначена на четверг. У вас — три дня, чтобы к ней подготовиться.

— Да я еще ни разу зоб не оперировал! — всполошился ученик.

— Никто не родился со скальпелем в руках, — прозвучал спокойный ответ. — Если бы каждый из нас не брался за любую операцию впервые для себя, хирургии бы не было. Есть учебники, есть анатомический театр, есть опытные хирурги — читайте, смотрите, спрашивайте. А накануне операции выспаться не забудьте. Если у хирурга перед глазами круги плывут и руки трясутся, это уже не врач, а пациент. Пациентов у нас и так — сверх меры, а врачей не хватает.

Через три дня Гайдуков оперировал зоб. Рядом был опытный коллега, который за руки не хватал, но и ни одного движения подопечного не пропускал. Потом состоялся разбор операции. Молодой хирург услышал немало поучительного. А кончилось все тем, что его поздравили, оказалось, что с задачей своей он справился хорошо.

Послеоперационные разборы бывают ох как круты. Послушаешь, как виновника "торжества" долбают, и подумаешь, что он большого через мясорубку прокрутил. А потом выясняется: тот в полном порядке и неотвратимо идет на поправку. Спрашивается: за что же хирурга-то валтузили? Оказывается: не за что, а для чего — для его же пользы.

После первой операции зоба последовала первая резекция желудка, потом еще что-то первое и еще... Вспоминая те дни и месяцы, Владимир Николаевич говорит:

— Когда ты учишься, с личным временем считаться не приходится. Гору учебников перероешь, пока ответ на свой вопрос найдешь. Надо у постели больного ночь просидеть — просидишь, надо две — просидишь две.

— Вы, — говорю, — и сейчас нередко днюете и ночуете в госпитале, по первому зову являетесь.

Он усмехается:

— Так врач всю жизнь учится. И не только в институте, ординатуре, на курсах и так далее. Он учится всегда, везде и у всех: и у коллег, и у больных, и у их родственников, у санитарок... Чего вы улыбаетесь? Знаете, какие бывают санитарки? Она больного морально к операции подготовит лучше любого психолога. Его на стол кладут, а он жалеет, что раньше не имел для этого повода.

Напросившись к Владимиру Николаевичу на операцию, я неожиданно стал свидетелем одного из уроков, на котором ведущий хирург был учеником, и убедился, что в сочетании высокого мастерства и пожизненного ученичества нет никакого противоречия. Иногда

многолетний опыт и авторитет имеют не только положительные стороны, но и отрицательные. Положительные очевидны, о них говорить не будем, а отрицательный аспект ветеранства заключается в нередкой самонадеянности, нежелании учиться, воспринимать новое. Но жизнь-то не стоит на месте, наука развивается, техника тоже, в том числе и медицинская. Хочешь шагнуть в ногу со временем — учись. Мало не сдавать завоеванных высот, надо брать новые, что Владимир Николаевич и делает. Ему совершенно не свойственны ни самонадеянность, ни мэтрство, ни начванство.

В тот операционный день его учителем стал не врач, а коммивояжер американской фирмы, торгующей медицинским инструментарием. Во время учебы в США парень в течение нескольких недель резал и зашивал штатовских собак и хрюшек, осваивая хирургические причиндалы, которыми потом ему предстояло торговать. Должен же он уметь подать товар лицом. Необходимый набор манипуляций он, видимо, усвоил крепко, потому что Владимир Николаевич и его ассистент поняли инструктаж с полуслова. Надо заметить, что с учениками гостю повезло.

Первые стежки аппаратом, похожим на пистолет, Гайдуков делал с таким выражением лица, какое бывает у первоклассника, переписывающего прописи. Держа уже зашитый желудок на ладони, видя явное преимущество нового инструмента и откровенно наслаждаясь результатом своих трудов, он воскликнул:

— Сам бы такой носил!

Среди его учителей есть человек, которого он никогда не видел, но и от него кое-что перенял. В Йемене Владимир Николаевич услышал историю о русском враче, который работал там до него. Как-то раз во время операции этот хирург вводил в бедро пострадавшему, а попросту говоря, забивал молотком металлический стержень, и молоток при этом сломался. Другого в госпитале не оказалось. Что делать? Больной-то лежит на столе под наркозом. Тут врач бросил взгляд в окно, за которым была какая-то стройка, и увидел каменотеса, а в руке у него — молоток. Через минуту дюжие санитары отобрали и обалдевшего рабочего его инструмент и опростенно бросились к дверям госпиталя. Молоток в авральном темпе отмыли, продезинфицировали, и хирург благополучно завершил операцию.

Из йеменской командировки Гайдуков вывез твердое убеждение, что российские врачи не только ничем не хуже заморских, но и по многим статьям могут западням фору дать. Довелось ему иметь дело и с французами, и с

итальянцами, и с чехами. Споры нет — спецы они высококлассные, но предпочитают узкую специализацию. К примеру, поступает больной с переломом ноги, плюс к этому у него имеется и другая патология. Итальянский хирург-травматолог его уже не берет, разводит руками, как наш милиционер, которого прохожие зовут к месту происшествия на чужом участке, и заявляет, что это не его профиль. Тогда бегут к русскому хирургу. Тот молча становится к столу и оперирует все, что нужно — от ступни до черепа. Мало того, что иностранный специалист по правым коленкам не станет лечить левую, так он еще и от ответственности шарахается как черт от ладана. Если операция чревата последствиями, западня за нее не возьмется, как будто в клятве Гиппократа есть исключения.

Однажды в госпиталь привезли большую шишку после автомобильной аварии. Не в медицинском смысле шишку, а в социально-клановом. Сей пострадавший, будучи в добром здравии, со своими многочисленными родственниками держал целый район города в кулаке. А тут его доставили с черепно-мозговой травмой, открытым переломом плеча и множественными ушибами. Выживет районный самодержец или отправится в мир иной, зависело от хирурга и Господа Бога. Его телохранители нервно сустились у дверей палаты. Хирурги-иностранцы, в практических делах на Бога не очень-то полагающиеся, рисковать не желали. Тут был приглашен Гайдуков. Глаза телохранителей уставились на русского врача черными зрачками, как автоматные стволы. Старший бросил какую-то фразу. Сразу вспомнилась сцена из «Кавказской пленницы», когда Никулин говорит Шурику нечто вроде «бым-бырьям кыркуду бамбарбия», а Фрунзик Мкртчян переводит: «Если вы им не поможете, они вас зарежут». На экране это было смешно, в жизни — не очень.

Когда операция была уже позади и отпала надобность в бессонных дежурствах у постели больного в переполненной родственниками и телохранителями палате, выяснилось, что эти суровые ребята умеют и улыбаться. С русским доктором стали здороваться на улицах совершенно незнакомые люди. К концу своей трехгодичной командировки Владимир Николаевич, выйдя в город, то и дело кивал в ответ на радужное «Доктор, привет!»

В Йемене после попытки государственного переворота Гайдуков впервые имел дело с жертвами массового экстремизма. Мог ли он тогда предположить, что спустя несколько лет уже в Азербайджане, на разгромленных улицах Сумгаита будет собирать раненых

солдат, разыскивать их по городским больницам и днями и ночами, не зная отдыха, возить в Баку на аэродром.

Потом еще вспыхнет немало горячих точек, но Сумгаит стал первым городом бывшего Союза, где запылала костры националистической инквизиции. Он наглядно продемонстрировал, кто есть кто под красным флагом. Приезжали туда и члены Политбюро, и с ними происходили удивительные метаморфозы. Куда девались их столичный лоск и кремлевское всемогущество? Люди теряли свое лицо и обнаруживали полную неспособность управлять ситуацией. Из полубогов они превращались в испуганных, растерявшихся обывателей.

А войска делали свое дело, и военные медики трудились не покладая рук. Подбирали все, на чем можно было ездить — от бронетранспортера до такси — и колесили, огибая сожженные машины, кучи разбитой мебели, натываясь на пьяные толпы, хаотично перемещавшиеся по городу, и возили, возили, возили раненых.

— Приезжаешь в гражданскую больницу, — вспоминает хирург, — а там раненые солдаты лежат кто на голом матрасе, кто на полу, врачи к ним не подходят. Устроишь разнос — появляются простыни, одеяла, бинты, медикаменты.

Честно говоря, я себе не представляю Владимира Николаевича в роли разъяренного громовержца. Для него сделать кому-либо выговор — это мука. Он выговаривает провинившемуся и глаза от него отводит, потому что ему за этого человека неудобно. Впрочем, Гайдукову и незачем повышать голос. Получить от него тихое замечание стыднее, чем выслушивать хамский разнос от необремененного интеллигентностью залетного начальника.

Вот как изложил свое отношение к ведущему хирургу один из врачей госпиталей:

— С Гайдуковым приятно работать не только потому, что он спокоен, выдержан, тактичен, физически и морально чистоплотен, а еще и потому, что с ним не бывает скучно, даже когда он молчит, а Владимир Николаевич — вообще молчун. Но тут дело не в красноречии. Есть люди, с которыми весело за столом. Умение поддерживать компанию — неплохое качество, но если это единственное достоинство, то с таким человеком, в конце концов, и за столом заскучаешь. А с Гайдуковым нигде и никогда не скучно, особенно в работе, потому что он хирург милостью Божьей, Мастер с большой буквы. Мастерство — это предмет восхищения и на определенном этапе жизни цель. Хотя нет, оно объект постоянного стремления, потому что мастерству нет

предела. Как же можно заскучать, имея перед собой цель, восхитяющую тебя. И еще, Владимир Николаевич — беззаветный трудяга. Вот смотрите. Ведущий хирург внутренних войск, отдающий госпиталю всего себя, выставляющий по несколько часов у операционного стола, первым встречающий все невзгоды, сваливающиеся на хирургическую службу, не имеет элементарной возможности отдохнуть. Сначала он с семьей жил в общежитии, в девятиметровой комнате, потом его одарили развалюхой-коммуналкой. Думаете, он к кому-нибудь ходит, берет за лацканы, трясет? Думаете, грозит воткнуть скальпель в землю, если не будут приняты его условия? Куда там! Это был бы не Гайдуков. Он даже не выдвигает никаких требований, не ставит работу в зависимость от личного благополучия, просто вкальвает беззаветно и безотказно. Но если нужно в интересах службы проявить настойчивость, тут его никакие двери ни с какими табличками не остановят. Мы все тащим на крюке вагон с ответственностью, а Гайдуков еще и за каждого из нас в ответе.

Владимир Николаевич, как все мастера, не просто любит свое дело, он им болен, одержим и с хорошими, и с плохими последствиями. Плюсы его одержимости сказываются прежде всего на пациентах, которых лечит человек неравнодушный, талантливый, отдающий больным всю душу. А минусы достаются ему. Самоотверженность дорого обходится.

Локоть к локтю с ведущим хирургом работает начальник отделения анестезии и реанимации полковник медицинской службы Олег Александрович Харьковской. Я попросил его рассказать о коллеге и вот что услышал:

— Сам по себе хирург, каким бы он башковитым и рукастым ни был, — величина номинальная. Реализовать свой потенциал он может лишь в бригаде: хирург, ассистент, анестезиолог, хирургическая сестра — вплоть до санитаря. Очень важно, чтобы эта команда работала слаженно. Когда Володя стал начальником хирургического отделения, к нему из медсанбатов, из академии пришли молодые ребята, которые, по большому счету, еще не были хирургами, не имели опыта госпитальной работы. И, естественно, они еще не были коллективом единомышленников. Так что проблем у Гайдукова оказалось более чем достаточно, даже не считая организационных и хозяйственных. Одних клинических хватало. А тут еще сверху вводные сыплются, как необходимые, так и абсолютно необязательные. А порой и такие, которые не что иное, как перекармливание на чужие плечи своих обязанностей людей

ми, дающими эти вводные. К тому же в то время у нас ведущим был отличный хирург-ортопед, не всегда выкашивавший в проблемы и заботы хирургов других направлений.

Вот в этих условиях Гайдукову предстояло привести новичков к нормальному бою и сколотить из них команду, в которой бы они сплотились, как патроны в магазине — один к одному, ни одной брешы. И он это сделал. Каких усилий ему это стоило! Но сегодня они, как в сказке, — «в чешуе как жар горя...» Не могу сказать, что «все равны как на подбор», но среди них имеются хирурги, достойные искреннего признания. У нас, у врачей, есть такой подход к оценке мастерства коллеги: отдал бы ты в его руки своего родственника или нет? Так вот, в Володиной епархии работают специалисты, которым бы я доверил близкого человека, даже учитывая то, что у меня есть возможность обратиться за помощью практически к любому светилу в Москве.

Я уже упоминал, что у Владимира Николаевича — взрослые дети. И дочь, и сын учатся в медицинском институте. Кто-кто, а уж они-то знают не понаслышке, почему хлебушек врача, и тем не менее даже в наше время, когда толпы абитуриентов штурмуют подступы к торговому, финансовому, экономическому и прочим «хлебным», вузам, наследники Владимира Николаевича и профессию выбрали наследственную. Это ли не свидетельство его авторитета? Признание у своих детей нередко трудней завоевать, чем у чужих людей.

Помнится, в детстве мы катали по двору металлическое кольцо, поддерживая и подгоняя их проволочным крючком. Умелому ведущему достаточно было слегка прикоснуться к кольцу, и оно катилось само собой — только успевай направляя, ямы огибай, вовремя придерживай, чтобы на человека не налетело. Эта картинка всплыла у меня в памяти, когда я думал о том, как Владимир Николаевич управляет своим коллективом — без резких жестов и внешних эффектов, точно в нужные моменты корректируя и ускоряя движение. Да и человеческая жизнь похожа на то кольцо из детства: бежит до поры споро, то подскакивая, то ныряя, и вдруг теряет скорость, начинает опасно вильять. Вот тут и приходит на помощь человек, призвание и профессия которого в том и состоит, чтобы не дать упасть колесу жизни, чтобы катилось оно как можно дольше и дальше.

Подполковник Б. БУЛГАКОВ.
Фото автора.

Ветеран о ветеране

САЛТЫ-МОРТАЛЕ

— Где мне найти Ивана Николаевича? — спросил я милостивую женщину в белом халате.

— Да, наверное, в слесарке, — ответила медсестра, — небось опять что-то мастерит.

Так оно и оказалось.

— Вот, — предвосхитил мой первый вопрос сам Эссаулов, — доведу до ума механический корсет для разработки коленного сустава. Больные будут пользоваться им прямо в палате. Пойдемте, еще кое-что покажу. — Ему явно не терпелось поделиться всеми своими новыми задумками.

— Это — специальная аппаратура для вытяжки позвоночника при спондилозоме, — увлеченно начал рассказывать Иван Николаевич, когда мы пришли в его главное владение — плавательный бассейн. — Штука эта заводская, стало быть, по шаблону сделана. А у нас ведь народ самый разный, надо индивидуальность непременно учесть.

Иван Николаевич Эссаулов — инструктор лечебной физкультуры и трудотерапии Екатеринбургского психоневрологического госпиталя для ветеранов войны. Работу здесь обычно называют "трудной, но благородной", — такой журналистский штамп в ходу. Это действительно так. Я добавлю — не каждому она по силам. Кроме знаний и умений специальных, сотрудникам очень специфического учреждения требуются недюжинная сила духа, искреннее милосердие. Больные тяжелые, престарелые, часто одинокие. Боль, слезы, страдания были бы невыносимыми, не окажись рядом до-

брых и понимающих людей в белых халатах.

Для Ивана Николаевича пациенты этого госпиталя не просто больные, нуждающиеся в лечении. Все они — его боевые товарищи, так же, как он сам, опаленные страшной войной. Как ни привычны стали за годы работы здесь белые палаты, нет-нет да и нахлынут воспоминания о собственной непростой судьбе...

Он лежал, отрешенно глядя, как ленивые капли дождя слезами расплываются на мутном оконном стекле. Думать о вчерашнем не хотелось, слишком страшно было вчера. Куда веселее вспоминать себя беззаботным мальчуганом.

Лет в пять он уже умел выделять лихие акробатические трюки. Через два года пришел в детский цирковой коллектив Свердлов-

ского клуба железнодорожников. Цирк — штука такая, что забирает тебя всего без остатка. А он и не возражал — прыгал, взлетая все выше и выше. В самом прямом смысле и в переносном тоже. В 1938 году акробаты с подкидной доской при его участии заняли первое место на смотре самодеятельных цирковых коллективов РСФСР.

Иван стал настоящим артистом цирка, членом труппы акробатов Котомцевых.

Казалось, нашел свою стезю. Увы, радость была недолгой. Банальная осенняя простуда обернулась жесточайшей пневмонией, потом острым полиартритом. Скрутило паренька. Даже летом носил Иван ватные брюки и валенки. Кто-то из посторонних хихикал: "Эй, тебе не жарко?". Он отшучивался:

“Пар костей не ломит. Да и падать мяче.. А самому было не до смеха, ведь цирк пришлось на время забыть. Выдужил Иван, снова стал выступать.

А тут война. Эстрадной труппе Свердловской филармонии нашли дело — выступать в госпиталях, раненых развлекать. Но, несмотря на броню, не стал сидеть Иван в тылу — добился, чтобы взяли на фронт...

Впереди, за темным зеркалом реки, в которой зловеще отражались зарева пожаров, лежал разрушенный осажденный город. Слабый ночной ветер поднимал к небу черные клубы дыма. На том берегу жутко громоздились разбитые коробки красивых прежде зданий, деревья, сплошь срезанные снарядами, обгорелые. Над Волгой летал смертоносный металл. Баржа, где вместе с товарищами стоял на палубе Иван Эссаулов, дошла почти до середины реки, когда над головами появилась “рама.. “Ну, теперь жди гостей, — сказал кто-то из бывалых сталинградцев, — сейчас долбанут..

Все задрали головы вверх, на шум мотора. Через минуту-другую на караван свалилось первое звено пикирующих бомбардировщиков. Близкий взрыв швырнул красноармейца Эссаулова в холодную воду. От шинели он избавился с большим трудом, но ко дну тянули ставшие пудовыми сапоги, обмундирование. Казалось, захлебнется, но выплыл наш циркач — ухватился за какую-то подвернувшуюся доску. Прошел, одним словом, крещение в огненной купели.

10-я дивизия войск НКВД, в которую он прибыл, оборонялась в районе Тракторного. Это потом, спустя десятилетия, назовут Сталинградскую битву героической эпопеей. Тогдашние солдаты разве об этом думали? Поглубже закопаться да оружие исправное иметь, и патронов чтоб побольше... А еще — по-человечески в баньке попариться и отоспаться...

“Ваня, Ванюша, ты куда?..” — недоуменно проговорил Валентин Котомцев. А Иван, сделав высокое-высокое сальто, вдруг почувствовал, что сцена резко ушла из-под него и он, кувыряясь, летит прямо в зрительный зал...

В ушах свистит ветер, со всех сторон приветливо подмигивают звезды. Зал, раздвинувшийся вширь и вдаль до размеров Вселенной, сопровождает полет акробата восторженным гулом.

“Ваня-а-а! Остановись!..” — доносится издали встреченный голос. Но ма-

ленький акробат в блестящем трико стремительно несется вперед, делая головокружительные кульбиты.

Вдруг на его пути вырастают курчавые кусты взрывов. Чей-то властный лающий голос кричит: “Хальт! Шиссен... Хальт! Шиссен! Шнеллер!.. Это ему приказывают стоять, по нему стреляют.

Страшной силы удар, потом еще и еще. Ни голосов, ни лиц, ни звезд не стало. Тишина и мрак.

“Все-таки достали, гады. — Теперь его пульсирующая мысль как трассер, как пунктир траектории его полета в бездну. — Главное — сгруппироваться. Точно приземлиться.. — Акробат уже хладнокровен, приземляется на земной шар...

Але, оп! На него надвигается яркая зелень уральского леса. Встречают упругие струи ветра, качающего верхушки деревьев. Вон и мама машет с крылечка рукой: “Сынок! Я здесь! Ваня-а-а!”

“Ваня! Очнись!..” — кто-то толкает его в бок. Открывает глаза. Видит махонькое пламя светильника, сделанного из снарядной гильзы. Только этим фитильком и освещен подвал, где разместился их стрелковый взвод. Патронные ящики, бойцы вповалку на нарах, скрюченный связист с телефонной трубкой, привязанной к уху бинтом...

“Ну, Ваня, и силен же ты спать, — незлобиво ворчит товарищ, расталкивая Эссаулова, — земля тут к тебе пришел..”

Иван, протирая сонные глаза, поворачивает голову. В длинной, до пят, кавалерийской шинели с солдатским сидором в руках у колченогого стола сидит Прокопий Мокрецов, повар их роты.

“Слышь, Ваня, — говорит он, — я вижу, обувь твоя совсем развалилась. На-кась обновочку! — Протягивает новехонькие трофейные сапоги, класс товар, красной кожи, на толстой подошве. — Мне-то они, сам понимаешь, никуда, на мой-то сорок последний. А тебе, вижу, в пору. А что не велят трофеями-то пользоваться, так на передке тебя кто ж, кроме своего ротного, увидит. В общем, носи на здоровье...”

Отделение, которым командовал Эссаулов, проводило разведку боем. Подорвали два дота, засекли другие огневые точки, стали отходить. Вот теперь-то, как когда-то в кошмарном сне, и пришлось Ивану узнать, что такое адская бездна. Взрыв немецкого

снаряда бросил туда бойца с такой силой, что не выдержал позвоночник. А вдобавок раскаленное железо пронзило Ивану глаз...

Где-то за границей сознания, из бытия, слышится голос:

— Мужики, вон еще убитый наш.

— Берите его, несите к оврагу, где все.

“Похоронная команда..”, — мелькнуло у Ивана в голове. Вот уже сильные руки подхватили его, положили на плащ-палатку, понесли ногами вперед.

“Братцы! Живой я! Живой!” — Ему показалось, что он кричал чересчур громко, так, что могли услышать близкие немцы. Но промерзшие — а он пролежал полсутки — губы, запекшиеся от крови, не выдавали ни звука. Это душа его протестовала против смертельного конца, сознание шевельнулось в остывающем слабом теле.

— Переверните его на спину, документы пошукать надо, — произнес строгий голос. — Эка попало бедняге! — Голос был рядом, наверное, кто-то склонился над лицом Ивана, превратившимся после прямого попадания в кровавую маску. — Слышь, ты сапоги-то его прибери, ему теперь все равно, он нас простит, а они-то офицерские, нам сгодятся...

“Все, — как-то равнодушно уже подумал Иван, — сейчас разденут и — в могилу общую. А я ведь живой еще. Чуть-чуть...”

Между тем солдат, ухватившийся за сапог на ноге Ивана, вдруг удивленно сообщил:

— Товарищ сержант, а он... того, кажись, живой! Не дает сапог-то! Пальцами вроде не дает!

Сержант торопливо растегнул на груди раненого телогрейку, рванул гимнастерку, прильнул ухом к груди.

— Точно! Сердце бьется! — радостно воскликнул и скомандовал: — А ну-ка, хлопцы, шустрей его в санроту, глядишь, выручим!

“Выручили, ох как выручили..”, — вспоминает теперь Иван своих безвестных спасителей. А поначалу, грешным делом, мелькали совсем другие мысли: “Лучше б меня не нашли тогда на берегу Волги, враз бы отмучился..”

Госпитальные дни и ночи сливались в однообразном мелькании, словно спицы колеса, катившегося под откос. Саратов, Энгельс, Актюбинск, Оренбург, Свердловск. Больше года его кормили через зонд, в рот вставляли дыхательные трубочки. Восемнадцать (!) сложнейших челюстно-лицевых

операций. Пять с лишним лет по госпиталям. Понадобилась даже его довоенная фотография, глядя на которую хирург М. Мухин и член-корреспондент Академии медицинских наук Ф. Богданов заново скроили и собрали лицо солдата Ивана Эссаулова. А ведь еще был поврежден позвоночник.

“Как жить дальше? И жизнь ли это — без глаза, без движения, без цирка, без полета?..” Мысли одна мрачнее другой терзали душу молодого парня, ставшего беспомощным и никому, казалось, не нужным.

Помнит он, как медсестричка Маша присаживалась у его кровати и вела душеспасительные беседы:

— Ничего, Ванюша, какие наши годы — еще танцевать будешь на собственной свадьбе. Наши доктора и не таких на ноги ставили. Ты только потерпи. И духом-то не падай, солдат. Ну-ка, давай зарядочку сделаем! Але, оп!

Наверное, это до боли знакомое “але, оп!”, и заставляло его, преодолевая боль, сначала подтягиваться на ремне, привязанном к спинке кровати, потом делать первые шаги в новой уже жизни, где не было войны, но оставался вечный бой — с немощью, болезнями.

День Победы он встретил в Свердловске. Слезы радости катились из уцелевшего глаза на рубцы и шрамы израненного лица. К нему подходили незнакомые люди, обнимали, поздравляли. Для многих этот день был окончанием всех страданий. А для него они еще не закончились.

Директор Свердловского техникума физической культуры заслуженный мастер спорта В. Нагибин, перелистав еще раз документы Эссаулова, вскинул на него удивленный взгляд:

— Послушайте, вы что, в самом деле инвалид второй группы?!

Абитуриент утвердительно кивнул.

— Так как же я вас приму? — Нагибин был в недоумении. — Хотя бы третья была...

— А с третьей возьмете?

— Ну-у, — раздумчиво протянул директор и вопросительно посмотрел на сидящего здесь же завуча Р. Петрашню, — можно, конечно, попробовать. В порядке исключения.

На следующий день Иван снова предстал пред очами директора техникума с новой справкой — уломал врачей на третью группу. Сами эскулапы недоумевали: как это инвалид сумел не только тренировать группу акробатов мес-

тного "Динамо", но и выступать в соревнованиях за сборную области?!

Диплом учителя физкультуры получен. В класс вошел молодой мужчина с черной повязкой на лице. Тридцать пар настороженных глаз смотрели на него выжидающе.

— Здравствуйте, ребята! Я ваш новый учитель физкультуры. Зовут меня Иваном Николаевичем.

В ребячьих глазах он не увидел восторга — только сомнение, разочарованность, даже жалость.

— А чем мы будем на физкультуре заниматься? — вдруг спросил паренек с галерки, с задней парты, где, как повелось, сидели самые отчаянные школьные бузотеры.

— Будем в волейбол играть, — пообещал учитель, — стрелять научу вас, легкой атлетикой займемся. А вообще-то, сам я перворазрядник по акробатике. Будут желающие — организуем секцию.

— Интере-есно! — недоверчиво протянул тот же любопытный.

— Интересно? А вот: але, оп! — На глазах изумленных учеников Иван Николаевич сделал стойку... на краю стола. Потом, едва коснувшись пола, махнул заднее сальто. Ударил рукой об руку, отряхивая пыль, и поставил точку: — Вот так примерно.

Он склонился над классным журналом, изучая список своих новых подопечных, а по классу пробежал шепоток:

— Во дает! А говорили — инвалид...

Среди тех, кому он дал путевку из школьного зала в большой спорт, члены сборной СССР по прыжкам в воду Р. Бурмагина и В. Мельникова, заслуженный мастер спорта по стрельбе Б. Смирнов, еще восемнадцать мастеров спорта. Что касается послужного списка самого акробата Эссаулова, то он, на первый взгляд, не богат особо выдающимися результатами. Высшее достижение — третье место на первенстве Центрального совета "Динамо", в 1952 году, когда ему не хватило какой-то десятой доли балла до мастерского норматива. Но тогда в Киеве он все же поразил своим выступлением...

Спортивный зал загудел, когда судья-информатор объявил: "Выступают Иван Эссаулов, Свердловский городской совет...". Многие знали, что Иван не только самый старший из участников, но и кроме того... инвалид Великой Отечественной войны второй группы. Болельщики, друзья-соперни-

ки относились к нему и с особой теплотой, и с повышенным интересом.

Иван пружинисто разбежался, сильно толкнулся, сделал переворот и... приземлился точно на судейский столик. Рефери — врассыпную. Разлетелись вслед за ними ножки стола. Зал ахнул.

Еще плохо понимая, что произошло, присутствующие увидели, как спортсмен, стоя на коленях, шарит руками по помосту. Вот он поднялся, держа в горсти... искусственный глаз и обе челюсти. Поставив на место протезы, Эссаулов встал по стойке "смирно". Как положено.

И зал разразился овацией. Кричали: "Молодец!", "Ура!".

Сегодня он вспоминает тот давний курьез и смеется:

— А ведь я еще прилично попрыгал!

В последний раз он вышел на помост в качестве участника соревнований в 1975 году, когда ему было уже 52 года. Всем бы такое спортивное долголетие!

Более сорока лет Иван Николаевич Эссаулов — главный стартер, он первым в Свердловской области получил республиканскую категорию. Член областной федерации легкой атлетики. Организатор и судья многих соревнований самого высокого ранга по легкой атлетике, лыжам, биатлону, военному многоборью.

Семья у него под стать, спортивная: жена Зоя Андреевна была чемпионкой области по велоспорту, дочь Светлана — мастер спорта по художественной гимнастике, работает тренером в Минске.

Каждый свой новый день ветеран начинает с зарядки, пробежки. Летом для него обязательны плавание и гребля, зимой — лыжи. В своем госпитале он организовал волейбольную секцию, где он самый азартный игрок.

— Как же могу я предать физкультуру и спорт, — признается он, — ведь это они вернули меня к жизни. Это только для пущей красоты придумали акробаты в стародавние времена такой термин — "сальто-мортале". А прыжок-то этот вовсе не смертельный...

Два праздника в году по праву считает своими Иван Николаевич Эссаулов, истинный воин-спортсмен самой высшей категории мужества, — майский День Победы и День физкультурника, который тоже в солнечном месяце, в августе.

И. СЕМЕНЧИК,
участник Великой
Отечественной войны.

г. Екатеринбург.

ЗАСЛОН

*Бандит, стреляющий в полицейского,
недостоин жить.*

Комиссар Ле Кок.

ПРАВОПОРЯДОК ПО-БРАЗИЛЬСКИ

В ДАЛЕКОМ 1958 году в не менее далекой от нас Бразилии, а именно в городе-мечте незабвенного Остапа Бендера Рио-де-Жанейро, был сформирован специфичный, уникальный отряд полиции. Без всякого преувеличения его можно назвать по-современному — спецназ. Формировался он строго из отличников полицейского дела, сумевших не на словах, а на деле доказать, что они безукоризненно владеют огнестрельным оружием, приемами рукопашного боя и самыми совершенными методами... убийства. Иные удалцы не требовались, ибо вопреки всем мыслимым и немислимым канонам гуманности и морали во главу угла поставили оригинальный критерий отбора: бразильский спецназовец должен быть напроць лишен таких «недостойных», настоящего мужчины (тем паче — борца с преступностью) «слабостей», как жалость, чувство справедливости (!), милосердие. Согласитесь, факт для нас, мягко говоря, диковатый. Но факт, а значит — упрямая вещь. Официально отряд назвали «Эскудрао моторизадо», то есть «Моторизованный эскадрон». И возглавил его комиссар полиции Милтон Ле Кок. Голубоглазый энергичный мужчина, он любил кошек и разводил цветы на подоконнике, посвящая им все свое свободное время, а каждое воскресенье обязательно ходил в церковь.

Ле Кок часто повторял слова, вынесенные в эпиграф, поучая подчиненных: «Бандит, стреляющий в полицейского, недостоин жить». Надо отдать ему должное — мало кто из преступников, решившихся поднять на него руку, надолго пережил это роковое мгновение. Ошибся он лишь однажды, но по крупному: ошибка, увы, стоила ему

жизни. Спустя шесть лет после образования моторизованного эскадрона бандит по кличке Лошадиная Морда всадил пулю в грудь сорокадвухлетнему комиссару. Это был бывший боксер со сломанным и расплюснутым носом, за что его и удостоили столь неласкового прозвища. Мог ли он знать (а знал бы — десять раз подумал), на что обрекает себя, стреляя в командира спецназа, который после смерти был наречен сослуживцами великомучеником? На могиле Ле Кока полицейские поклялись покарать убийцу. И ринулись на его поиски буквально с кладбища. Друг и соратник комиссара по отряду Эуклидес Нассименто не ведал покоя ни днем ни ночью, мотаясь по городу в поисках Лошадиной Морды. И похудел без малого на пуд. Однако усилил его не пропали даром. Через неделю возмездие настигло преступника на одном из пляжей Рио-де-Жанейро. Расправа была беспощадной. Судите сами: позднее, в морге, из тела бандита извлекли ровным счетом сто пуль! А поскольку спецназовцы дали клятву расписаться за гибель любимого шефа в пропорции один к десяти, то заодно с Лошадиной Мордой отправили на тот свет еще тридцать уголовников, вдвое перевыполнив взятые обязательства.

Но и этим дело не кончилось. В память о Ле Коке руководство сформировало «Эскудрао да морте», или «Эскадрон смерти», который унаследовал от своего предшественника зловещую эмблему — череп со скрещенными костями. В основном отряд составили бывшие полицейские, недовольные низким жалованьем, скажем так, в консервативных силах правопорядка, слабой профилактикой преступлений и другими недостатками в уголовном кодексе и судебной процедуре. Взяв на себя роль вершителей судеб и исполнителей закона, они систематически и на редкость хладнокровно истребляли тех преступников, которых сами считали неисправимыми.

Шло время. «Филиалы», «Эскадрона смерти», появились практически в каждом полицейском участке Рио-де-Жанейро. Выбирая очередной объект из уголовной среды (а по сути, приговаривая его к смерти), спецназовцы заводали своеобразное досье, куда скрупулезно заносили все совершенные им преступления, и в итоге определяли наказание. Впрочем, мера пресечения оставалась неизменной. Решив уничтожить бандита, производили арест и помещали его под вымышленным именем в какую-нибудь захлавленную тюрьму. В этом «карантине», он находился от силы неделю, пока сотрудники отряда наводили справки, нет ли у их будущей жертвы влиятельных друзей и покровителей, от которых можно ожидать акций мести. А затем его отвозили в тихое

место и банально ставили к стенке. Именем Закона. Ради общественного спокойствия граждан. Причем стреляли обычно несколько человек одновременно, чтобы ни на ком конкретно не было крови. Пусть преступной, но крови.

В конце шестидесятых годов в "Эскадроне смерти" насчитывалось 2200 человек. Характерно, что кроме полицейских в него вошли люди разных профессий — судьи, прокуроры, офицеры разведки и контрразведки — и даже с полсотни копов из Соединенных Штатов. А сегодня сфера влияния эскадрона расширилась далеко за пределы Латинской Америки, достигнув других правовых государств.

ДАВАЙТЕ вернемся в Россию, где в нынешнее тревожное время мы с горечью наблюдаем за тем, как буквально на глазах нагнетает отечественная преступность — организованная и не очень. Историки и юристы, проводя исторические параллели, сравнивают сложившуюся ситуацию с обстановкой в Германии в 1929—1933 годах и без устали запугивают нервных россиян якобы неминуемой угрозой фашизма.

Не стану спорить, возможно, их мрачные пророчества отнюдь не беспочвенны, хотя, признаюсь откровенно, трудно представить подобное развитие событий именно в нашем многонациональном государстве, больше других на планете пострадавшем от коричневой чумы. На мой взгляд, угроза появления в стране самодеятельных организаций населения, ведущих жесткую, непримиримую борьбу с преступностью, куда более реальна, чем фашизм. Кстати, на Западе таких людей называют — виджильянты, то есть самоchinные стражи порядка из народа, вершащие суд и расправу над уголовниками по своему разумению, исходя из собственных, зачастую искаженных представлений о законности. Примерно так, как это делали в Бразилии тридцать лет тому назад. И пока одни ученые гадают, каким путем пойдет Россия в области экономики — шведским, американским, польским, боливийским и т. д., другие не исключают возможности, что борьба с преступностью выльется у нас в самый что ни на есть бразильский вариант.

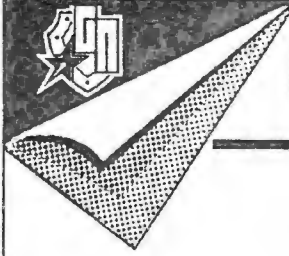
Между прочим, в Соединенных Штатах Америки виджильянты появились 23 декабря 1868 года в одном из городов Индианы. В тот день сторонники правопорядка обклеили стены домов объявлениями, возвестившими о начале войны с преступным миром. В них, в частности, говорилось: "Так как наша организация вследствие сложившихся обстоятельств была вынуждена позаботиться о справедливом наказании главарей грабителей, убийц и головорезов, которые уже много лет нарушают право и порядок, угрожают жизни и собственности честных граждан, мы делаем это заявление, чтобы оправдаться перед страной и людьми штата Индиана за все возможные в будущем действия". Авторами блицкрига стали

виджильянты из "Комитета бдительности".

Выйдя на тропу войны с бандитами еще в середине прошлого века, смелые и отчаянные американцы не успокоились и до сих пор, ибо считают, что в таком важном общественно-государственном деле глупо и недальновидно полагаться на одну лишь полицию. Мало-ваго будет. А вот наши соотечественники, воспитанные в духе святых заповедей морального кодекса строителя коммунизма, по-прежнему тешат себя иллюзиями, что правительство изыщет-таки средства, дабы приставить милиционера, честного, сильного и неподкупного, к каждой двери. Однако чем дальше в лес... Под свист и улюлюканье обновившейся прессы, с молчаливого согласия и попустительства обывателей МВД лишили миллионов народных дружинников. Вы вправе возразить: нужны ли они были, по большому счету, много ли пользы принесли? Полагаю, да.

Во-первых, некоторые из них постепенно начинали ощущать вкус, а стало быть, и призвание к этому виду деятельности и осознанно шли на службу в милицию, как правило, не ошибаясь в выборе профессии. И, во-вторых, управляясь на дежурство вместе с дружинниками, штатный сотрудник рассчитывал не только и не столько на их способности в области рукопашного боя, сколько на то, что рядом с ним всегда — "железные" свидетели, которые не кривя душой подтвердят где угодно правильность и целесообразность его действий. Ничего не попишешь, коли живем мы в государстве, где почему-то не привыкли доверять честности милиционера без свидетелей. Более того, я уверен, что если в ближайшее время правительство не сумеет привлечь население для охраны правопорядка, мы стихийно приобретем родных, доморощенных виджильянтов из числа озлобленных беспределом, доведенных до отчаяния граждан. Вряд ли стоит надеяться также и на то, что депутаты Государственной Думы, утверждая новый уголовный кодекс, прудомотряют наконец смертную казнь за убийство сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск. Для сравнения: в Японии, например, за без малого пятьдесят послевоенных лет было убито 5 полицейских, а в России, уверенно строящей правовое государство, только в 1992 году погиб 301 милиционер, да еще 374 в году минувшем. Притом никто доподлинно не ведает, какая участь постигла убийц. Как знать, не получим ли мы вскоре самый худший вариант бразильского "Эскадрона смерти". А может, кому-то очень хочется, чтобы в стране появился свой собственный комиссар Ле Кок? Помните? Тот самый примерный семьянин с голубыми, как небо глазами, который любил детей и кошек и каждое воскресенье ходил в церковь...

Майор милиции С. ДРЕСВЯНИН.

Полемические заметки

ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ?

К ДАВНЕМУ своему товарищу я попал аккурат после только-только отшумевшей семейной грозы. В одночасье ставший как будто меньше ростом, какой-то всклокоченный, он наскоро протянул мне подрагивающую ладонь и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, поманил за собой резким, но таким памятным с детства жестом, мол, айда на выручку.

— Вот скажи хоть ты ему... Может, хоть тебя он услышит, что я служил — слу - жи - и - ил! А не мотался по стране за длинным рублем, не вырывал у других кусок из горла, не греб под себя, как... как... — Он осекся, в сердцах махнув рукой на отстраненно смотревшего куда-то за окно сына.

— Ну и чем ты гордишься? — все так же, не глядя ни на отца, ни на меня, равнодушно-холодным тоном возражал тот: — Вот ты — полковник. А что у тебя есть? Ни дачи, ни машины. Живем в какой-то клетушке: на кухне троим уже тесно. А ты заладил: служил, служил... Что проку от такой службы?

Нет, я не принял участия в "споре поколений". Достаточно мне и своей домашней обороны от подрастающих дочерей. Старшая вон так и заявляет: прежде чем заводить детей, надо думать — а по силам ли тебе будет их нормальное содержание.

Ну и что мне прикажете отвечать? Что я тоже служу, довольствуюсь малым, отпускаемым слабеющей державой, а не мечусь в поисках большого куша — сплошь и рядом нынче полуворовского? А услышан ли буду?

Так что же с нами происходит?

"СЕГОДНЯ ОФИЦЕР оказался как бы между двух огней, — пишет известный «краснозвездовский» публицист Алексей Хорев. — Вокруг него не смолкают назойливые толки насчет того, что на зарплату теперь живут только глупые да ленивые. За предприим-

чивость, за спекуляцию закон не карает, да и общественность не больно осуждает. Во всяком случае падением, как было прежде, это вроде бы не считается. А он между тем не приемлет такой образ мышления и жизни. Он впитал другую мораль — лучше гол, да не вор, лучше беден, да честен. Он привык жить на зарплату и так хотел бы прожить всю жизнь, но она должна быть для этого достаточной. Он готов работать и больше, и лучше, только бы не размениваться да не раздваиваться. У него, собственно, и нет возможности отвлекаться от главного дела своей жизни — от службы. Она требует от него полной отдачи.

Ах, если бы все на самом деле было так однозначно: «не приемлет», «впитал», «привык», «готов»... Жизнь неизмеримо сложнее наших словесных построений, умствований на ее счет. В ней все вперемешку — как в далеком словаре пословиц и поговорок, где рядом с, казалось бы, незыблемой: «Бесчестье тяжелее смерти», преспокойненько уживается другая: «Хороша честь и слава, а лучше того каравай сала».

Вот и в офицерском строю немало тех, кто, к сожалению, и «приемлет», и «не впитал», и «не привык», и «не готов». Результат известен: только в наших войсках ныне каждая пятая командная должность вакантна, а прогноз к 2000 году еще более печален и тревожен. Да и как ему быть иным, если обстановка в стране такова, что у молодежи невелико желание поступать в военные училища, а социологический опрос, проведенный среди призывников Москвы, Подмоскovie, Приволжского, Уральского, Северо-Кавказского военных округов минувшей осенью, показал, что 70 процентов из них заявляют о ненужности военной службы; половина считает, что такие понятия, как воинский долг, честь, патриотизм, ушли в прошлое и лишены смысла; а 35 процентов вообще готовы покинуть Родину.

ВЕСНОЕ НЫНЕШНЕГО года на прилавках книжных магазинов мелькнула любопытная книга, выпущенная издательством «ТЕРРА», — «Несокрушимая и легендарная. В огне политических баталий 1985-1993 гг.»

Это книга об армии, которая еще недавно называлась Советской и исчезла под руинами рухнувшего Союза. Процесс ее распада показан на боль-

шом документальном и аналитическом материале политико-социологического характера: это постановления и указы, обращения и заявления правительственных органов, общественных организаций, движений; это фрагменты речей, выступлений, интервью политических, государственных деятелей и военачальников; статьи, суждения, оценки историков, социологов, политологов и публицистов, в том числе наших, войсковых.

Несмотря на небольшой тираж — всего пять тысяч экземпляров — книгу заметили, появились рецензии. И вот что примечательно: в одной из столичных газет, в общем-то, не симпатизирующих нам, военным, я не без удивления прочитал вот такие емкие, хлесткие слова: «Вволю наглумившись над понятием „социалистическое Отечество“ (до того, что подозрения в патриотизме стали чуть ли не оскорбительными!), деморализовав военнослужащих и призывников плохо скрываемым скепсисом по поводу „священного (а тем более интернационального) долга“, „демократизировав“, армейскую среду (вплоть до появления в ней организаций, представляющих „военную оппозицию“), наконец, вселив в войска дух иждивенчества (путем нагнетания темы моральной и правовой незащищенности и возбуждения в связи с этим несбыточных надежд) и отняв тем самым у людей в погонах самоотверженность, желание служить Родине, — творцы перестройки и их преемники вышибли опору из-под ног и без того шаткого советского режима 80-х годов».

Добавить хочется лишь одно: эти самые «творцы», и «их преемники», метившие в коммунистическое вчера, крепко зацепили и наше российское сегодня. Спорить конечно можно: только ли иждивенчество вынуждает ныне офицера оставлять службу, но одно, пожалуй, бесспорно: многие клюнули на нехитрую приманку (поплакать в жилетку, поискать счастья там, где нас нет), забывая при этом, что никогда — ни до 17-го года, ни после — наш брат служивый не искал на своем пути ни покоя, ни материального благополучия.

«Я ЧЕТЫРЕ года офицером, не пью, не курю, ни во что не играю... Жизнь веду вполне нормальную: полк наш расположен в глуши, где нет никаких увеселительных мест, нет даже театра, в отпуск езжу один раз в два года.

Получаю всего содержания 39 рублей 75 копеек. Квартиру и отопление получаю казенные. На освещение — 30-60 копеек в месяц, — это строки из «Письма к приятелю», помещенного в журнале «Разведчик», за 1898 год. В нем некий подпоручик подробно описал свои расходы, деля их по ходу дела на обязательные, необходимые и нужные. К первым он отнес взносы на офицерское собрание, библиотеку, аптеку и т. д., что составило в сумме 7 рублей 70 копеек в месяц. Ко вторым отошли траты на обеды в офицерском собрании, плата полковому портному за пошив или перекантовку (так в ту пору называли перелицовку, обновление обмундирования. Отсюда, по всей видимости, и наше нынешнее — «перекантоваться», — в смысле перетерпеть, как-то да пережить), траты на полковую булочную за хлеб, который подчас заменял ужин, в полковую лавку (за керосин, бумагу, конверты, чай и сахар). Это вставало ему в тридцать рублей. Так что на все прочее оставалось два рубля с пятачком. А ведь надо было что-то отложить и на товарищеские обеды по поводу проводов сослуживцев, на Рождество и Пасху, на полковой праздник. А прибавьте сюда бритье, стрижку, баню, покупку перчаток, парадных поясов, эполет... Не забудьте и о расходах, отнесенных к третьему разделу — так называемых «нужных»: на ужин (хотя бы через день), легкий обед (во время выходов в поле на учения и стрельбы), билеты на любительские спектакли и концерты для себя (не говоря уже о «предмете обожания»).... В итоге ежемесячный дефицит бюджета колебался в пределах червонца. По тем временам это были деньги нешуточные, если учесть, что генерал А. Н. Куропаткин — военный министр в 1898—1904 годах так записал в своем дневнике: «Ванновский (его предшественник на посту военного министра, член Государственного совета) говорил государю, что главная нужда армии — увеличение денежного содержания офицеров. Сиделец в кабаке более офицера получает (не правда ли, фразочка прямо-таки из нашего дня, если заменить „кабак“ на „кооперативный ларек„. — Авт.). Государю я говорил о том же и говорил, что... офицеры стреляются из-за растраты в 150 рублей».

Таким положением отличалась не только провинция. Достаточно вспомнить мемуары графа А. А. Игнатьева

(впоследствии генерал-лейтенанта Красной Армии) «Пятьдесят лет в строю». Вот что писал он о жизни московских гренадеров, чье денежное содержание было значительно выше, чем в других пехотных армейских частях: «Компания рассказывала мне до рассвета про житье-бытье московского гарнизона, о том, как трудно, особенно женатым, прожить на офицерское жалованье в девяносто рублей в месяц подпоручику и в сто двадцать — капитану. Да к тому же из этих денег шли вычеты на букеты великой княгине (над привилегированными частями, как правило, шефствовали члены императорской фамилии) и обязательные обеды, а мундир с дорогим гренадерским шитьем сбходился не менее ста рублей. Комнату дешевле, чем за двадцать рублей в месяц, в Москве найти трудно».

Читаешь такое, прикладываешь к нашей жизни и думаешь: кому же было трудней — нашим теперешним офицерам, страдающим от безденежья и отсутствия крыши над головой, или им, давешним? Колесо истории как будто описало полный круг, и беды русского офицерства конца XIX века совпали с нашими.

Но почему же те поручики, подпоручики, ротмистры не бежали из своих полков, тогда как нынешние... 95 тысяч молодых (в возрасте до 30 лет) офицеров армии и флота оставили службу в 1990—1993 годах. (Цифра по внутренним войскам, разумеется, скромнее, но это та скромность, которая не радуется).

Так почему?

Может быть, потому, что с «младых ногтей», в юнкерских училищах воспитывалось понимание, что офицерская служба — «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НРАВСТВЕННАЯ». И каждому воспитателю вменялось в обязанность «вкоренять в своих питомцах глубокое убеждение в том, во-первых, что низменная цель ального стремления, по мере кажущегося приближения к ней искателя, отдаляется от него и, во-вторых, что не только искание, но и самое достижение этой цели, если бы оно и удалось, никогда не сделает человека ни лучше, ни счастливее... Для человека с правильно развитым чувством внешние блага жизни должны служить не целью, а только средством для достижения нравственной цели; обеспечить же свое личное материальное довольство,

по мере данных ему сил и способностей, он может не иначе, как посредством прилежного труда, бережливости, воздержанности и строгой честности».

ТАК И ПОДМЫВАЕТ спросить: а как на этот счет обстоят дела в наших военных училищах? Как «вкореняются», в курсантов эти такие необходимые — воздержанность и строгая честность? Как идет борьба с меркантилизмом, пронизывающим нынешнее молодое поколение чуть ли не с детсадовского возраста?

Судя по редющему офицерскому строю, об удачах говорить не приходится. Причин тому, конечно же, можно привести немало. Но мне хотелось бы остановиться на одной, на мой взгляд, весьма существенной — отсутствии ясности у самих «борцов».

«Поручик Ржевский мог уйти в отставку» — так озаглавлено интервью, данное крупной городской вечерней газете заместителем начальника одного из наших военных училищ по работе с личным составом.

— В сложной ситуации находится военный человек, — сетует сердобольный журналист. — Как у личности есть у него свои мысли, убеждения, взгляды. Но как офицеру ему нельзя руководствоваться ими в выполнении приказов. — И тут же задает вопрос: — Наверное, трудно жить, когда приходится поступать принципами? В этом отношении офицер царской армии чувствовал себя независимей.

— Правильно, — звучит ответ, — в то время офицер мог себе позволить уйти в отставку, если что-то унижало его человеческое достоинство или противоречило его взглядам. Как правило, у них был хороший тыл, к примеру, частное имение. А что есть у нашего офицера? Он совершенно не защищен социально. Вот представьте, как это прослужить двадцать лет и остаться, как говорится, у разбитого корыта.

Вот так: нам — про честь офицерскую, а мы — про корыто.

Да полноте, не проще ли сказать: наша беда в том, что у нас выросло поколение людей, у которых отсутствует внутренняя независимость, не действуют моральные ограничители. Они не чувствуют, до каких пределов можно дойти, руководствуясь соображениями карьеры, сиюминутного благополучия. Они не ощущают того поро-

га, переступив который, ты уже, собственно, перестаешь быть человеком.

И не надо наводить тень на плетень: у русского офицера как раз и не было «хорошего тыла». Достаточно заглянуть в справочники, которых выпущено немало в последние годы.

Итак. Дворянство России (к нашему общему сведению) разделялось на личное и потомственное, а потомственное, в свою очередь, — на поместное (имеющее земельную собственность) и служилое (приобретшее свой статус на военной или гражданской службе). Право личного дворянства получали юнкера после выпуска в офицеры из военных или юнкерских училищ, и это право не распространялось на их наследников (точно так же получали личное дворянство и выпускники университетов при поступлении на государственную службу).

Так вот — подавляющую часть русского офицерского корпуса составляли личные дворяне (потомственными, да и то служилыми, они становились, выходя в полковники). И были они безземельными, а стало быть, не могли ожидать поступления каких-либо денежных средств «со стороны», рассчитывали исключительно на жалованье.

Да и благосостояние большинства неслужилых дворян-помещиков было невелико, поскольку производимая «прибавочная стоимость», позволяла к середине прошлого века десятерым крестьянам содержать на том же уровне еще только одного неработающего, а по ревизии 1834 года 45,9 процента дворян-помещиков России имели менее 20 крестьянских душ, 14 процентов были вообще беспоместными. К 1850 году из 253 068 потомственных дворян России 148 685 не имели крепостных, а еще 23 984 имели их менее 10 душ (при этом 109 444 дворянина лично сами занимались хлебопашеством).

Так откуда же эти красивые моты в золотых галунах, лаковых ботфортах, белоснежных лосинах и т.д. и т.п., мелькающие на наших телеэкранах, лихо закручивающие любовные и прочие истории на страницах любимых в молодости нашими бабушками повестей и романов, которыми теперь зачитываются наши младшие дочери? Неужто их не было? Обратимся к статистике.

В 1903 году даже среди генерал-лейтенантов помещиками (считая и собственность жен) были только 15,2 про-

цента, среди полных генералов — 35 процентов, а среди офицеров (за исключением гвардейской кавалерии) лишь единицы обладали какой-либо собственностью. Достаточно сказать, что среди армейской элиты — генерал-майоров и полковников Генштаба — не имели собственности более 90 процентов (генералов — 89,8 процента, полковников — 94,8 процента). При этом земельной собственностью обладало среди генералов 13 из 159 (8,1 процента), среди полковников 12 из 283 (4,2 процента). У 4 генералов (2,1 процента) и 3 полковников (1 процент) были собственные дома, приносящие доход. И все.

Что же касается «материально независимых», гвардейских офицеров, то обратимся к мемуарам того же графа Игнатьева — блестящего кавалергарда полка «Рыцарская гвардия», — первого из шести полков 1-й гвардейской кавалерийской дивизии:

«Дорог был гардероб гвардейского кавалерийского офицера. Большинство старалось... дать заказы разным портным: так называемые первые номера мундиров — дорогим портным, а вторые и третьи — портным подешевле. Непосильные для офицеров затраты на обмундирование вызвали создание кооперативного гвардейского экономического общества с собственными мастерскими...

К расходам по обмундированию присоединялись затраты на приобретение верховых лошадей. В гвардейской кавалерии каждый офицер, выходя в полк, должен был представить двух собственных коней, соответствующих требованиям строевой службы; в армейской кавалерии офицер имел одну собственную лошадь, а другую — казенную...

... Жалованья не хватало даже на оплату прощальных обедов, прием других полков.

А расходы были велики. Например, кресло в первом ряду театра стоило чуть ли не десять рублей. Сидеть дальше седьмого ряда офицерам нашего полка запрещалось...

Возможно, я и утомил вас цитатами, но как без них уверить наших воспитателей, что и поручику Ржевскому порой приходилось несладко? Но, будьте покойны, на вопрос начальника: «Да имеете ли вы собственное мнение?!» — он непременно отвечал утвердительно, тогда как нынешний его преемник

либо пожмет плечами, либо в лучшем случае буркнет себе под нос: «Мнение-то есть, да выслуги нет».

ПРИЧИНЫ БЕД НАШИХ надо искать в нас самих. Они появились отнюдь не сегодня, когда столкнулись мы с материальными затруднениями, не вчера и даже не в 1985 году. Материальные выгоды выше «святых целей жизни», мы учились ставить не одно десятилетие.

Я помню, как в еще достаточно стабильное время, в начале 70-х годов, убеждали завершающих срочную солдат и сержантов оставаться на прапорщиков: «Ну придешь на завод к станку, будешь получать 100-120 рэ; закончишь институт — 90 рублей тебе красная цена как инженеру. А у нас, по девятой сетке, получишь 160».

А как напутствовали в военное училище? «Станешь лейтенантом — под 200 рублей зарплата, в 45 на пенсию, месяц отпуска, дорога бесплатная, плюс одет, обут. Что еще надо?!»

Или не было такого?

Мой комдив, боевой офицер, фронтовик, и тот, бывало, как журил нерадивого? Да так: непременно спросит: «Сколько ты получаешь?», — и добавит в назидание: «Да за такие деньги мог бы и получше...» И дальше уже по конкретной ситуации — то ли службу нести, то ли носок на плацу оттягивать, то ли стрелять из пистолета, автомата.

Вот мы и дополучались.

Спросите старшего офицера: «Что ж увольняетесь в 40-то лет?», — и услышите: «А что мне армия может еще дать?»

Окликните молодых, не пожелавших заключать контракт и спешащих теперь окунуться в рыночную стихию: «А вам-то что не служится — энергичным, перспективным?», «Башли, не те», — ответят.

А у кого же «те»? Кому станем служить за «те»?

Вчера государство не обижало — служил ему. Сегодня коммерческий банк платит больше за свою охрану. Пойдем туда. А завтра? Кто больше? Может, дяденька «из-за бугра», тряхнет мощной? Формой-то мы уже схожи...

Так что же с нами происходит?

Полковник Е. АРТЮХОВ.

Под социальным углом

ОБЩАГА

приказала долго жить?

МАТЕРИАЛ о том, как живет наш военный служащий в войсковых (и не только) общежитиях, задумывался нами давно. И вот, когда он был уже готов к печати, стало известно, что рабочие общежития в столице в скором времени ... прекратят свое существование. Точнее, подлежит ликвидации статус рабочих общежитий. Взамен они обретут статус "домов временного проживания". Правительство города будет сдавать их в аренду организациям. Сейчас разрабатывается Положение о домах временного проживания. Председатели жилкомитетов административных округов должны вменить в обязанности одному из своих замов работу по превращению общежитий в "дома временного проживания".

Дай Бог, если эта кампания позволит реально улучшить условия существования обитателей общаг, коих в городе немало.

А пока общага жива, живы и ее проблемы, о которых говорить еще далеко не поздно...

Когда собирался взяться за эту тему, зарекался: ни в коем случае не скатываться на жилищную проблему. И вышло, что зря зарекался...

Еще на подходе к общежитию с красивым, исконно русским названием "Березка", (сразу оговорюсь, общежитие принадлежит не воинской части — здесь она занимает всего лишь два этажа, — а службам района одного из муниципальных округов столицы) заметил два грузовика и автобус с родными взвзными опознавательными

знаками. "Не иначе кто-то из обитателей общаги квартиру получил," — подумал и испугался: как бы не сглазить! К счастью, обошлось: действительно, один из наших офицеров получил квартиру. Позже узнал, что судьба улыбнулась капитану Сергею Киселеву. Не прежде чем стать счастливым обладателем благоустроенного жилья, пришлось товарищу лиха хлебнуть.

ОДИССЕЯ КАПИТАНА КИСЕЛЕВА

После военного училища Сергей Вионорович три с половиной года прослужил командиром взвода. Полтора года заместителем командира роты. Способного офицера заметили — перевели в управление соединения, где он и по сей день выполняет воинский долг. Это, так сказать, сторона служебная. А вот другая — жилищная.

По прибытии к первому месту офицерской службы лейтенант Киселев получил и первое свое жилье: койку в солдатской казарме. Ютился здесь недолго, но с полным правом может говорить о том, каково это — жить под одной крышей со своими подчиненными. Причем этот коротенький отрезок жилищной эпопеи пришелся на самое тяжелое в офицерском становлении время: психологическая нагрузка в момент притирки лейтенанта к вверенному ему личному составу и, наоборот, личного состава к новому командиру — будь здоров.

Следующий этап — знакомое вам уже общежитие «Березка». Командование предоставило койко-место в так называемой «трешке», — большей из двух типовых комнат в типовом боксе. Там же поселили и еще троих его однокашников по училищу. А потом Сергей Вионорович женился. После свадьбы переехал жить к своей законной супруге — с шестнадцатого на второй этаж. С рождением сына Дмитрия молодая семья получила возможность улучшить свои жилищные условия — на этом же этаже освободилась «трешка». Но в нагрузку к дополнительным метрам жилплощади получил офицер ведущую разгульный образ жизни соседку. Что поделаться, не сложилась судьба у молодой работницы торговли, и стала она искать утешения в вине, в дешевой, как портвейн, любви залетных мужчин. Кто-то скажет: а кому какое дело, как живет молодуха, с кем пьет, с кем гуляет, с кем спит, наконец. Каждый вправе по-своему устраивать судьбу. Так-то оно так, конечно. Но поневоле от неустроенности загулявшей женщины стала страдать и семья Киселевых. И не только она. Зачастую «народные гулянья», соседки начинались по возвращении той с работы и продолжались до первых петухов. Бывало и так — прямо из-за стола отправлялась хозяйка и званые-незваные гости ее по рабочим местам. Кошмар да и только! Можете себе представить, приходит офицер со службы, еле ноги от усталости передвигает, а тут — дым коромыслом. Скажете, а чего молчал — призвали бы зарвавшуюся дебоширку и друзей ее к порядку. И были бы правы. Я об этом капитану Киселеву тоже сказал, а он только рукой махнул: призвали, и не раз. Даже к участковому за помощью обращались. Только без толку все. Что он может сегодня, участковый-то? Прийти поговорить по душам или пригрозить, сделать, наконец, последнее китайское предупреждение — и все. Выселить непутевую тетку из общежития — извините, не имеете права. Прописка имеется.

Поначалу соседка отмахивалась от слишком правильного соседа, как от комара. Он ей слово, а она ему — два. А когда «достал», ее офицер наконец, перешла к активным действиям. Стали, например, вещи пропадать. Оставляла супруга капитана Киселева две туфли под дверью — утром одна оста-

валась. Раз сапоги ее зимние соседи нашли у мусоропровода.

Но офицер и его семья не сдавались. При поддержке других добропорядочных соседей продолжали бороться с беспределом. И сумели-таки добиться, чтобы злополучную соседку и еще двух ей подобных девиц с этажа поселили в один бокс. После чего Киселевы переехали дух.

Спросите, почему так подробно обновился на описании перипетий капитана Киселева и его близких. Потому что такая безрадостная картина не редкость для общежитий, где нашим военнослужащим и членам их семей приходится жить под одной крышей с гражданскими. Могу предвидеть еще один вопрос: а как такие люди, как соседка капитана Киселева, попали в места для совместного проживания законопослушных граждан? Да в том-то и дело, что не были они такими. Такими распущенными, безвольными, равнодушными к собственной судьбе их сделала госпожа общага. Кстати, готов продать тему для диссертации ученым-психологам: «Психология общежития, или Как проживание в общежитии влияет на психику человека». А влияет оно, надо сказать, не лучшим образом. Какие мысли преследуют обитателей общаги на каждом шагу? О своей неустроенности в жизни. Психология человека, проживающего в общежитии, в чем-то сродни психологии временщика: пока я еще не живу, вот получу свой угол — начну жить по новой. Тогда и женюсь (выйду замуж). Детей заведу. Но проходят годы — лучшие годы в жизни человека, а квартиры все нет и нет. И судьба почему-то никак не устраивается. Друзья (подруги) почему-то не спешат обременять себя тесными семейными узами. Наступает момент, когда на человека накатывает такая тоска — волком выть хочется. Тут как тут участливые друзья-товарищи с «успокоительным», для заболевшей души. Пьют. И наконец спиваются. Да и только ли гражданские не выдерживают испытания общагой? А наш брат военный? Поговорите с ветеранами общежитий. Они вам такое расскажут! Один допился до того, что вылетел из войск. Второй институт бросил. Третий с женой разошелся...

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ЭТАЖ

Поговорите с комендантом "Березки", и она вам поведаст, что 16-й этаж — один из самых благополучных в этом общежитии. И действительно, порядок и дисциплина здесь почти военные. Разве что детишки иногда не в меру развеселятся, но на то они и дети.

Когда пришел сюда в первый раз, на глаза попался "Уголок этажа". Как отметил бы проверяющий, знакомящийся с жизнью воинского подразделения, служебная документация была запущена. "Дежурит сегодня...", "Дежурит завтра...", "Староста...", "Заместитель...", "График дежурств..." — все эти графы были девственно чисты. Вроде бы непорядок, а с другой стороны, нужна ли здесь, на "семейном этаже", эта документация? Нужен ли здесь староста? Нужны ли дежурства? Когда сам уклад семейной жизни, соседи (читай: они же сослуживцы, а зачастую не просто сослуживцы — начальники и подчиненные) обязывают к порядку, к неукоснительному соблюдению правил "коммунистического общежития". Вот общежитию, где живут холостяки, эти атрибуты не помешали бы.

С обитателями 16-го этажа мое знакомство состоялось заочно. На том же стэнде было четко расписано — кто и где проживает. Здесь были представлены почти все категории военнослужащих: офицеры старшие и младшие, прапорщики и сержанты, рядовые. Разве что генерала для полной картины не хватало.

Заглянул в холл — там на веревках распашонки с ползунками да пеленками сушатся. В коридоре под дверями коляски, "велики", игрушки детские. В общем, картина знакомая мне по общежитиям, где не раз приходилось останавливаться в служебных командировках за неимением мест в гостиницах, а последнее время и по финансовым соображениям.

Первым живым человеком, с кем встретился на 16-м этаже, оказалась супруга начальника продовольственной службы части лейтенанта Олега Кузьмина. Разговорились. В общежитии она с мужем и маленьким ребенком

живет недавно. Призналась, что попали сюда с трудом.

— Правда, комнатка не ахти какая, — заметила молодая женщина. — Да лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Если есть желание, посмотрите, как мы тут устроились.

Занимала лейтенантская семья в боксе ту комнату, что поменьше. Из мебели — только самое необходимое: кровать, тут же рядышком детская кроватка, шкаф, стол и пара стульев. Для других вещей просто нет места. Очень тесно. В буквальном смысле — ступить некуда. У космонавтов наших на орбитальном комплексе "Мир", по сравнению с лейтенантским жильем царские хоромы. Они к тому же там еще и летать могут в невесомости.

Можно ли жить в таком ограниченном пространстве? Вопрос, конечно, интересный. Живут. По десять-пятнадцать лет. Живут и более. Только вот вместо слова "живут", напрашивается другое — "существуют". Поймал себя на мысли: а что, если бы кто из жильцов надумал обратиться в комиссию по правам человека, что бы ему ответили?

"НАМ ЕЩЕ ПОВЕЗЛО"

Оказывается, получить крохотную комнатку в "Березке", не так-то просто. Люди живут вдвоем на 12 квадратных метрах или вчетвером на 18, как например семья прапорщика Ф. Рыкина, — и несказанно рады. Это притом, что Временным положением о порядке улучшения жилищных условий граждан в г. Москве предусмотрена норма площади жилья только лишь на **ОДНОГО** человека от 15 до 20 кв.м (!!!) общей площади.

Капитан Валерий Вайдо тоже, кстати, счастливчик. Он, как и капитан Киселев, получил на днях ордер на квартиру. Но сразу же хочу предупредить — не торопитесь с выводами. Отъезжающие по новым адресам на 16-м этаже скорее исключение из правил, чем правило. С 88-го года только две семьи вырвались из цепких объятий общаги. Только две! А в очереди на квартиру в части — 44 человека. Так вот, капитан Вайда говорит: "Нам еще повезло. Командир автобата майор Виталий Коваль со своей семьей, женой

и двумя ребятами, в учебном классе живет. Наш медик лейтенант Евгения Эстрина с мужем в санчасти устроилась. С ними еще и собака. Не бросишь ведь — живая душа. Детей с собой они брать не стали, у родителей пока оставили, до лучших времен.

Финансист из управления соединения у себя в кабинете живет.

Слышал, начальник радиомастерской прапорщик Александр Деменев на рабочем месте «прописался». Золотые руки у парня — компьютеры сам собирает! У него, правда, было место в общежитии, да вот сосед женился. Пришлось уйти — не будешь же человеку медовый месяц портить».

Но, как считает капитан Вайдо, такое плачевное положение офицеров и прапорщиков — еще полбеды: они за годы службы к житейской неустроенности привыкли. И трагедии из отсутствия жилья не делают. Беда, что сегодня воинская часть не может обеспечить местами в общежитии тех ребят, кто остался служить по контракту. Старшине Андрею Воронову и сержанту Роману Храпцову в октябре прошлого года, когда они контракт подписывали, сулили золотые горы. И комнату в «Березке», в том числе. А что на деле получилось? Вначале на сборном пункте кантовались. Потом «улучшили», жилищные условия — командир части решил в учебном классе устроиться. В качестве интерьера у военных-контрактников стол-макет. В свободное время можно совершенствовать свое боевое и служебное мастерство. Стоит ли говорить, какое разочарование испытали эти люди?

«МЫ КАК ОДНА БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ»

Стремление к уединению, которое рано или поздно появляется у каждого нормального человека, естественно. Каким бы он общительным ни был. Замечали — как только у солдата выдается свободная минута, он старается уединиться: почитать письма любимой девушки, из родительского дома, помянуть в одиночестве о чем-то сокровенном. Нормальная реакция на переобогатившую общением жизнь воинского коллектива. Само собой разуме-

ется, что есть такая потребность и у офицера, и у прапорщика, и у контрактника — они такие же люди, как и их подчиненные. Только вот им-то где искать уединения? Где расслабиться, сбросить груз накопившихся проблем? Уж не в убогой общежитовской комнатухе, где жена просит помочь по хозяйству, где дети требуют от папы внимания к себе. За время нахождения в «Березке», у меня сложилось впечатление, что деление на боксы, комнаты на 16-м этаже условно. Он напоминал мне одну большую коммунальную квартиру. Со своими, свойственными только ей обычаями и законами.

— А мы как одна большая семья, — согласился со мною капитан Вайдо. — На работе, дома одни и те же лица. Мало того, в магазин пойдешь или в сбербанк заскочишь — обязательно своих кого-нибудь да встретишь.

Тема отдельного разговора — женщины, верные спутницы жизни, и дети.

Как бы там ни было, военный человек — существо особого рода. За годы службы у него вырабатывается стойкий иммунитет к разгонам и разносам начальников любого ранга. О такого рода «инцидентах», любят вспоминать и с удовольствием рассказывают о них в кругу сослуживцев. Ко всякого плана житейским неурядицам они привыкли относиться философски. А вот женщины... Она по природе своей тянется к домашнему очагу. Мечта о СВОЕМ доме у нее живет в генах. И что будет с ней, если обречь ее на многолетнее, а бывает и так — бесполезное ожидание собственного жилища, где она могла бы развернуться как хозяйка в полную силу, устроить суженому своему, детям своим настоящий рай? Правильно. Нервное истощение. И как следствие — неврозы, истерики. О том, как влияет на женскую психику ограниченное пространство, отсутствие возможности подвигать мебель и тем самым внести свежую струю в приедающийся быт, тоже, думаю, говорить не стоит.

А дети? Дети общежитий? Это тоже объект для наблюдения психологов. Безусловно, атмосфера коммуналки сказывается на их развитии, здоровье далеко не лучшим образом.

ГДЕ ВЫХОД?

Остряки из "Березки", на этот вопрос отвечают так: "Спуститесь в лифте на первый этаж. И там увидите дверь..." А если серьезно? Как преодолеть притяжение общаги? Ждать до посинения квартиру? А очередь на жилье помните какая? Конечно, квартиру можно снимать. Но только тем, кто имеет преуспевающих в бизнесе родителей или других близких родственников. В противном случае лейтенантской или капитанской зарплаты — особой разницы здесь нет — с трудом хватит на то, чтобы оплатить комнату в коммуналке. Если же простой смертный офицер или прапорщик, без преуспевающей, готовой к благотворительности родни, все же решится на подобный эксперимент, то ему для начала не помешает ответить на два вопроса. Первый: стоит ли менять шило на мыло? Второй: на что жить дальше? А компенсация за поднаем жилья, говорите? Не смешите. За такие деньги — несколько тысяч "деревянных", — вас и на порог не пустят.

Правда, есть еще один путь, о котором говорить не принято — уволиться, найти денежную работу и квартиру купить.

Из троих однокашников, что приехали вместе с капитаном Киселевым, двое уже уволились. Третий — капитан Анатолий Колесников пока служит. Он, его жена и двое детей ждут трехкомнатную квартиру. Ждут не дождутся. Живут они, кстати, в той же "Березке", на двенадцатом этаже.

"СЛУЖУ НЕ ЗА СТРАХ, А ЗА... КВАРТИРУ,"

Хитрая штука эта мотивация. Нет ее — никак дело не ладится. Что у пекаря, что у токаря, что у служивого человека без нее все из рук валится. А действительно, какие сегодня мотивы для служебного рвения у кадровых военных — возьмем для примера эту категорию военнослужащих, о них преимущественно идет сейчас речь. На мой взгляд, существуют мотивы нравственного порядка — любовь к Родине, верность присяге и воинскому долгу, честь офицерская и наконец. Вместе с ними есть мотивы и приземленные — ради денег, чтобы жить самому и кор-

мить свою семью, ради бесплатного медицинского обслуживания, ради пенсии — какой бы мизерной она ни была по нынешним меркам, но ведь позволяет в старости не остаться без куска хлеба. Последнее время в этой обойме мотивов на первый план для многих офицеров выходит квартира. "Служу за квартиру", — нередко теперь приходится слышать из их уст. Хорошо это или плохо? Наверное, плохо. По крайней мере, в русской армии нравственные мотивы всегда ставились выше материальных.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Предсказать то время, когда с прибытием к месту службы каждый офицер получал бы ключи от собственной квартиры, не берусь, да и наступит ли оно в обозримом будущем. Могу лишь сказать одно: пока в войсках существует жилищная проблема, без общежитий, при всех их недостатках, нам никак не обойтись. Хотелось бы только, чтобы условия в них были человеческими. А если вдобавок к этому будет ГАРАНТИРОВАНО, что за время службы офицер, прапорщик или контрактник рано или поздно квартиру свою получит, то служить люди будут. И мотивы нравственные вновь будут занимать главенствующее положение.

И еще. Пока материал готовился к печати, произошли некоторые изменения. В частности, квартирная очередь в части, о которой шла речь выше, выросла еще на четыре человека и вот-вот перешагнет полусотенный рубеж. В эту же часть для прохождения дальнейшей воинской службы прибыло шестеро бесквартирных холостых молодых лейтенантов — выпускников военных училищ. В "Березке", же на момент их прибытия освободилась лишь одна комната. И на нее уже претендент имеется — лейтенант Сергей Яцуненко с женой и маленьким ребенком.

А теперь о хорошем. Лейтенант Евгения Эстрина получила очередное воинское звание "старший лейтенант". С чем мы ее и поздравляем. Желаем, прежде чем станет капитаном, получить ключи от новой квартиры.

Подполковник А. ПЕТРОВ.

Наши консультации

СТРАХОВАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В апреле 1993 года Совет Министров — Правительство Российской Федерации приняло постановление N 295 «О порядке проведения обязательного государственного личного страхования военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел». На основе этого документа министр внутренних дел Российской Федерации издал приказ N 234 от 17 мая 1993 года «Об обязательном государственном личном страховании в системе МВД России». Судя по редакционной почте, вопросов, касающихся реализации данных документов (а они вступили в действие с 1 марта 1993 года), возникает немало. Ответить на некоторые из них мы попросили ведущего специалиста Росгосстраха Р.П.Филиппову.

— Раиса Павловна, прежде всего, кто подлежит обязательному государственному страхованию?

— Согласно постановлению Правительства Российской Федерации установлено, что впредь до принятия соответствующих актов об обязательном государственном страховании военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел подлежат обязательному государственному личному страхованию на случай гибели (смерти), увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения ими службы (военных сборов).

Обязательное государственное личное страхование указанных лиц осуществляется за счет средств, выделяемых на эти цели из федерального бюджета Министерству внутренних дел Российской Федерации, другим министерствам и ведомствам, в которых законом предусмотрена военная служба.

— Передо мной несколько писем, в которых авторы сетуют на то, что не знают, как же воспользоваться предоставленным правом на обязательное государственное личное страхование. Каковы методы реализации данного постановления? Допустим, произошло страховое событие, как записано в документе... А что дальше?

— Первым делом следует подготовить документы, необходимые для решения

вопроса о праве на выплату страховых сумм.

Для определения этого права застрахованные (члены семьи) оформляют в воинской части, органе внутренних дел и представляют в фирму (филиал) Российской государственной страховой компании следующие документы:

В СЛУЧАЕ ГИБЕЛИ (смерти) застрахованного в период службы (военных сборов) либо до истечения одного года после увольнения со службы вследствие ранения (контузии, травмы, увечья) или заболевания, полученных в период прохождения службы:

- заявление;
- справку о размере оклада денежного содержания (должностной оклад и оклад по воинскому званию без учета их повышения за службу в отдаленных и с тяжелыми климатическими условиями местностях и других установленных законодательством повышений) на день наступления страхового события;
- копию свидетельства о смерти, заверенную соответствующим кадровым аппаратом;
- справку о составе семьи застрахованного с указанием степени родства, места жительства, месяца и года рождения детей;
- документ, удостоверяющий личность каждого члена семьи;

при установлении застрахованному **ИНВАЛИДНОСТИ** в период службы (военных сборов) либо до истечения одного года после увольнения со службы вследствие ранения (контузии, травмы, увечья) или заболевания, полученных в период прохождения службы:

- заявление;
- справку о размере оклада денежного содержания на день страхового события;
- копию справки ВТЭК об установлении инвалидности, заверенную соответствующим кадровым аппаратом;
- документ, удостоверяющий личность;
- военный билет — для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, и граждан, призванных на военные сборы.

При обращении застрахованного или членов его семьи с заявлением о выплате страховой суммы филиал страховой фирмы Росгосстраха обязан зарегистрировать заявление в журнале регистрации заявлений и выплат страховых сумм и проверить правильность оформления документов. Воинские части, органы внутренних дел обязаны представить по требованию органов государственного страхования необходимые документы об обстоятельствах наступления страховых событий для решения вопроса о выплате страховки.

— Каким образом определяются размеры страховых сумм?

— Размеры страховых сумм, подлежащих выплате офицерам, прапорщикам, военнослужащим сверхсрочной службы, военнослужащим-женщинам и тем, кто проходит военную службу по контракту, лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел и членам их семей, определяются, исходя из оклада по должности, воинскому или специальному званию этих военнослужащих, а размер страховых сумм, подлежащих выплате военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, гражданам, призванным на военные сборы, и членам их семей, — исходя из установленного законодательством минимального размера оплаты труда на день наступления страхового события.

Страховые суммы выплачиваются в следующих размерах:

а) в случае гибели (смерти) застрахованного в период прохождения службы (военных сборов) либо до истечения одного года после увольнения со службы (военных сборов) вследствие ранения, травмы, контузии, увечья или заболевания, имевших место в период прохождения службы, — по 25 окладов денежного содержания (месячных минимальных размеров оплаты труда) на каждого члена семьи. При этом к членам семьи, имеющим право на получение страховой суммы, относятся жена (муж), состоящая на день наступления страхового события в зарегистрированном браке с застрахованным, отец и мать застрахованного, а также его дети, не достигшие 18 лет (учащиеся в возрасте до 23 лет), либо старше этого возраста, если они стали инвалидами до достижения 18 лет;

б) в случае установления застрахованному инвалидности в период прохождения службы (военных сборов) либо до истечения одного года после увольнения со службы вследствие ранения, травмы, контузии, увечья или заболевания, имевших место в период прохождения службы:

- инвалиду I группы — 75 окладов денежного содержания (минимальных размеров оплаты труда);
- инвалиду II группы — 50;
- инвалиду III группы — 25;

в) в случае получения застрахованным в период прохождения службы (военных сборов) тяжелого ранения (контузии, травмы, увечья) — 10 окладов денежного содержания (минимальных размеров оплаты труда), легкого — 5.

— Раиса Павловна, по каким признакам ранения, травмы, контузии, увечья подразделяются на легкие и тяжелые?

— Степень тяжести ранения, травмы определяется военно-врачебной комиссией. У нее есть специальный перечень, исходя из которого определяется степень тяжести.

— У некоторых наших читателей возникает вопрос: в каких случаях страховка не выплачивается? Уже есть примеры, когда застрахованным отказывают в выплате страховых сумм...

— Конечно, с каждым человеком нужно разбираться индивидуально, но к перечню противоправных действий застрахованного, за последствия которых страховая сумма не выплачивается, относятся те деяния, которые компетентными органами или судом квалифицируются как умышленное преступление, административное правонарушение, а также те, причиной которых стало алкогольное, наркотическое или токсическое опьянение. Не выплачивается страховка и в тех случаях, когда установлено, что застрахованным совершено членовредительство.

— Как осуществляется выплата страховых сумм?

— При наступлении страхового события выплата страховых сумм производится филиалом страховой фирмы по месту жительства или прописки застрахованного путем перечисления денег во вклад на имя получателя в соответствующем учреждении Сберегательного банка России, выдачи чека на банк, перевода по почте за счет получателя по его выбору.

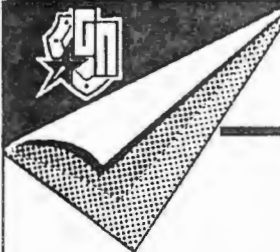
Несовершеннолетнему получателю выплата страховой суммы производится только путем перечисления в учреждение Сбербанка по месту жительства во вклад на его имя с одновременным уведомлением об этом органов опеки и попечительства, если таковые имеются.

В случае отказа в выплате страховой суммы филиал страховой фирмы в семидневный срок письменно сообщает об этом застрахованному (членам его семьи) с указанием причин отказа.

Заявление о выплате страховой суммы застрахованный (члены семьи) может подать в филиал страховой фирмы до истечения трех лет со дня страхового события.

— Большое спасибо за информацию.

Записал старший лейтенант
С. КОЛЕСНИКОВ.

Павел КОКОШКИН

БЕЛОМОРКАНАЛ. 30-е ГОДЫ

Главы из повести*

После бани нас распределили по подразделениям. Я, цыган, Шурик Василич и Ковалев попали в один взвод, чему все четверо очень обрадовались. После обеда пополнение построили повзводно и поотделенно, и командир взвода представил нам сержантов. Нашим командиром отделения оказался сержант Пацюк, коренастый, длиннорукий, с низким лбом и глубоко посаженными глазами детина. Вследствие хронического насморка рот у Пацюка постоянно был открыт, что придавало его лицу, и без того не отмеченному печатью интеллекта, выражение дебильности. Позже я был поражен тем, насколько внешность сержанта соответствовала его сущности. Стоя перед строем, он из-под бровей разглядывал нас и многообещающе ухмылялся. Петр, стоявший во второй шеренге позади меня, прошептал: "Людоед какой-то!"

Сразу после представления сержантов нас вывели на заснеженный плац, в углу которого возвышалась куча фанерных лопат. Остановив отделение напротив этой кучи, Пацюк произнес речь:

— Ну что, банзайцы, кончилась ваша лафа. Вам сильно повезло, что ночью выпал снег и комполка приказал его убрать, а то бы вы у меня сейчас на заднем дворе парашу грузили. Ну да ничего, еще будет возможность отличиться. А пока — чистоплюйская работенка. Сгребаем снег к тыльному краю плаца, сваливаем в сплошной отвал и подрезаем ровной стеночкой. А теперь быстро расхватывали инвентарь!

Когда мы, разобрав орудия труда, растянулись цепочкой по плацу, Пацюк подошел к Суворову и, пнув его лопату сапогом, зловеще сладким голосом проговорил:

— Ты что, банзаец, с первого дня сачковать вздумал? Где это ты такую циркалку выискал? Может, ты еще за чайной ложкой сбегашь? Ну-ка шлепай сюда!

Пацюк подвел Шурика к лопатной свалке и вытащил из нее щит с двумя ручками. Вручив его Суворову, сержант заключил:

— Для сачков — самый подходящий инструмент. Будешь пахать за двоих. Вперед!

Минут через десять, видя, как Шурик буксует, изо всех сил упираясь щитом в неподвижную кучу снега, цыган подошел к нему и навалился на одну из ручек. Тут же рядом оказался сержант.

— Это что за штрейкбрехер выискался? — с издевательским участием поинтересовался он. — Фамилия?

— Цыганков, — отозвался Петр, продолжая упираться в ручку щита.

— А ну встать смирно! — вдруг заорал сержант. — Что ты мне тут под нос свою задницу отключил? Когда командир к тебе обращается, должен встать по стойке "смирно".

Петр выпрямился, но руки по швам тянуть не спешил. На его смуглых скулах заходили желваки.

— Если тебя в командиры определили, — сказал он, — в чем, по-моему, сильно ошиблись, так ты соответствуй, а не корчи из себя оглоеда.

* Продолжение. Начало в N 8.

— Что?! Что ты сказал?! — задыхнувшись, прохрипел Пацюк. — Ты на кого батон крошишь, цыганская морда? Да я тебя!..

— Ну что ты меня? — спокойно переспросил Петр, на голову возвышаясь над сержантом. — Ударись, что ли?

— На это не надейся, — снова перешел на издевательски-сладкую интонацию Пацюк. — Провоцируешь? Зря губищу раскатал. Я тебя по уставу уделаю так, что на карачках приползешь прощения просить.

— Широко шагаешь — портки поврешь, — усмехнулся цыган и, отвернувшись от Пацюка, с ожесточением навалился на застрявший в снегу щит.

— Ладно, погоди, — прошипел он Петру в спину и двинулся к краю плаца.

Там он сорвал зло на бойцах, которые пытались вырывать стену снежной насыпи.

— Это что, ровный срез? — заорал Пацюк. — Как бык поссал. Совсем окосели!

Вдруг из-за столовой выскочил какой-то доходяга в черной робе и неверной трусцой припустил к помойке. Перегнувшись по поясу через край, зечок порылся в еще паривших, недавно вынесенных объедках и, выхватив из них кусок рыбьего хребта с остатками мякоти, упал на колени и принялся жадно обгладывать кости. В лице его при этом не осталось ничего человеческого.

Увидев зека, Пацюк бросился к нему и, пнув сапогом в бедро, рявкнул:

— А ну брось, гнида!

Тот совершенно по-собачьи оскалил гнилые, с прорехами зубы и, вскочив на ноги, отбежал за помойку, не выпуская из рук своей добычи. Но Пацюк в два прыжка настиг его и, сбив на снег, усыпанный картофельными очистками, заломил руку за спину. Тут Пацюка встряхнул сильный рывок за ворот шинели. Вывернув шею, сержант увидел Цыганкова.

— Опять ты, суенок! — свистящим шепотом зашелся он.

— Ты на невинном человеке не отыгрывайся, — жестко сказал цыган.

— Кто невинный? — завопил Пацюк. — Зечара невинный? А ты знаешь, что он политический?! Врага народа защищать! Да?! Ну вот ты и допрыгался! Шевякову доложу.

— Если ты на меня клепать станешь, — спокойно пообещал цыган, — то в твоей жизни приключится второй несчастный случай.

Пацюк раскрыл рот с явным намерением разразиться бранью, но тут до него в деталях дошел смысл сказанного Петром. Забыв закрыть рот, он отпустил свою жертву и, зло глядя в лицо солдату, огрызнулся:

— Второй? Что-то я первого не припомню.

— Это понятно, — усмехнулся цыган, — первый был, когда ты родился. Тебя просто в унитаз смыть забыли.

— Посмотрим, куда тебя смоят! — мрачно пообещал сержант.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ Пацюк цыгана в упор не замечал, зато принялся за меня и Шурика. С утра было два часа строевой подготовки. То ли у нас с Суворовым на самом деле ничего не ладилось, то ли Пацюк не любил менять объекты своего "воспитательного" воздействия, но цеплялся он только к нам двоим.

— Кто так поворот делает?! — орал он на Василича. — Топчешься, как медведь в цирке. Полководец жареный!

Шурик сносил все это молча, с отрешенным видом влокачивая каблук в обледеневший плац.

— А ты чего скачешь, как блоха?

Это уже относилось ко мне. Фамилии моей Пацюк тогда еще не запомнил. Да он и не стремился особо утверждать себя. Было бы ради кого! Он обращался к подчиненным посредством им же самим придуманных кличек. Так, Василич стал у него Жареным, видимо, из-за своей рыжины, Ковалева он называл личным портретистом Иисуса Христа, а коротко — Богомазом или Мазилой, мне от Пацюка досталось прозвище Уполномоченный. Но случилось это несколько позже, когда по приказу командира полка меня прикомандировали к редакции полковой газеты, и я фактически вышел из подчинения Пацюку. На том же первом строевом занятии я для него был безымянной шагающей единицей, которую он удостоил незатейливого обращения "Эй, ты".

— Эй, ты! — кричал Пацюк, стоя посреди плаца на широко расставленных коротких и кривоватых ногах. Голенища сапог на его икрах, похожих на бочонки, чуть не лопались. — Эй, я тебе говорю! Что ты выпятил свой барабан, как беременная баба? Ну и банзайцы понаехали!

За два часа, проведенных на плацу, наши лица стали багровыми, шинели взмокли от пота, и от них шел пар. Первое занятие вряд ли принесло кому-нибудь из нас практическую пользу, но со временем мы поняли, что главным своим командирским достижением Пацюк считал отнюдь не наши успехи, а утверждение в мозгах подчиненных одного-единственного тезиса: "Плетью обуха не перешибешь". Тех, кто эту мысль постиг и принял на вооружение, сержант на какое-то время оставлял в покое. Те же, кто, по его выражению, ерепенились и рыпались, распалили в нем самодурство. Цыган стал его личным врагом. Я чувствовал: свой конфуз во время расчистки плаца Пацюк ему не простит. Так оно и вышло.

Нам уж несколько раз объявляли, что на следующий день с утра состоится встреча командования с личным составом. Но это мероприятие всякий раз откладывалось из-за отсутствия оперуполномоченного Белбалтлага капитана Шевякова. Я недоумевал: почему командиры куда более высокого ранга вынуждены идти на поводу у какого-то опера, ломать из-за него свои планы, срывать занятия в полку. Уже много

позже до меня дошло, что и пес может заставить волка хвост поджать, коли за псом — свора и охотник с ружьем. Встреча с командованием в масштабе полка так и не состоялась.

Шевяков пожелал проводить беседы повзводно. Выглядело это довольно странно: три десятка бойцов на табуретках, а напротив за столом, покрытым кумачовой скатертью, командиры, которым уж никак не по чину перед взводом выступать. Оперуполномоченный сидел в середине, перед ним на столе лежала тонкая картонная папка, а чуть поодаль стоял графин с водой, из которого он то и дело наливал себе в стакан и, по-конски громко глотая, ненасытно пил, словно с похмелья. Происходившее сильно смахивало не то на опознание преступника, не то на допрос, а отчасти и на суд инквизиции. Шевяков достал из папки листок бумаги и, заглядывая в него, называл фамилии. В каждого поднявшегося бойца он вперял такой взгляд, будто ребра пересчитывал. Большинству разрешал сесть, ни о чем не спрашивая, некоторым задавал вопросы, связанные с семейным положением, образованием, местом работы до призыва. Четверем парням оперуполномоченный велел пересечь на свободные табуреты, стоявшие вдоль стены казармы. «С чего бы это?», — подумал я, и вдруг меня осенило: ведь эти четверо несколько дней назад шагали со станции в хвосте колонны в группе черного списка. Тут капитан произнес фамилию цыгана. Петр встал. Шевяков бросил на него взгляд, будто булыжник свырнул, потом повернул голову к сержанту Пацюку, сидевшему у окна. Тот едва заметно кивнул. Ротный политрук, характеризуя Цыганкова, сказал:

— На гармонии отлично играет, поет, пляшет. Думаю его к художественной самодеятельности привлечь.

— Разберемся, — угрюмо буркнул оперуполномоченный, — есть сведения, что он и так чересчур самодеятельный.

Пацюк, глянув снизу вверх на стоявшего цыгана, хмыкнул и, приглушив голос, пообещал:

— Теперь и запоешь, и попляшешь.

Капитан сделал какую-то пометку в списке и молча указал Петру на табурет у стены.

Когда последний во взводе боец был осмотрен и опрошен, капитан поднялся из-за стола с видом человека, обремененного чрезвычайно важной миссией. Ткнув пальцем в пятерых, сидевших у стены, он скомандовал:

— Вот вы — за мной!

Не сказав ни слова командирам и даже не взглянув на них, Шевяков двинулся к выходу. Когда дверь за ним и понуро шагавшими следом бойцами закрылась, за красным столом облегченно перевели дух, заерзали на табуретах, начальник штаба налил себе воды из графина, политрук принялся за чем-то поправлять скатерть, словом, произошло какое-то фальшивое оживление, все делали вид, что ничего не случилось. Так бывает, когда кто-ни-

будь в комнате исподтишка испортит воздух и все разом, не сговариваясь, лишаются обоняния.

На вечерней поверке Петр отсутствовал. Остальные четверо давно пришли. На расспросы товарищей отвечали уклончиво, дескать, капитан проработывал их за пьянку в поезде. Я понимал, что это туфта. Оперативник Белбалтлага — не та фигура, чтобы брать на себя обязанности взводного или ротного. Но тогда мне не было дела до тех четверых. Я переживал за Петра. Накануне моего ухода на службу в нашем подъезде был арестован один инженер. Причины ареста никто не знал, но поговаривали, будто на него донес его сослуживец и сосед, однажды подкатившийся к жене инженера и получивший от нее пощечину, а от него — пинка под зад. Если этого хватило для того, чтобы сострять дело на чело века, то цыгана Пацюк, даже при своей убогой фантазии, мог оклеветать с ног до головы.

Лежа в постели, я глядел на пустовавшую койку Петра и ломал голову над тем, что могло с ним случиться. Сна не было ни в одном глазу. Цыган появился уже за полночь, молча стащил сапоги и, не раздеваясь, улегся поверх одеяла. Я ждал. Со второго яруса свесилась голова Суворова.

— Ну? — шепотом попытался Василич побудить Петра высказаться.

— Баранки гну! — откликнулся тот. И после паузы сообщил:

— Людоед наш стукнул.

— Ну ты открыл Америку, — усмехнулся я. — Пацюк этого и не скрывал. Что тебе капитан посулил?

— Лагерь посулил... Если к нему в осведомители не пойду.

— А ты? — не утерпел Суворов.

— А я обещал стучать в трех экземплярах. И для затравки тебя заложил, что ты на политзанятиях спишь.

— Да иди ты! — обиделся Шурик. — Я серьезно, а ты...

— А если серьезно, значит — дурак! — огрызнулся цыган. Он поднялся и принялся раздеваться, но, видимо, спиной почувствовал мой вопрошающий взгляд, обернулся и пробормотал:

— Не знаю... И с некоторых пор многого не понимаю.

Я был дневальным, когда в середине дня в роте появился рядовой Старыгин с небольшим чемоданчиком из прессованного картона. Мишка был из той команды, которая побывала на аудиенции у опера. Возникнув на пороге, Старыгин заговорщицки подмигнул мне и спросил:

— Кто с тобой в наряде?

— Ковалев, Вольфсон и Семеряков, — перечислил я и спросил: — А что?

Мишка, не отвечая, сам поинтересовался:

— А дежурный?

— Ты что, проверяющий, чтоб тебе докладывать? Вон грязь на сапогах приволок. И вообще, чего это ты гуляешь? Все на занятиях, а ты? Вольный стрелок?

— Ага, вроде того, — согласился Старыгин. — Я тут по заданию ротного в Повенец ездил, и мне там кое-что обломилось...

— И прямо по башке, — подхватил подошедший Сергей Семеряков.

— Похоже, — согласился я.

— Да ну вас к этой самой, — не выдержал подначек Мишка, и, видимо, желая поскорее и позффектнее произвести на нас впечатление, он пристроил чемоданчик на согнутом колене и поднял крышку. Надо признать, цель его была достигнута. Наши нижние челюсти невольно поползли к полу. В чемоданчике ровными рядами лежали пачки денег. Тут подошли Левка Вольфсон и Ковалев.

— Чтоб я так жил! — воскликнул Левка, увидев содержимое чемоданчика. — У нас на Молдаванке за этот товар можно иметь хорошую цену. Но я-таки интересуюсь: тебя нежно полюбил Ротшильд?

— Чего? — не понял Старыгин.

— Откуда взял? — вопросом пояснил Семеряков.

— А-а, так бы и спрашивал, — Мишка покосился на Вольфсона, — а то — Ротшильд, Ротшильд... Хрен его знает, может, и Ротшильд. Я у него фамилию не спрашивал.

— Да у кого? — не выдержал Сергей.

— Да у мужика того... Зашел я в Повенец в магазин, стою у витрины, изучаю, что там и почем. Вдруг ко мне подходит высокий такой мужик в черном пальто, в черной шляпе, сует мне этот чемоданчик в руки и говорит: "Бо-ец, поддержи, я сейчас вернусь". И — опрOMETRYю из магазина! Я ждал-ждал... Почти час там протоптался. А черный этот как сквозь землю провалился. Вышел я на улицу, оглянулся — нет мужика. Пошел в сквер, сел на лавку. Дай, думаю, гляну, что он мне оставил. Замок был не заперт. Я открыл и чуть с лавки не кувырнулся. Отродясь такой кучи денег не видел.

— Сколько там? — поинтересовался Семеряков.

— Я не считал, — Мишка пожал плечами, — но, думаю, тыщ тридцать будет.

— Послушайте, Мишель, — насмешливо проговорил Левка, — вы отлили нам солидную пулю. Но пуля эта из дерьма и дурно пахнет.

— Ты что, думаешь, я чемоданчик украл? — взвился Старыгин.

— Я ничего за это не сказал. Но бросьте ваших глупостей за черного Ротшильда.

— А я верю, — заявил вдруг Семеряков, — в жизни и не такое бывает. У нас один дед в старых развалинах кирпичи для фундамента под сарай собирал, а нашел кубышку с царскими золотыми. — И обращаясь к Старыгину, Сергей спросил: — Ну и куда ты их теперь?

Мишка пожал плечами и неуверенно предложил:

— Может, поделим.

Все молчали.

— А что? — продолжал Старыгин. — Когда еще так в жизни подфартит? И ведь ни одна душа про них не знает...

— Кроме Шевякова, — резко прервал Мишкины уговоры Ковалев.

Старыгин побледнел, но не смешался и спросил:

— А ему откуда знать?

— Да он тебе сам их и выдал, чтобы нас на шивость проверить. Пока ты тут по его легенде заливал, я к ротному зашел — он тебя ни в какой Повенец не посылал.

— У-у, Мишель, так вы еще и провокатор! — удивился Вольфсон. — У нас на Молдаванке за это бьют лицо.

— А вот этого не надо, — предостерег Ковалев, — не тронь дерьмо — оно и не воняет.

Мишка бросил чемодан на пол и взмолился:

— Парни, простите. Он меня к стенке припер. В лагерь, говорит, отправлю, родителей сошлю. Ну куда деваться?

Все подавленно молчали. Первым нарушил тишину Семеряков. Ни к кому не обращаясь, он произнес:

— Хреновато получается.

Ковалев сказал:

— В следующий раз сразу говори, от кого пришел, и тогда заливай сколько хочешь, а если не хочешь, можешь пар сэкономить. И стучать будешь по нашим нотам.

Мишка кивнул.

— Кого Шевяков еще завербовал? — спросил я.

— Не знаю, — опустил голову Старыгин, — кого он к себе таскал, вы сами знаете, а кого дожал, не могу сказать. Он ведь нас по одному вызывал. На цыгана сильно кричал. Что именно — из-за двери не слышно было. Дверь дерматином с ватой обита. Но орал — не приведи Бог!

— Ну на цыгана в этом смысле где сядешь, там и слезешь, — заверил я.

— Похоже, что так, — согласился Старыгин. — Он, когда от Шевякова выходил, уже дверь открыл, обернулся и говорит: я, мол, вашей стряпни не боюсь, в лагере тоже люди живут.

Мы с Ковалевым переглянулись, и он удрученно покачал головой, но тут же спросил Мишку:

— А как ты это мог видеть, вы же четверо от Шевякова раньше Петра пришли?

— Капитан тогда выскочил вслед за цыганом и запер его в соседнем кабинете. Потом занялся нами.

Опять воцарилось тяжелое молчание.

— Ладно, — наконец сказал Ковалев, — забирай свои сребреники, тащи обратно.

— Оперу скажи, — добавил Вольфсон, — мол, маловато отслужил. Даже сподличать с размахом слабо, дешевый фразер.

Мишка присел на корточки и принялся собирать рассыпавшиеся пачки разноцветных купюр.

(Продолжение следует)

Любителям военно-исторической и приключенческой литературы знакомы увлекательные и, главное, познавательные книги Вольдемара Бальязина, созданные на материале богатой отечественной истории. "Охотник за тронами", "Дорогой богов", "Штурм Кенигсберга", "Фельдмаршал Барклай", "Михаил Кутузов" — эти и другие произведения посвящены ратной истории Отечества, мужеству его защитников. Писатель, несомненно, — патриот. Однако любовь его к родной земле, как видно из всех произведений, лишена какой-либо крикливости. "Я люблю свою Отчизну, — вслед Чаадаеву мог бы повторить романист и историк, — как Петр Великий научил меня любить ее. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который умудряется все видеть в розовом свете и носиться со своими иллюзиями..." Видение Бальязиным нашего непростого прошлого, настоящего и в какой-то степени будущего очень интересно. С членом Союза писателей России, кандидатом исторических наук Вольдемаром Николаевичем БАЛЯЗИНЫМ беседует журналист ДМИТРИЙ КОРОЛЕВ.

Вольдемар БАЛЯЗИН:

"ВОЕННЫМ ЛЮДЯМ Я ХОЧУ ПОЖЕЛАТЬ МИРА"

— Уже сорок лет не отпускает меня армейская тема. Поначалу в силу обстоятельств, а потом воистину по велению ума и сердца. Мой творческий путь как историка и писателя начинался в Калининграде, где в 11-й гвардейской армии служил мой отец — участник штурма Кенигсберга. Две великие ипостаси обуславливали тогда жизнеспособность прозаиков, поэтов, живописцев, волею судеб оказавшихся в новой советской области, — море и война. От жрецов искусства требовалось истовое служение кому-либо из двух богов — Нептуну или Марсу.

В самом первом сборнике Калининградского книжного издательства "Под знаменем Родины", в 1958 году была опубликована моя военно-историческая статья "Битва при Гросс-Егерсдорфе", — в январе того года исполнялось 200 лет со дня победоносного сражения, происходившего на территории нынешней Калининградской области. О конъюнктуре, откровенно замечу, и речи не вели — было здоровое желание знать свою историю.

Потом я выпустил свыше двух десятков книг, и все они тесно связаны с

военно-исторической проблематикой. Многие страницы подробно рассказывают о делах и помыслах людей в военной форме. Я глубоко убежден, что ратная история — это наиважнейшая (еще раз подчеркну — **н а а и в а ж н е й ш а я**) часть истории нашего Отечества. Не замечать и даже преуменьшать ее значение, как вольно или невольно делают некоторые мои коллеги, по меньшей мере антиисторично. История России — это в значительной степени история ее армии. Причем я имею в виду не только войны...

— Достаточно вспомнить **восстание стрельцов, декабристское движение, Октябрьскую революцию 1917 года, гражданскую войну, события времен "перестройки"**, и вряд ли кто возразит вам, Вольдемар Николаевич. А в чем вы видите столь специфичный военный окрас нашей истории?

— Еще Чаадаев, личность которого очень интересует меня в последнее время, отметил своеобразие развития России по сравнению как с Востоком, так и с Западом. Среди множества отличительных черт России наиважнейшей Чаадаев считал "географический

факт». Он считал его господствующим над нашим многовековым историческим движением, в значительной степени определяющим и нашу философию. Чаадаев полагал, что огромная страна, касающаяся одной стороной Германии, а с другой — Китая, не может не испытывать сильнейшего давления двух миров — Запада и Востока. Вместе с тем он был убежден в том, что Россия не просто слепо копирует отдельные элементы различных цивилизаций, но энергично перерабатывает их, оставаясь в основе самостоятельным, ни на кого другого непохожим государством и обществом, имеющим свой собственный образ, тип и характер и, соответственно, свой собственный путь развития.

Более того, этим промежуточным между Востоком и Западом положением России предопределена и особая историческая миссия — соединить Европу и Азию, указать единый, общий путь человечества в будущее. Отметим здесь, что интерес к проблеме самого Чаадаева не случаен — ведь в его древнем роду смешалась кровь сына Чингисхана Чагатая и князей Щербатовых, потомков князя Рюрика.

Одной из важнейших отличительных черт русского варианта исторического развития Чаадаев считал, кроме географического фактора, и конфессиональную обособленность, при которой Русь православная противостояла католическому миру. Кроме того, он обращал внимание и на особые взаимоотношения общества и государства. На Западе главная роль принадлежит обществу, а подчиненная — государству, армии как главнейшему его институту. В России же дело всегда обстояло совсем наоборот. Что же касается сродства с Востоком, то прежде всего это — передача власти права распоряжения землей и деспотические черты государственного устройства, при котором армия (какой конкретно строй — особого значения не имеет) всегда играет в обществе первостепенную, особо заметную роль.

Специфическими чертами русского характера, вытекающими отсюда, Чаадаев считал «пристрастие к самоотверженности и самоотречению», а также бесконечную терпеливость и незлобивость народа. Хорошо это или плохо? Однозначно ответить на этот вопрос, согласитесь, нельзя: одно дело — военное время, другое — мирное. И все же самым важным для Чаадаева, подчеркну еще раз, оставался «факт географический». «Вся наша история, — писал он, — продукт природы того не-

объятного края, который достался нам в удел. Это она рассеяла нас во всех направлениях и разбросала в пространстве с первых же дней нашего существования...» А край и воистину был необъятным.

— Конечно же, этот «необъятный край», не просто «достался нам в удел». Его территория складывалась на протяжении тысячи лет и оказалась под скипетром единой великой державы в результате огромного труда, многочисленных кровопролитнейших войн, ни с чем не сравнимого упорства, передаваемой из поколения в поколение исторической традиции — укреплять и расширять Государство, не поступаясь ни пядью земли, оказавшейся во владении державы...

— Неудержимое движение Руси во все стороны, остановленное монголо-татарским нашествием, возобновилось в конце XV столетия и продолжалось еще пять веков. К концу XVII века Москва воссоединила все русские земли и далеко шагнула на восток и юг.

— Без сильной армии этого достичь бы не удалось...

— И Петр Великий, решивший прорубить окно не только в Европу, очень хорошо это понимал: успешные реформы, предпринятые им, среди главнейших имели целью создание современной боеспособной армии. К концу царствования Петра Первого в России было создано около 200 мануфактур, и на большинстве из них размещались заказы армии и флота: отливались пушечные стволы и ядра, изготавливались превосходное огнестрельное и холодное оружие, выделялись сукна и кожи для обмундирования солдат и офицеров, производились парусина, канаты для флота. Та же тенденция наблюдалась и в развитии образования — прежде всего на свет появились сухопутные и морские военно-учебные заведения, и лишь полвека спустя было открыто первое гражданское — Московский университет.

Грандиозные геополитические успехи были достигнуты Россией и во второй половине XVIII века — в царствование Екатерины Второй, вошедшей в русскую историю под именем Екатерины Великой. За все время существования России только два ее монарха — Петр Первый и Екатерина Вторая — удостоивались такого величия. И это справедливо, ибо результаты их деятельности представлялись равнозначными и современникам, и их потомкам. Сравнивая «век Петра», и «век Екатерины», нельзя не заметить прежде всего необычайного расширения

территории государства. Недолгое четырехлетнее царствование Павла I от начала и до конца ознаменовалось войнами, которые велись на территории Италии, Швейцарии, Голландии, Германии, а боевые операции русского флота проходили в Средиземном, Балтийском и Северном морях. Нетрадиционные для России театры военных действий, непопулярные мотивы участия в кампаниях, где на первом месте стояло соперничество крупных европейских держав — Англии, Франции и Австрии, а вовсе не собственные российские интересы, привели к резкому падению престижа Павла, сумевшего к тому же озлобить против себя сотни сановников, офицеров и генералов, недовольных самодурством и произволом императора.

И уж совсем непонятной представлялась фантасмагорическая коллизия, когда в центре русской внешней политики оказался маленький средиземноморский остров Мальта, принадлежавший рыцарскому ордену иоаннитов и ставший яблоком раздора между Англией и Францией, из-за которого Россия ввязалась в борьбу между этими державами сначала на стороне Англии, а затем — на стороне Франции. То обстоятельство, что мальтийские рыцари-католики провозгласили Павла своим Великим магистром и доверили, таким образом, судьбу ордена российскому императору, делало ситуацию еще более странной и двусмысленной. Если бы речь шла о войне с извечными противниками России — поляками, пруссаками, шведами, турками, персиянами и прочими "порубежными супостатами", с которыми сражения шли практически непрерывно, причем сотни лет, — то такое положение вещей россияне бы поняли, потому что не только они сами, но и их отцы и матери и даже прадеды и прабабки со дня своего рождения и до самой смерти жили в состоянии вечного противостояния России с "латынянами и бусурманами", кои испокон веку покушались на "Православную и Миротворную Матушку Русь", не давая ей покоя ни на Амуре, ни на Кавказе, ни на Висле, ни в Финляндии, а вот о какой-то там Мальте никому из них и слышать не приходилось, и потому трудно было убедить русского человека, что их православный государь должен где-то за тридцатыми морями ратоборствовать за иерусалимских рыцарей, чьим господином всегда был Папа Римский.

И уж совсем невероятной показалась россиянам весть о том, что по секретному приказу Павла пошли сре-

ди зимы с Дона на Индию казаки атамана Матвея Платова. Двинулись донцы в январе 1801 года в неизведанные дали без карт, по бездорожью, через гиблые безлюдные места, сквозь морозы и метели. И неизвестно, чем бы кончилась вся эта затея, если бы 11 марта 1801 года дворцовыми заговорщиками — офицерами и генералами — не был бы убит инициатор этого безумного похода император Павел. Россия, стоявшая на краю большой кровопролитной и, главное, абсолютно бессмысленной войны с Англией, была возвращена к долгожданному миру.

В результате неожиданной "коронной перемены", на российском троне появился новый государь, 23-летний император Александр I. В первые же часы своего царствования он послал вслед казакам Платова фельдъегерей с приказом немедленно возвратиться на Дон и почти сразу же приступил к подготовке мирных переговоров со всеми воюющими с Россией странами. Новый монарх, казалось, наконец-то сошел с многовекового пути военных конфликтов, твердо встав на путь мира и добрососедства...

— ... в чем его, насколько я знаю, активно поддержали ближайшие друзья, соратники и единомышленники?

— Да, здесь тоже немало интересного. Молодые друзья нового императора П. Строганов, В. Кочубей, князь А. Чарторыйский и Н. Новосильцев составили так называемый "Негласный комитет", который действовал с июня 1801 до конца 1803 года. Здесь обсуждались проблемы реорганизации Сената, армии, крестьянский вопрос, другие животрепещущие темы. В центре внимания Александра и его энергичных молодых друзей постоянно находились и проблемы внешней политики, признанным знатоком и авторитетом в которой справедливо считался Виктор Павлович Кочубей. Именно на одной из его инициатив мне бы хотелось заострить ваше внимание: представляется необходимым познакомить читателя с фактом, когда традиционный русский путь вдруг сделал неожиданный зигзаг, к сожалению, оказавшийся весьма недолговечным и, кажется, не имевший серьезных последствий. Однако в нынешних, "переломных", для России обстоятельствах факт этот, безусловно, является в высшей степени интересным, поучительным и, возможно, содержащим в себе единственно приемлемый вариант для дальнейшего пути России в мирное и процветающее будущее.

Виктор Павлович Кочубей был потомком знаменитого сподвижника Петра Первого В. Л. Кочубея, а по женской линии доводился племянником князю А. А. Безбородко, канцлеру (министру иностранных дел) Российской империи. Он еще в юности отправился за границу, готовясь к дипломатической карьере. Учился в Швеции, Англии, Швейцарии, Франции.

Весной 1792 года А. А. Безбородко предложил Кочубею выехать в Петербург для того, чтобы затем занять пост русского посла в Турции. Тем же летом Кочубей оказался в Царском Селе и там познакомился с Екатериной Второй и ее внуком, пятнадцатилетним Великим князем Александром. Будущий император проникся симпатией к своему новому другу. Шесть лет пробыл Кочубей в Константинополе, затем вновь уехал в Европу и вернулся в Россию после убийства Павла, когда Александр уже стал императором. Войдя в «Негласный комитет», Кочубей зарекомендовал себя человеком осмотрительным, осторожным, умным и дальновидным. «Негласный комитет» начал свои заседания, когда уже были восстановлены дипломатические отношения с Австрией и Испанией, подписана конвенция о дружбе с Англией, заключен мир с Францией. В русле этих миротворческих акций 5 июля 1801 года, в первые дни существования и деятельности «Негласного комитета», Александром была подписана инструкция, разосланная главам наиболее важных российских дипломатических миссий в Европе. В этой инструкции провозглашались принципы внешней политики, которую был намерен проводить Александр. «Великая держава, — писал император, — если она руководствуется справедливостью, может действовать открыто и предоставить хитрость, которой прикрывается слабость, тем, кто не может рассчитывать на свои собственные силы... Будучи далек как в силу моих убеждений, так и в силу моих природных склонностей от каких бы то ни было завоевательских планов и проектов территориальных приобретений и убежденный в том, что такое стремление должно быть чуждо монарху великой империи, одаренной величайшими благами, содержащей в своих недрах все источники общественного процветания природы со всеми элементами силы и могущества, если я и применю оружие, то только для того, чтобы отразить несправедливую агрессию, защитить мои народы или жертвы честолюбия, угрожающего безопасности Европы. Я никогда не

буду принимать никакого участия в раздорах, потрясающих другие государства, и какова бы ни была форма правления, которую по общему желанию устанавливают себе нации, они могут сохранять добрые отношения с моей империей, если только они руководствуются по отношению к ней подобным же духом справедливости».

Для проведения новой политики нужны были новые люди. Александр отправил в отставку канцлера графа Панина, назначив на эту должность 30 сентября 1801 года В. П. Кочубея, который проявил себя дальновидным дипломатом.

В памятной записке Кочубея молодому императору читаем: «Россия достаточно велика и могущественна пространством, населением и положением, она безопасна со всех сторон — лишь бы сама оставляла других в покое. Она слишком часто и без малейшего повода вмешивалась в дела, прямо ее не касавшиеся. Никакое событие не могло произойти в Европе без того, чтобы она не предъявляла притязания на свое участие в нем. Она вела войны бесполезные, дорого ей стоившие. Благодаря счастливому своему положению император может пребывать в дружбе с целым миром и заняться исключительно внутренними преобразованиями, не опасаясь, что кто-либо дерзнет потревожить его среди этих благородных и спасательных трудов. Внутри самой себя предстоит совершить России громадные завоевания, установив порядок, бережливость, справедливость во всех концах обширной империи, содействуя процветанию земледелия, торговли и промышленности. Какое дело многочисленному населению России до дел Европы и до войн, из них проистекающих? Она не извлекла из них ни малейшей пользы, русские гибли в этих войнах; с отчаянием поставляли они все более рекрутов и платили все больше налогов. Между тем действительное их благосостояние требовало продолжительного мира и постоянной попечительности мудрой и миролюбивой администрации».

Казалось бы, искреннее взаимопонимание императора и главы его внешнеполитического ведомства было хорошей гарантией того, что высказанные ими мысли будут претворены в жизнь. Однако реальность оказалась совершенно иной, и уже через год Кочубей был назначен министром внутренних дел, а на его месте оказался А. Р. Воронцов — дипломат, четко ориентированный на союз с Англией и, конечно

же совершенно не восприимчивый к идее нейтралитета и изоляционизма. Так и скончалась эта прекрасная идея во младенчестве, не успев ни окрепнуть, ни вырасти.

— **Дальнейший ход событий в России, как известно, привел к краху империи, но целостность ее территории претерпела, в общем-то, незначительные изменения.**

— Зато идея о мировом господстве православия была заменена концепцией победы мировой коммунистической революции во главе с Советской Россией. Все дальнейшее нам хорошо известно. Распад Советского Союза привел к коренному изменению положения в мире. Россия больше не думает о мировом господстве. Она находится сегодня на судьбоносном историческом перепутье. Теперь наступил тот момент истины, когда, по словам все того же П. Я. Чаадаева, "приходится решить, может ли народ, раз осознавший, что он в течение века шел по ложному пути, в один прекрасный день простым актом сознательной воли вернуться по пройденному следу, порвать с ходом своего развития, начать его сызнова, воссоединить порванную нить своей жизни на том самом месте, где она некогда, не очень-то ясно каким образом, оборвалась". Лично я твердо убежден в том, что Россия все еще богата, велика и могущественна, а ее народ, как и сто, и двести лет назад, по-прежнему беден, почти так же обездолен и все еще лишен самого необходимого. Кроме того, Россия сегодня не имеет ни одного союзника и не может практически проводить никакой другой политики, кроме политики нейтралитета, мира и разумного изоляционизма, направляя все свои силы на решение многочисленных и очень трудных внутренних проблем. Вот почему я и вспомнил сегодня российского государственника Кочубея.

— **Такими вам видятся национальные интересы России. Если я вас правильно понял, они заканчиваются там, где начинаются пределы другого государства?**

— По-моему, это именно так. Но многие годы у нас рассуждали по-другому. После заката Российской империи, наследником которой стал Советский Союз, в сфере государственных интересов оказались вся Восточная Европа, Куба, Вьетнам, Афганистан. И даже Эфиопия, Ангола, Перу! Я не склонен думать, что после окончания второй мировой войны страны народной демократии стали таковыми лишь "на штыках Советской Армии", — это явный перебор: антифашистские, ан-

тиимпериалистические силы в государствах Восточной Европы были тогда очень мощными. Однако, как говорится, из песни слова не выкинуть: сталинский режим сделал все, чтобы к власти здесь пришли лояльные, зависимые от СССР политические деятели. Для этого не жалели ничего: ни денег, ни продовольствия, ни природных ископаемых — даже в ущерб себе, своим подлинным национальным интересам. А ввод наших войск в Афганистан подорвал авторитет СССР во всем мире. От нас отвернулись буквально все: прежде дружественные партии, государства, крупные деятели культуры. Под конец жизни, говорят, Брежнев понял это. Однако ввести войска оказалось куда как проще, чем вывести их оттуда.

— **А не повторяем ли мы, Вольдемар Николаевич, былых своих ошибок, направляя российские войска в горячие точки бывшего Союза? Не получится ли так, что Таджикистан — да только ли он? — станет для нас вторым Афганистаном?**

— Вопрос этот очень сложный и деликатный. На него, мне кажется, сегодня никто однозначно не ответит. И Таджикистан, и Закавказье, и другие регионы, входившие некогда в состав СССР, теперь суверенные, независимые государства. Как будто следует вывод: решайте свои внутренние проблемы самостоятельно. Но ведь за пределами России остались многие миллионы русских людей, которые не мыслят себя вне Отечества, вне России.

Сегодня я не могу со всей категоричностью заявить: российским военным нечего делать вне пределов России. Однако их пребывание, тем более боевые действия должны основываться на твердой правовой основе и прежде всего на межправительственных соглашениях, которые полностью отвечают требованиям международного права. В таком случае у наших солдат и офицеров в горячих точках будут не только обязанности, но определенные права — политические, моральные, материальные. А у местных властей будут по отношению к российским военным такие обязательства, которые они просто не посмеют не выполнить. Но, безусловно, главное — приложить максимум усилий, чтобы кровь российских парней не лилась напрасно.

А вообще-то, при всем моем огромном уважении и искренней любви к солдату, я хочу пожелать военным людям и всем нам мира. Не надо больше ни Афганов, ни Вильнюсов. В мире и согласии надо обустривать Россию.

Роман ЗЛОТНИКОВ

КРЫЛЬШКИ БОЖЬЕЙ КОРОВКИ

Фантастический детектив*

1.

Ивана разбудило неясное ощущение тревоги. Оно шло откуда-то издалека и потому было расплывчато, непонятно. Часы показывали начало четвертого. Волк был где-то рядом, Иван почувствовал это и успокоился.

Он успел заварить крепкого душистого чаю со зверобоем, когда к крыльцу подъехал почтовый электромобиль. Женщина-почтальон поднялась по ступеням, протянула ему белую пластиковую карточку:

— Вам молния, международная.

Иван взял телеграмму, а женщина повернулась к машине и... взвизгнув, рванула к открытой двери в комнату. Она увидела, что у нижней ступеньки крыльца сидел огромный серый зверь.

— Не бойтесь. — Иван одобряюще улыбнулся почтальонше. — Он вам ничего не сделает.

— Ну и собачка! Прямо как волк.

— Это и есть волк.

— Что-о-о? — Женщина округлила глаза. — Ручной?

— Не совсем, но вас действительно он не тронет.

Волк сидел как изваяние, не шевелясь. Женщина, осторожно спустившись с лестницы, бочком двинулась к электромобилю, с трудом преодолевая жгучее желание перейти на бег. Машина, как испуганная газель, рванулась с места...

Только тогда волк очнулся от каменной неподвижности, легко взбежал по

ступенькам, занял место на коврике у камина, где стояла миска с мясом. А Иван, колдуя над составлением новой заварки, понял причину ночного волнения: Сноурт.

Всю информацию он получал либо на адрес фирмы, либо, если дело было строго конфиденциальное, электронной почтой. Телеграмму-молнию на домашний адрес мог прислать только Сноурт.

Иван вынул из кармана телеграмму и пробежал глазами текст: "Мистер Воробьев! Мистер Сноурт после автокатастрофы находится в больнице в чрезвычайном тяжелом состоянии. Согласно ранее отданному на этот случай распоряжениям передаю Вам составленный им текст:

"Волк! У меня серьезные проблемы! Срочно приезжай. "Собор" оставляю на тебя. Будь осторожен! Фил."

Секретарь Сноурта Памела Тарлтон была отправителем телеграммы.

Уже выпала роса. Пока шел к гаражу, изрядно промочил ноги. Волк сначала метнулся в лес, но когда Иван подъехал к воротам, серой молнией влетел в открытое окно машины на заднее сиденье. От него потянуло запахами клевера, смородины и мокрой шерсти.

"Моллер" грузно выехал за ворота и помчался по прямой, как стрела, дороге, потом, набрав нужную скорость, оторвался от асфальта и начал набор высоты. Иван включил автопилот, покосился через плечо. Волк, растянувшись на всю ширину сиденья, сладко подремывал, но, почувствовав взгляд

Майор Роман ЗЛОТНИКОВ — постоянный автор нашего журнала. Публиковал здесь рассказы, статьи. За "крупномасштабное" произведение взялся впервые, и попытка эта, нам кажется, Роману удалась. Повесть Р. Злотникова мы и предлагаем на ваш суд.

* Журнальный вариант

хозяина, открыл глаза. Иван снял телефонную трубку, набрал номер Риги, тут же услышал сонный голос Нилса:

— Слушаю.

— Нилс, это я.

В трубке немного помолчали.

— Что-нибудь случилось?

— Бери себе зерновые контракты.

— Не понял...

— Я уезжаю. И передаю хозяйство в хорошие руки.

— Да, но... — Нилс окончательно проснулся, однако поверить в такую удачу пока не мог.

— Воспользуйся сетью моих агентов. Я уже послал факсы брокерам.

— Сколько? — В голосе Нилса зазвучал металл истого бизнесмена. Иван поморщился.

— О цене поговорим, когда вернусь.

— Ты вышибаешь у меня почву из-под ног своим благородством. — В голосе Нилса зазвучала радость. — Надолго едешь?

— Не знаю. Полгода, год. Как получится.

— Понятно. Опять твой "Собор", SOS прислал? Прошлый раз, помнится, ты пропал на полтора года в Иордании, куда теперь?

Иван коротко вздохнул, вспомнив телеграмму.

— В Штаты.

— Ну-ну, счастливого пути. — Нилс помолчал. — Уму непостижимо! Бросить такие контракты! Это же золотое дно! Чудик ты все-таки. Со зверем едешь?

— А как же. Он на заднем сиденье дрыхнет.

— Привет передавай. — Нилс вздохнул. — Взять, черт побери, да и вступить в ваш "Собор", а? Только вот машину менять придется.

— Зачем?

— А я тотемом медведя возьму, как он в "Волгу", залезет? Ладно, бывай!

— Бывай!

На горизонте показались купола Новгородского аэропорта.

Иван опустился у переходного мостика, зарулил на платную стоянку, вылез из машины и пошел на площадку, где стоял его "Гольфстрим-СУ". Пилот был уже там, в безукоризненном комбинезоне с эмблемой компании.

Когда таможенник проставил все отметки в паспорте, Иван увидел мчащегося на подножке аэродромного электротранспортера Костика. Сокол на его плече помахивал крыльями, удерживая равновесие. Костик прыгнул на ходу и побежал к самолету. Сокол полетел над ним.

— Привет, шеф!

— Где это видано, чтобы босс ждал своего секретаря? Опять дома не ночевал?

Костик взерошил волосы.

— Виноват! Молодой! Исправлюсь! А зачем я вам понадобился, а?

Шеф-пилот неодобрительно покосился на Костика и вздохнул. И почему это у солидного бизнесмена, каким он знал Ивана, такой шалопайистый секретарь?

— У тебя в Нью-Йорке, помнится, были кое-какие знакомцы? — спросил Иван.

— И знакомки, — улыбнулся Костик.

— Вот и хорошо. Походишь, послушаешь, поспрашиваешь. А о чем — я тебе позже растолкую, когда сам узнаю чуть больше, чем знаю сейчас.

— А пока я, пожалуй, последую примеру наших ребят, — улыбнулся Костик и кивнул в угол салона.

Иван проследил за его взглядом и тоже не сдержал улыбки. Зрелище действительно было забавное и в дикой природе невиданное. Сокол уткнул клюв в бок волку и безмятежно дрыхнул. А волк, свернувшись калачиком, заботливо укрыл птицу хвостом.

— Вот истинный пример заботы о подчиненных, — съехидничал Костик и, утопив кнопку на подлокотнике, принял горизонтальное положение.

— До Нью-Йорка еще час, подремлю.

2.

В Лос-Анджелес Иван прилетел на самолете местной авиакомпании только на третий день. Перед отлетом из Нью-Йорка он дал телеграмму секретарю Сноурта, и когда они с волком, вынесшим весь полет в наморднике и ошейнике, подошли к автостоянке, дверца шикарного лимузина открылась, и перед ними возникло что-то очень близкое к "Мисс Вселенная".

— Мистер Воробьев?

Иван озадаченно уставился на явившееся перед ним чудо.

— Я Памела Тарлтон, секретарь мистера Сноурта. — Она, как видно, привыкла к такой реакции мужчин на свое появление, поэтому невозмутимо указала на автомобиль: — Прошу.

Иван хмыкнул, снял с волка ошейник и, подождав, пока зверюга заберется на заднее сиденье, скользнул в машину. Сказать по правде, такого он от Фила не ожидал. Тот всегда на женщин не обращал внимания, а красивых даже побаивался. Единственной женщиной, которая жила в его сердце, была Эльха...

— Я привезла все, что вы просили, — прервала молчание Памела.

— Да? Спасибо. Где это?

Памела откинулась назад, при этом кофточка натянулась, рельефно обрисовав великоленную грудь, и выудила с заднего сиденья портативную видео-

камеру. Иван привычно проверил камеру и повернулся к Памеле:

— Вы везете меня в офис?

— Да, конечно. Мистер Сноурт пока не пришел в себя, и я думаю, будет разумнее заняться делами. Впрочем, если вы хотите...

Иван покачал головой:

— Нет, нет, вы правы, займемся делами. Мне необходимо осмотреть кое-какие железки. Вы не знаете, где находится свалка, на которую отбуксировали машины? Кстати, какая марка сбила вашего шефа?

— Грузовой "форд", серый. А ехать нам миль десять.

На территорию свалки их пропустили не сразу. Сторож с кем-то долго разговаривал по телефону, потом развернул в их сторону телекамеру и опять начал что-то объяснять в трубку. В конце концов Ивану это надоело, он вышел из машины и подошел к воротам. За ними бесновались два здоровенных ротвейлера. Иван тихо свистнул. Волк возник у правого крыла машины, и тотчас ротвейлеры захлебнулись собственным лаем, а затем с тонким визгом рванули по дороге прочь от ворот. Сторож вылетел из будки с кольтем в руке, но, наткнувшись на взгляд Ивана, остановился.

— Не стоит нервничать. — Иван вошел через узкую калитку, выдернул револьвер из окаменевших пальцев сторожа, снял ключи с ремешка, пристегнутого к его поясу, открыл ворота и повесил ключи на место.

— Закроешь за нами, — сказал он все еще ошарашенному охраннику, когда Памела тронула машину.

Они ехали вдоль площадок, заваленных металлоломом. Где-то впереди грохотали прессы.

— Не бойтесь, что вас привлекут к суду за незаконное проникновение в частное владение?

Иван хмыкнул:

— Когда на обыкновенной свалке при моем появлении начинают принимать меры предосторожности, будто это ракетная база, то в суд никто не обратится. Остается выяснить, чем я их насторожил.

— А если не выясните?

— "Если", — не для меня. Выясню. Ну-ка тормозите. — Он выпрыгнул из остановившейся машины и быстрым шагом пошел к площадке, со всех сторон заваленной металлоломом, которым автокран нагружал транспортер. Два здоровенных мужика, прервав работу, угрюмо смотрели на его приближение.

— Хелло, парни! А почему вы грузите с середины площадки? С краю удобней.

Мужики переглянулись.

— Послушайте, мистер Неожидан-

ность, а почему вы задаете нам вопросы? У вас есть на это право?

— Нет, я просто любопытен. Я ищу среди новых поступлений остатки грузового "форда", точно такого же цвета, какой вы сейчас грузите. Я хочу все-навсего осмотреть кабину и кое-что заснять на пленку.

Кабина машины была достаточно искорежена, но номер различался хорошо. Иван осмотрел приборную доску. У самой рулевой колонки металл не просто смялся, а оплавился, как будто в этом месте что-то горело.

— Видимо, та самая кабина, — повернулся он к Памеле. — Сверю номер в полиции.

— Что-нибудь необычное?

— Кое-что есть.

Когда они уже подошли к своей машине, из-за поворота показался белый "понтиак".

— Памела, вы умеете обращаться с камерой?

— Да, конечно.

— Заснимите наш разговор.

— С кем?

— Я думаю, это управляющий.

Из "понтиака" вышел мужчина средних лет в кремовом пиджаке и белых брюках, приветливо улыбнулся:

— Мистер Воробьев? Мне только что сообщили, что вы меня ищете. Чем могу быть полезен?

"Врешь, — подумал Иван, — сообщили сразу, а сейчас ты примчался, потому что, несмотря на твое строжайшее "не пущать", мы все же здесь".

— Несколькое вопросов, мистер Э...

— Мистер Скотт.

— Так вот, мистер Скотт, вы не могли бы сказать, почему из горы металла сейчас вытаскивают и грузят именно этот "форд"?

Скотт пожал плечами:

— Это вызвано технологическими причинами.

Иван молча и сосредоточенно смотрел на Скотта. Так продолжалось более минуты, после чего Скотт дрожащими руками вытаскил из кармана платок и вытер взмокшее лицо.

— Мне обещали шестикратную цену, если я к сегодняшнему вечеру переработаю металл на этой площадке.

— Речь шла обо всей площадке?

— Да...

Тут, видимо, нервы управляющего не выдержали, и он истерично закричал:

— И вообще я не вижу ничего плохого, если люди имеют деньги и тратят их как им заблагорассудится — например, покупают металлолом. Его у меня купили, понятно?

— Кто?

— Этого я вам не скажу. Не знаю. Честное слово, не знаю.

3.

В офисе Сноурта царило полное за-пустение. Иван провел рукой по столу, покрытому тонким слоем пыли и, по-дойдя к компьютеру, попытался вы-звать банк.

— Линия отключена за неуплату.

Иван присвистнул.

— Так плохо?

Памела кивнула.

— Кстати, я еще не получала плату за две недели.

— Подготовьте все неоплаченные сче-та, список первоочередных дел и... вытрите везде пыль. — Иван отряхнул руки и вышел на улицу.

Он зашел в ближайшую закусочную и, попросив телефонную книгу, нашел номер управляющего банка, обслужи-вающего фирму Фила. Когда в трубке отозвался энергичный мужской голос, Иван вставил кредитную карточку в прорезь телефона.

— Я прошу снять сумму и перевести ее на счет 367 82 411 "Собора Фила Сноурта".

— Принято. — Голос в трубке звучал несколько раздраженно.

У управляющего стоял определитель, позволяющий моментально устанавли-вать не только номер, но и координаты звонящего, и он, видимо, был не-сколько раздражен звонком из заку-сочной.

— Готово, мистер ммм... Воробьев. Очень рад видеть вас клиентом нашего банка. — На этот раз его голосом мож-но было заправлять пышки вместо ме-да. Шестизначная цифра в графе "при-ход", резко изменила взгляды управ-ляющего на внезапные звонки из заку-сочных.

Когда Иван вернулся, офис принял достаточно приличный вид. Памела си-дела за столиком. Возле нее увивался полицейский, изо всех сил стараясь сорвать улыбку с ее прелестных губок. Увидев Ивана, Памела поднялась и протянула папку.

— Счета, мистер Воробьев, — и, кив-нув на полицейского, добавила: — Ми-стер полицейский зашел передать, что капитан О'Рейли, начальник участка, хочет поговорить с вами по делу мис-тера Сноурта.

— Хорошо, передайте капитану, я не-медленно подъеду... Памела, я пере-вел деньги на счет "Собора". Оплатите все счета и закажите мне "моллер", — привык к этой марке машины.

Иван вынул кассету из видеокамеры и упаковал в пакет.

— Если позволите, я пока воспользу-юсь вашей машиной.

Памела пожала плечами:

— Пожалуйста.

Когда за Иваном закрылась дверь, она нахмурилась. Вот ведь как: не ус-пели зайти в офис, и симпатичный молодой человек превратился в стро-гого чинного босса. Она взяла папку со счетами, показала язык закрытой двери и села за компьютер.

4.

Патрик О'Рейли гордился магией сво-его взгляда. Проститутки, сутенеры, карманники, мелкие торговцы нарко-тиками, попадавшие в его участок, бледнели, их лбы покрывались крупны-ми каплями пота, а руки начинали мел-ко дрожать, когда Патрик внезапно впивался в их лица своими большими черными зрачками. Среди коллег бы-товало мнение, что взгляд Инквизитора — так они называли Патрика за глибо-кую, как у большинства ирландцев, набожность — эффективней перекрест-ного допроса под лампой.

У О'Рейли был дом, уже более полу-тора столетий хранящий в себе исто-вый ирландский дух семьи, и четверо сыновей, двое из которых пошли по стопам отца: старший стал федераль-ным агентом, а второй, самый млад-ший, в этом году заканчивал полицей-скую академию.

Когда О'Рейли узнал, что дела Сно-урта, изрядно, кстати, потрепанные, принял русский, он решил сразу же по прибытии вызвать того для беседы. Хотя русские в последние годы стали мелькать в телепрограммах в достаточ-но respectableм виде, он до сих пор помнил старые кадры: длинные очереди, голодные, хмурые лица, за-снеженные дороги и ржавые автомоби-ли на них. С живым русским он еще ни разу не встречался и сразу отметил: "Этот ничего, не закомплексован, де-ржится непринужденно. Посмотрим, как он выдержит мой экзамен". После пятнадцатиминутной болтовни о всяких формальностях, состоянии дел, тяже-лой доле полицейского О'Рейли, будто ненароком, отвернулся к окну и, вы-ждав мгновение, повернулся и воткнул свой знаменитый взгляд в собеседни-ка. Сразу же почувствовал, что ничего у него не получилось. Глаза русского, за мгновение до этого смотревшие до-брожелательно и спокойно, вдруг от-вердели, сузились, и капитан, не успев ничего понять, почувствовал себя кро-ликом, смотрящим в пасть удаву.

— Вы что-то хотели спросить, мистер О'Рейли? — улынулся русский.

Капитан с трудом опустил глаза на два дюйма ниже и, уставившись на узелок галстука, слотнул сухой ком, застрявший в горле.

— Э, мистер Воробьев, я бы хотел

предупредить вас, прежде чем вы вступите в права юридического лица, что дела вашего друга, мистера Сноурта, в большом расстройстве. — О'Рейли уже совсем оправился и сделал многозначительную паузу, но, не дождав-шись реакции собеседника, продолжал: — В последнюю неделю фирме мистера Сноурта предъявлено несколько неоплаченных счетов, как мелких, например, за телефон, электричество, гараж, так и довольно крупных, общая сумма весьма значительна. — О'Рейли на мгновение замолчал, но русский великолепно держал паузу. — Так как оплата мелких счетов происходит автоматически, я делаю вывод, что на счету мистера Сноурта ничего нет.

Русский, по-видимому, принял решение не подвергать больше сильным нагрузкам нервную систему начальника участка.

— Благодарю вас, мистер О'Рейли, у мистера Сноурта прекрасная секретарша, я уже в курсе дел и оплатил все счета.

Минутой раньше подобная фраза только бы утвердила О'Рейли в его предубеждениях по отношению к русским. Он-то хорошо знал состояние дел Сноурта и гроша ломаного не дал бы за то, что тот выкарабкается, а вкладывать свои деньги в стопроцентно гиблое дело — ну не абсурд ли? Но с этим русским...

— Мистер О'Рейли. — Воробьев доверительно подался вперед. — Мне охарактеризовали вас как человека до-тошного и исключительно честного. Я был бы признателен, если бы вы подробнее рассказали мне о неприятностях мистера Сноурта.

— Неприятности? Легко сказано, мистер Воробьев. У Сноурта стали гибнуть ученики. Он держит "Собор", уже почти десять лет, за это время выпустил около двух сотен человек. И вот с прошлого лета его ребята начали гибнуть один за другим. Погибло человек семьдесят. Причем выходило, что все погибли в результате несчастных случаев или какого-нибудь трагического стечения обстоятельств.

О'Рейли откупорил банку пива, предложил собеседнику и, получив вежливый отказ, сделал большой глоток.

— Сноурт, конечно, расстроился, винил себя в плохой подготовке, а тут еще это же самое начали твердить газеты, и репутация его заведения резко поехала вниз. На этот год у него, по моему, набралось всего девять заявлений, хотя и этого много.

— Почему?

— Потому что череда смертей продолжается. И не только смертей. Четыре месяца назад погиб один из его инструкторов, Джон Гибер, хороший па-

рень. Вечером возвращался из центра, упал с платформы монорельса. Потом другой инструктор, Нейл Кеннеди, сбил мотоциклиста. Винават был последний, но у Нейла, заметьте, совсем не пьющего, анализы показали наличие алкоголя в крови и — два года тюрьмы. Еще один инструктор — Гейбл Сомерсмит — исчезла как-то утром. На столе нашли записку, что она выходит замуж, экспертиза подтвердила, что почерк ее, но ребята у Сноурта жили, можно сказать, одной семьей. Все друг о друге знали, были уверены, что ни о каком замужестве девушка и не помышляла. Тут Сноурт обратил внимание на странные вещи. Никто не видел, как она уезжала. Подруга, с которой Гейбл снимала квартиру, была очень удивлена, утверждала, что накануне та лишь жаловалась, что никак не найдет себе друга. Ее родители до сих пор не имеют никаких известий от дочери... Короче, из всех инструкторов остался один Келли Борнгенсен, да и тот, как я понимаю, собирается сматывать удочки. А для тех девяти человек, если они, конечно, не передумают заниматься в "Соборе", надо как минимум два инструктора.

— Уже есть.

— ???

— Одного вы назвали — Келли Борнгенсен.

О'Рейли понимающе покачал головой.

— Ага, значит, вы тоже из этой компании.

— Да, мистер О'Рейли, мы с Сноуртом вместе начинали... А теперь я должен сделать официальное заявление. — Воробьев достал из визитки небольшой пакет. — Здесь снимки приборной доски грузовика, сбившего машину Сноурта, на них видно — вот, на рулевой колонке и автопилоте, что сработал самоликвидатор, скорее всего магниевого типа. Машина шла без водителя, при помощи дистанционного управления. Предполагаю, что по команде она и совершила таран. А вот показания управляющего фирмы по переработке вторсырья. Чтобы вне очереди убрать остов грузовика с площадки, ему была предложена шестикратная оплата... Я считаю, что следствие по делу о дорожно-транспортном происшествии, в котором пострадал Сноурт, проведено некачественно, и оставляю вам право самому разобраться с этим делом, не впуская сюда адвоката.

Когда за русским закрылась дверь, О'Рейли подошел к бару, налил себе виски и залпом выпил.

— Кински!

Динамик, настроенный на названную фамилию, ожил.

— Слушаю, мистер О'Рейли!
 — Ну-ка, давай сюда тех, кто занимался наездом на Сноурта.
 — Хорошо, капитан.
 — И еще. — Он сделал паузу. — Узнай-ка мне все, что можно, об этом русском.

Потом он подошел к видеотелефону, набрал номер. На экране появилось крупное мужское лицо с характерным подбородком.

— Отец! Что случилось? — Младший О'Рейли был озабочен: отец редко пользовался этим видом связи.

— Выбираться-ка домой, сынок. У меня нет пары для бриджа, а намечается хорошая партия.

5.

Прошедшая неделя была сумасшедшей. Иван поместил рекламу в десятке газет, заказал тотемных животных в Североамериканском центре, провел собеседования с кандидатами на ранчо Сноурта. . . Со дня на день должны были прилететь Эльха и Конрад. Иван последний раз видел Эльху в прошлом году, когда был в Иордании, а с Конрадом они не встречались уже лет пять. Осознание того, что их Перуново братство вновь соберется вместе, наполнило его радостным предчувствием. Когда-то они вместе начинали: пять «соборников» выбрали пять тотемных животных. . .

Ранний телефонный звонок поднял его с постели.

— Мистер Сноурт?

— Нет, это не мистер Сноурт.

— О, извините, вас беспокоят из Эй-Би-Си, «Шоу Элтона Дерома». Могу я видеть мистера Сноурта?

— Увы, нет. Может, я вам смогу чем-нибудь помочь? Я его юридический преемник и старый друг.

— Не знаю. . . Я Элтон Дером, и если вы имеете отношение к «Собору». . .

— Да, имею.

— Дело в том, что я делаю программу о различных школах боевых искусств. Сноурт узнал об этом и предложил свои услуги. Программа сегодня в три.

Иван несколько мгновений размышлял. Конечно, дополнительная реклама не помешает. Тем более такая. Хотя он ни разу не смотрел программы Эй-Би-Си, но о шоу Элтона Дерома слышал.

— А вы обращались в «Славянский Собор»?

— В Чикаго? О да, но у них проблемы.

— А в Вермонт?

— «Собор Перуна»? Увы, они закрылись.

— Когда? — удивился Иван.

— Две недели назад. Я тоже был крайне удивлен.

— Хорошо, я согласен выступить у вас.

Дером удовлетворенно кивнул с экрана.

— Отлично. Подъезжайте к двум часам. Адрес: Каунли, 98. Вас будет ждать мой ассистент. Еще вопрос. Как мне говорили, у каждого из вас существует тотем. У вас он есть?

— Да, конечно. Волк.

— Великолепно! И он будет?

— Обязательно.

Без десяти два Иван припарковал «моллер», у огромного съемочного павильона. Когда они с волком подошли к подъезду, впереди возник тип неопределенного возраста из породы вечных мальчиков. Он подскочил со слащавой улыбкой.

— Мистер Воробьев?

Иван кивнул.

— Прощу за мной.

Вошли в большую студию. У стены было нечто вроде подиума с десятком кресел, на которых сидели люди, одетые кто в кимоно, кто в черный комбинезон ниндзя, кто в широкую юбку мастера айкидо. Перед ними расхаживал Дером, с жаром что-то объясняя. Увидев вошедших, направился к ним.

— Мистер Воробьев? Отлично! А где же волк?

— Он подойдет чуть позже, — ответил Иван.

— Что-о-о? — удивленно протянул Дером, но, внимательно посмотрев на Ивана, махнул рукой. — Впрочем, надо уже отвыкать удивляться. За свою жизнь с чем только не сталкивался. «Волк подойдет». . . Ладно, пошли.

Они поднялись на подиум, ассистент куда-то исчез.

— Разрешите вам представить мистера Воробьева, «Собор», русская школа, — сверкнул потрескавшейся улыбкой Дером. — Прощу. Надеюсь, вы когда-нибудь выступали перед телекамерой?

— Да, приходилось.

Зал между тем наполнялся публикой, включилась рампа. Между столиками вспыхнули спрятанные под полом неоновые трубки, расцветив ринг. Наконец на подиум легко взбежал Дером. Зал взорвался аплодисментами. Дером, широко улыбаясь, поприветствовал присутствующих и повернулся к камере.

— Привет! Элтон Дером снова с вами!

Программа была составлена толково. Ролик, представляющий вид боевого искусства. Затем Дером с его оригинальными вопросами, потом вопросы зрителей, показ некоторых приемов, рекламный ролик. Для сидевших в сту-

дии все демонстрировалось на белой стене позади участников.

Волк появился перед самым выступлением. Дером уже несколько раз бросал озабоченные взгляды на Ивана, наконец, увидев спокойно лежащего у его кресла зверя, просиял и воодушевленно заорал:

— А теперь — один из самых молодых для Америки видов боевых искусств — «Собор»!

На экране замелькали кадры, увидев которые, даже Дером дернулся и бросил бешеный взгляд по сторонам. Худшего подобрать было нельзя, даже если очень захотеть. Дером соскочил с подиума и, подозвав давешнего «вечного мальчика», стал ему что-то яростно выговаривать. Иван расслышал только слова «подменил ролик», «проходимец Спенсер», и набор ругательств, среди которых «сукин сын», было самым приличным. Еще бы! Если перед представлением других школ крутили отрывки из соревнований или качественно сделанных боевиков, то сейчас на экране мелькали кадры боевика самого низкого пошиба. Древних славян играли актеры явно азиатского типа, к тому же носящие индейские имена. Более того, автор сюжета не позаботился даже хотя бы приблизительно узнать, какие животные обитали на Руси, поэтому главного героя звали Красный Койот.

Когда ролик кончился, Дером вытер пот со лба, вымучил улыбку и подошел к Ивану. У самого кресла он лихо развернулся к камере:

— Мистер Воробьев — один из лучших мастеров «Собора». Расскажите нам подробнее, что же такое «Собор»?

Иван окинул взглядом зал. Ролик на чисто отбил интерес к происходящему у присутствующих. Зрители болтали между собой, кое-кто пил пиво из банки, а задние ряды уже потянулись к выходу.

— Мистер Дером, кто готовил этот ролик?

— Э... — Дером был несколько озадачен подобным вопросом. — Мой ассистент. Я приму меры. Но я просил вас рассказать о «Соборе»...

— Вы не ответили на мой вопрос.

Зал замер. На подиуме происходило нечто необычное: ведущий был в замешательстве.

— Спенсер. Бак Спенсер.

— Как он выглядит?

— Мистер!.. — Дером попробовал возмутиться, но, натолкнувшись на взгляд Ивана, запнулся и счел за лучшее ответить: — Высокий брюнет, в очках, черный твидовый костюм, ничего необычного. А в чем, собственно...

Иван жестом остановил вопрос и коснулся ладонью затылка волка. Тот се-

рой молнией метнулся в проход между креслами, через мгновение в глубине павильона раздался крик, потом грохот. И вот на подиум, сбив два пустых кресла, влетел высокий брюнет в очках и черном твидовом костюме.

— Уберите от меня эту бешеную собаку!!!

Волк мощным прыжком опрокинул кричавшего на лопатки, поставил лапы ему на грудь. Иван встал с кресла, подошел к лежавшему.

— Сколько?

— Я вас не понимаю, — просипел Спенсер.

— Сколько вам заплатили за то, чтобы вы провалили представление «Собора»?

— Нет! — Спенсер дернулся. — Это была случайность, я этого не хотел, все вышло случайно... О-о-о!

Волк наклонил голову и надвинул пасть на горло лежащему. Иван представил, как того обдало звериным дыханием.

— Уберите, — завизжал Спенсер, — двадцать тысяч, мне дали двадцать тысяч!

Иван сделал шаг назад, опустился в кресло и положил руку на голову волка, который уже лег у его левой ноги. Зал ошарашенно молчал.

Первым пришел в себя Дером. Иван даже восхитился, как профессионально он сработал.

— Только что мы с вами, друзья, наблюдали потрясающее зрелище. Мистер Воробьев показал, что такое настоящая дрессировка, полное единение хозяина и животного. Скажите, мистер Воробьев, это тоже одна из сторон подготовки в вашем виде боевых искусств? — и Дером отчаянным жестом протянул микрофон Ивану, посмотрев на него умоляюще.

Иван секунду помедлил, потом взял микрофон, окинул взглядом зал, затаивший дыхание, и широко улыбнулся в камеру.

6.

Звезды еще горели ярко, но восток начал светлеть. Полсотни мужчин и женщин в белоснежных холщовых одеждах вышли на опушку леса к святилищу. Иван и Конрад выбили колья, подпиравшие ворота, и створки, чуть скрипнув петлями, густо смазанными льняным маслом, распахнулись.

После того как все кланы расселись на земле под своими тотемными знаками, Иван жестом пригласил старейшин к огромному жертвенному костру, сложенному неподалеку от высившейся в центре святилища деревянной скульптуры Перуна — покровителя воинов.

Когда старейшины заняли свои места, Иван опустился на колени и воткнул в отверстие сухого березового полешка огневую палочку. Мох вспыхнул и занялся ровным бездымным пламенем. Веселые язычки побежали по поленьям, и вскоре костер загудел ровным, низким гулом...

Так начиналось посвящение в члены "Собора".

После памятной передачи, мгновенно ставшей хитом и закупленной десятком телекомпаний, к Ивану валом повалили просьбы о приеме в "Собор". Он никому не отказывал, открыл два дополнительных курса на небольших ранчо, милях в тридцати от ранчо Сноурта. Приехали Эльха и Конрад. Иван поручил им отбор кандидатов. И Памела крутилась как белка в колесе, но все успевала делать. Иван поражался ее работоспособности и умению всегда хорошо выглядеть. Потрясающая девушка!

Однажды, когда довольно поздно возвратился из Лос-Анджелеса, он увидел свет в окнах своего коттеджа. Иван загнал "моллер" в гараж и поднялся по внутренней лестнице. Холл был ярко освещен. В огромном кресле сидела, поджав босые ноги, Памела, а перед ней со стаканом коктейля в руке гоголем расхаживал Костик. На губах неотразимая улыбка, в глазах боевой огонь... Иван надеялся незаметно проскользнуть на кухню и пошарить в холодильнике, но сокол, сидевший на спинке кресла, встрепенулся, пронзительно крикнул. Костик запнулся на полуслове и оглянулся. Иван шагнул к нему, протянул руку.

— Ну, здравствуйте, молодой человек. Давно от вас никаких известий не было. Чем порадуете?

Костик бросил быстрый взгляд на Памелу, та поднялась.

— Прошу прощения, босс, но этот... молодой человек, как вы сказали, представился вашим секретарем, и я, согласно распоряжениям, доставила его сюда. Я могу быть свободна?

— Ни в коем случае! — взвился Костик. — Вы же обещали попробовать мои фирменные пельмени! Босс, я ведь действительно потрясающе готовлю?

Памела молча смотрела на Ивана. Тот улыбнулся:

— Если у вас нет особых планов на вечер, оставайтесь. Правда, особой развлекательной программы не обещаю, но... — Иван бросил взгляд на Костика, — свежайшие сплетни всего восточного побережья этот молодой человек нам обеспечит. А сейчас, извините, я хотел бы поговорить с этим донжуаном.

Едва за девушкой закрылась дверь,

Костик посерьезнел. Иван сел, указал Костику кресло напротив.

— Что скажешь? Ты выполнил мою просьбу, узнал, сколько за последнее время погибло членов "Собора"?

— Около трехсот пятидесяти человек.

— Так. — Иван помрачнел. — Треть десятилетнего выпуска всех школ континента. И это — за полтора года.

— Мы с Хаггером расследовали десять случаев. На первый взгляд все чисто: нелепые, случайные смерти. Но если влезть поглубже, то видны несуразности.

— Например?

— Например, Джон Картер. Дорожно-транспортное происшествие, наезд. Все чисто, компания безропотно выплатила компенсацию вдове. Водитель компании также погиб.

— Как и в случае со Сноуртом, — пробормотал Иван.

— Так вот, когда мы взяли за компанию, оказалось, что та просуществовала всего неделю и за это время не выполнила ни одного заказа.

— То есть?

— Зарегистрировалась, закупила один грузовик, совершила наезд, заплатила штраф, компенсацию и испарилась.

— Интересно.

— Дальше. Стив Уилкс. Несчастный случай. Попал под поезд. Все свидетели приехали в город за две-три недели до происшествия, поступили на работу, кто пожарником, кто мусорщиком, кто менеджером, присутствовали при несчастном случае, дали показания в полиции, выразили соболезнования родственникам и исчезли.

— Все?

— Да. Через неделю после похорон все одиннадцать человек уволились с работы и отбыли в неизвестном направлении. И такие неожиданности в каждом деле. Но это еще не все. Не далее как вчера Хаггеру позвонил неизвестный и предупредил, чтобы он не совал свой нос в эту историю, а то у него будут большие неприятности.

— Ну и?..

— Хаггер послал говорившего ко всем чертям, но в тот же день у него ухлопали двух детективов, а вечером — снова звонок и вопрос: не передумал ли он?

— И что теперь?

— Ничего. Хаггер взбешен и поклялся добраться до этих ребят.

Иван встал и прошелся по комнате.

— Обо всем завтра же сообщим О'Рейли. Потом на моем самолете вылетит в Чикаго, затем в Вермонт и Канаду. Собери информацию, почему местные "Соборы" прекращали дела. На обратном пути навестишь Хаггера и

возьмешь у него то, что он еще накопает. На все я даю тебе неделю.

Когда они уже сидели за столом, раздался звонок. Иван подошел к телефону, снял трубку, но на экране пробежали какие-то полосы, так что изображения не было видно.

— Прошу прощения, мистер Воробьев, у нас повреждение на линии. Вас беспокоят из второй национальной больницы. Мистер Сноурт пришел в себя и срочно просит вас.

— Благодарю, немедленно буду.

— Помехи, — буркнул Костик. — Никогда их не было. Что-то не то...

Иван спустился к гаражу, открыл ворота, подождал с минуту, но волк не появлялся. Зато пришло предчувствие опасности. Он вывел "моллер" из гаража и медленно, ощупывая глазами каждую веточку, каждый бугорок, выехал за ворота. У противоположной стороны улицы стоял небольшой микроавтобус. Между чуть раздвинутыми створками задней двери просунулся ствол противотанковой ракетной установки. Иван отчаянным рывком выбросил свое тело из машины и увидел, как вздрогнул микроавтобус, а кусты позади него легли от реактивной струи, как из раструба вырвался столб пламени, увенчанный темным метеором, и воткнулся в лоб пустого "моллера". И еще он успел заметить, падая на землю, как из-за кустов, рядом с микроавтобусом, взметнулась серая тень и исчезла в окне уже тронувшейся машины.

Упав на землю, Иван тотчас выхватил тяжелый, плоский шип хромированной стали, выбросил руку в сторону ясно ощущаемой опасности. Шип гулко разрезал воздух. Раздался хриплый вскрик, и в пяти метрах от Ивана осел, ломая кусты, крупный мужчина с автоматической винтовкой в руках. Иван огляделся. За кустами виднелась крыша микроавтобуса, он стоял неподвижно. Совсем рядом, протаранив забор и смяв кусты, застыл огромный черный "крайслер". На переднем сиденье его, уткнувшись лицом в руль, сидел водитель, у него чуть выше левого глаза торчал такой же шип, который Иван только что метнул. "Костик", — подумал Воробьев и оглянулся на коттедж: стекла были выбиты автоматным огнем, а над крышей шел с резким набором высоты сокол. Иван помчался вдоль стены, туда, где слышались голоса, осторожно выглянул из-за угла и увидел Костика. Тот лежал за пустыми бочками, а двое мужчин с автоматами обходили его по широкой дуге справа и слева, видимо, опасаясь подойти ближе. Третий стоял прямо перед Иваном и поливал укрытие Костика огнем, не давая тому пошевелиться. Иван переместился на три шага левее, вывода

двоих на одну линию, и метнул два шипа. Оба попали в цель. А на оставшегося в живых стрелка с резким криком упал сокол...

Завыли сирены полицейских машин. Костик выскользнул из-за бочек, ошупав сузившимися глазами место боя, хищно улыбнулся:

— Класс, шеф!

Они завернули за угол и остановились как вкопанные. Им в лицо уставилось дуло автоматической винтовки, у ее приклада блестели круглые от ужаса глаза Памелы. Иван отвел рукой ствол и, шагнув вперед, молча обнял ее за плечи.

— Все, девочка, уже кончилось, успокойся!

Памела уронила винтовку и, уткнувшись ему в грудь, беззвучно заплакала.

7.

Через две недели после начала занятий прилетел капитан О'Рейли. Иван услышал рев вертолета, когда они были в лесу, и, оставив группу на Костика, заспешил к ранчо. Выскользнув из-за деревьев, он увидел, что капитан с высоким черноволосым мужчиной, квадратный подбородок которого выдавал в нем также представителя семейства О'Рейли, стояли у вертолета.

— Знакомьтесь, мистер Воробьев, мой старший, Дональд.

Иван пожал протянутую руку и жестом указал на дверь:

— Прошу.

Они прошли в кабинет, сели в кресла.

— Я привез кое-какие новости, — сказал Дональд. — Благодаря вашей информации и результатам, полученным мистером Хаггером, ФБР начало широкомасштабное расследование дел, связанных с гибелью членов "Собора", на континенте. Координация этого расследования в масштабах страны поручена мне. — О'Рейли сделал паузу. — Сегодня мы уже можем говорить о некоторых, пока еще, конечно, незначительных результатах, и я, согласившись с мнением отца, решил проинформировать вас о них. Кроме того, мы рассчитываем на вашу помощь.

О'Рейли встал и прошелся по кабинету.

— Начну с известных фактов. Вот уже на протяжении шестнадцати месяцев по всему североамериканскому континенту идет скрытая, но безжалостная охота на членов "Собора". Причем когда наши эксперты вместе со специалистами министерства юстиции покопались в финансовых отчетах некоторых фирм и банковских отделений,

имеющих отношение к школам, то оказалось, что их финансовые трудности были не совсем естественными. Но больше всего нас поразило то, что, по имеющейся информации, даже против одиночных членов "Собора," действовали хорошо подготовленные группы численностью от семи до двадцати человек. Вы представляете, какие расходы они несут?

Иван молча покачал головой.

— Только на организацию уничтожения трехсот шестидесяти двух человек они затратили около двухсот миллионов долларов. А финансовые махинации стоили им от ста до трехсот миллионов.

— Богатые, — зло усмехнулся Иван.

— Цель ясна, — продолжал Дональд, — уничтожить "Собор,". Кто этим занимается, мы тоже в общих чертах выяснили.

Иван подался вперед.

— О нет, мистер Воробьев, — хмыкнул О'Рейли-старший, — простите, но эти пташки вам не по зубам.

— Кончик ниточки нам дали вы. Двое, которых захватил ваш волк в микроавтобусе, оказались нашими давними знакомыми. Один — Макс Пулавски, по кличке Отбивная, а другой — Мик Олдридж, его правая рука, по прозвищу Большой Палец. Оба зарабатывали себе на жизнь заказными убийствами. Так вот, эти двое рассказали много интересного.

Дональд сделал паузу, подчеркивая значение своих следующих слов.

— Я не знаю, как это произошло, но ваши коллеги каким-то образом затронули интересы девяти самых мощных семей, контролирующих более девяносто процентов рынка наркотиков на континенте. Отсюда и такие средства.

В кабинете повисла зловещая тишина.

— А вы не выяснили, каким образом "Собор," затронул их интересы?

— В том-то все и дело! — Дональд огорченно хлопнул ладонью по столу. — То, что они настроены серьезно, показывает нападение на вас. Они, когда поняли, что раскрыты, перешли к прямому нападению, уже не маскируя его под несчастный случай или что-то в этом роде. Но мотив? Найти мотив — наша главная задача.

— Ваша главная задача — обеспечить безопасность живых членов "Собора," — произнес Иван.

Дональд посмотрел на него с горькой иронией.

— А как вы себе это представляете? Приставить к каждому по полицейскому?

— Я был лучшего мнения о возможностях ФБР. В таком случае нам придется самим подумывать о своей защите.

Дональд разозлился.

— Не говорите ерунды! — Но, заметив предостерегающий взгляд отца, сдержался. — Извините. Поймите, у нас слишком мало информации, да и та, что есть, в основном сугубо конфиденциальна, мы не можем использовать ее, не подвергая опасности жизнь наших информаторов.

— У вас есть двое киллеров, Хаггер...

— И что? Ну посадим мы на электрический стул Макса-Отбивную и Мика-Большой Палец, загребем на основании их показаний еще человек десять, может быть, при очень большой удаче нам удастся дотянуться до верхушки одной-двух семей, а дальше? Нападение на вас доказывает, что их не остановило то, что их раскрыли. Они намерены идти до конца, но уже не собираются тратить время на маскировку, более того, по нашим данным, открытый террор — это их ближайшие планы.

— И вы ничего не можете сделать?

— Да нет же, черт возьми, мы делаем и будем делать все, что в наших силах. Но нам нужна помощь.

— Чем же мы можем вам помочь?

— Мистер Воробьев, нам нужно узнать мотив действий преступников.

Иван пожал плечами.

— Я тоже думал над этим, поскольку пришел к выводам, схожим с вашими, но в голову не приходит ничего правдоподобного.

Капитан О'Рейли уставил палец на Ивана.

— Вы и ваш "Собор," — камень преткновения для этих ребят. После того как вы с этим парнем, вашим секретарем, раскрошили ораву головорезов, популярность "Собора," взлетела до небес, ожили все старые школы и открылось несколько дополнительных курсов, поэтому, клянусь святым Патриком, именно вы их основная цель.

— По-видимому, вы правы, за исключением одного: нас было четверо.

О'Рейли-старший недоуменно посмотрел на Ивана, потом хлопнул себя по коленке.

— Ах да, звери!

Иван кивнул.

— Отец абсолютно прав, мистер Воробьев, — продолжил разговор О'Рейли-младший. — Мы предполагаем, что против вас готовится новая, более серьезная акция. Мы стягиваем сюда дополнительные полицейские силы, а я хочу просить вашего разрешения немного погостить у вас, заодно вместе и поразмышляем над общими проблемами.

(Окончание следует)

Анатолий Богданович родился в 1941 году в Ростове-на-Дону. Работал на шахте, по путевке комсомола осваивал целину, служил во внутренних войсках. Он автор тринадцати поэтических книг, член Союза писателей. Живет в подмосковном городе Химки.

АНАТОЛИЙ БОГДАНОВИЧ

ПОЛЫННАЯ ДАЛЬ

БОЛЬ

Куда девалось перышко
Стальное со звездой?
И буква, будто зернышко,
Из прописи густой?
Кривая гильза медная,
Служившая звонком?..
Как мать многодетная,
Была нам школа — дом.
Тут с сумками холщовыми
Толпились мы в дверях.
Те, кто в рубахах — щеголи,
И те, кто при ремнях.
А у кого-то с ляжкой
Через плечо штаны.
Пороховую слякотью
Глаза воспалены...
Давным-давно забытая
Стоит, где неба край,
Крест-накрест в боль забитая,
Не школа, а сарай.
И радость встреч мгновенная,
Хоть класс зарос травой...
И тишь, как медь военная,
Звенит над головой.

БЫЛА ЛИ ВОЙНА?

Была ли война?
Был ли дом наш в прицелах?
Бросался ли в поле

под танки июнь?..
Медалью мальчишка играет
в пристенок,
Звенит об асфальт
золотая латунь.
Стираются горя
суровые метки.
Но разве бомбежки
уйдут в забытьё?..
Пылится горбушка
на лестничной клетке —
Была ли война
для швырнувших ее?
Раздать бы победный салют
по лимиту,
Чтоб в памяти каждого
небо зажглось...
Была ли война?
Старику-инвалиду
В автобусе места присесть
не нашлось.
Взмывая легко
быстрокрылой семьей,
Веселые ласточки
радугу ткут...
Была ли война?
Тишина над землею
Такая, что слышно,
как реки текут.
Мы стали отцов умудренней
и старше,
Которых труба

в эшелон позвала...
 Была ли война?
 И подумать — то страшно —
 Какая по счету
 на свете была!
 Живые приходят
 оплакивать мертвых.
 Береза кручинится,
 словно вдова...
 Как странно,
 что после дождей пулеметных
 Не выросла в поле
 стальная трава.

ВЕРСТЫ

Между будущим и прошлым —
 Поседевший соловей...
 Ветер шагом осторожным
 Бродит в памяти моей.
 То смахнет росу с пригорка,
 То в листве рассыплет дрожь.
 Даль полынная прогоркла,
 И печаль с небес как дождь.
 Рассекая холод косо,
 Луч слетит, как с тетивы.
 Намотаю на колеса
 Версты гулкой синевы.
 С ними смех людской и слезы,
 Что в дороге сквозь года,
 Будто снежные заносы,
 Будто талая вода.
 Взглядом гордым и обидным
 Вдруг вспыхали вечера...
 Как непросто быть любимым
 Между завтра и вчера.
 И в туман, и на морозе
 Лес что древнее жильё.
 Ловит милая в березе
 Отражение свое.
 Вот оно — родство святое —
 Белый волос бересты,
 Чувство жизни молодое
 И безумство красоты!

МЫСЛИ

Как на чистом снегу письма,
 Как по небу летящие звезды,
 Нас волнуют в горсти семена
 И просторов российские версты.
 Есть за каждой деревней земля,
 Где растим мы пшеницу и сою...
 Словно спины людские, поля
 Пересыпаны инеем — солью.
 Кто-то гонит сквозь ветер коня
 И, пригнувшись к пылающей гриве,
 Из вчера вдруг окликнет меня
 В молодом бесшабашном порыве.
 Будет вечер и будет костер,
 И валежник, трещащий сорокой.
 Мгла такая, как будто растер
 Шальный ветер золу над дорогой.

Притаилась в стогу тишина,
 И пьянит сенокосная воля...
 Чем была бы во все времена
 Наша жизнь без крестьянского поля?
 Мысли — борозды к свету легли,
 И деревня задумалась трудно,
 Где на улицах так малоллюдно,
 И так много тяжелой земли.

СВЕЧА

В храм русской осени войдя,
 Взираю ввысь я:
 Срывают капельки дождя
 С деревьев листья.
 Они летят сквозь времена
 В прожилках строчек.
 Там есть какая-то одна
 Из темных точек.
 Читает мудрый муравей
 Записки леса.
 Совсем к истории моей
 Без интереса.
 Вот по ладони пробежал —
 По веткам линий...
 Дождь с каждой каплей приближал
 Пожары ливней.
 Все листья осень отдала
 Ветрам и тленю.
 Гудят дубы — колокола
 В душе к спасенью.
 Неслышно по стволам стуча,
 Дождь сеет брызги...
 Горит дозиметра свеча
 На нашей тризне.

МАРЬИН ДЕНЬ

Зажги, зажги сугробы, Марья!
 И вскрой под кручей темный лед,
 Где растеклась льжняя прямая,
 Так жадно звавшая в полет.
 Был снег похож на ширь морскую,
 На пену, что волна к волне.
 Куда спешил я? В даль какую,
 Когда все рядом и во мне?
 Теперь любая капля — в цвете,
 И в запахе полей хмельных.
 Тебя, как брат, целует ветер,
 И обнимает, как жених.
 А ты, смущаясь и краснея,
 В косынке русских журавлей,
 С ним стала на ручей взрослее
 И на цветок еще милей.
 И вдруг дождем в ледовом хрусте
 Всплакнула с песнею земной.
 И, с ветром разойдясь без грусти,
 Уже смеешься надо мной.
 И я в растерянности вешней
 Молчу и знаю наперед:
 Останется от страсти прежней
 Лишь даль, зовущая в полет.

Роман ВИНОГРАДОВ

...И ГРЯНУЛ ГРОМ

Рассказ

Проба пера

1.

За городом было по-особенному свежо. Солнце дописывало вечерний пейзаж, обливая вишневыми лучами листья на деревьях. Только что прошел грибной дождь, теплый, непродолжительный, и трава, забор, железные ворота да посто-вой гриб как бы покрылись свежим лаком.

Под грибом стоял курсант Кирилл Нехлюдов и любовался закатом. Несколько минут назад начальник караула сержант Костя Рекин пробовал было прочесть ему нотацию — мол, не лови на посту ворон... — но Кирилл выслушал его вполуха. Сержант знакомую песню завел, вспоминал, что когда служил срочную, то был в части такой случай: бандиты напали на задремавшего часового и лишь чудом его не прикончили. "Вот и ты, Нехлюдов, страшно невнимателен, даже проверяющих — и то не сразу замечаешь. А если бы к тебе враг подходил?,"

Ну откуда здесь взяться врагу? Что его тут заинтересует? Служба несложная — охрана складов училища. За всю историю еще не было случая, чтоб кто-то из посторонних на них покушался,

и потому Нехлюдов лишь недовольно скривился, слушая сержанта:

— Брось, Костя! Кто на нас нападет? Склады-то не оружейные, а с тряпьем, кому они нужны? И потом, ты же знаешь, я стреляю без промаха, пусть только кто сунется сюда. А бью как? До училища первый разряд по боксу лишь по случайности не получил.

Другие ребята воспомина-ния сержанта примерно так же воспринимали: нам, мол, хватит лекций офицеров, так что не старайся, Рекин, мы знаем, что по теории всякое случиться может, но на практике ничего лично с нами не произойдет, поскольку тут не конвойная рота, нет рядом зеков. Даже начальства нет, потому, Рекин, главное для нас в этом карауле — день простоять и

ночь продержаться. Тебе, говорили ему ребята, пора забывать о солдатской службе, тут другая раскладка...

Но Костя продолжал с неослабевающим упорством донимать своих подчиненных воспоминаниями о службе. Вот и сегодня...

"Ничего, это пройдет, — подумал Нехлюдов и опять уставился на заходящее солнце. — Красотища, черт поberi! В такой вечер не на посту бы стоять, а с девочкой по парку гулять!,"

Рассказ старшего лейтенанта Романа Виноградова "...И грянул гром" — его первая публикация в нашем журнале. Более того, рассказ — первая литературная проба молодого автора. Не будем сейчас спешить ни с критикой, ни с похвалой. Просто отметим: вполне возможно, Роман достигнет многого на творческом пути.

И он расслабленно заулыбался, вспомнив девочку, которая через день присылает ему письма.

2.

Ветрова разбудили минут за десять до заступления на пост. Он взглянул на часы, не спеша поднялся, пошел в столовую, где выпил кружку крепкого горячего чая, приготовленного бодрствующей сменой...

На западе сверкали молнии, но это пока так далеко, что раскаты грома сюда вообще не долетали, более того, в небе горела ясная луна, и крохотная звездочка спутника скользила на фоне далеких планет и туманностей. Эх, бросить бы все, сесть бы в ракету, погрузиться года на три в анабиоз и лететь, лететь, лететь... Тело в невесомости, голова чистая, никаких тебе строевых, зачетов, пол-ней-ший по-кой...

Он вздрогнул: "Елки-палки, кажется, засыпаю. Отставить! Ничего, конечно, страшного, но если Рекин застучает, опять будет нотации читать, а ссориться с ним не хочется, он в принципе хороший парень. Такого сержанта на курсе больше нет. Надо и его в полет взять. Костя пилот, он, Ветров, командир корабля, лежит в каюте и спит..."

Руслан почувствовал, что у него опять слипаются глаза и нет никакого желания раскрывать их. Да и зачем? Ну придет Рекин, ну выскажется... Зато как сейчас хорошо дремлется!

Неясный шорох заставил его вздрогнуть, вскинуться, рука машинально схватилась за штык-нож, висевший на ремне. Он прислушался. Все в норме, никаких подозрительных звуков, кроме далекого-далекого раската грома. "Ага, вот чего я испугался, дуралей!",

Ветров успокоился, но сон уже прошел. А тут еще со стороны караульного помещения раздался сначала скрип двери, потом чьи-то шаги. Вскоре послышался голос младшего сержанта Смирин:

— Ветер, сухарик хочешь? На, пожуй.

Смирин — нормальный парень, правда, есть одно "но": просто помешан на детективах. Мало того, что читает их запоем, так ведь еще и пересказывает, страшно обижаясь, если кто не хочет его выслушивать. Руслан небольшой любитель словесного жанра, но сейчас здесь, на посту, можно убить время под треп Смирин.

— А знаешь, Серж, я чуть не заснул тут.

— Ага. Прикемарил бы, а враг подобрался бы и...

— Да какие тут враги!

— Это верно, конечно. Это только в журналах да книгах пишут о нападениях на посты. Вот я недавно читал... Нет, я тебе лучше расскажу замысел своего рассказа, хочешь? Я никому не признавался, что пишу детективы, тебе первому об этом говорю, только ты не трезвонь, ладно?

Руслан едва сдержался, чтоб не рассмеяться — подобные признания и предупреждения Смирин делал неоднократно всем без исключения, — и пообещал:

— Могила!

— Так вот, сюжет у меня такой. Задумали, значит, бандиты оружием разжиться, ну и решили напасть на караул, такой, как у нас, и посты такие же. Начали они со второго поста. Часовой спиной к ним стоял, они бабахнули по нему жаканом и, представь себе, в автомат попали. Ну он упал, конечно, от толчка, а бандиты подумали, что каюк бойцу, и — бегом к посту, оружие, значит, забирать, чтоб потом с ним атаковать караульное помещение. А часовой выждал немного и потом как...

Луна спряталась за тучи, грозовой раскат ударил уже так, что вздрогнула и сонно зашуршала листва на деревьях. После этого установилась злоецающая, тягучая тишина. Серж прервал свой рассказ, видно, на ходу придумывая, как закрутить действие дальше, и только собрался было продолжить повествование, как со стороны второго поста раздался два оглушительных выстрела.

Смирин зачем-то снял пилотку, бросил ее на траву и побежал в направлении второго поста.

— Стой, Серж, ты куда?

Младший сержант остановился, кажется, пришел в себя, сказал: "Ну да!", — и помчался в караульное помещение, на ходу крича что есть силы:

— Караул! В ружье! Тревога! Нападение на второй пост!

3.

Рекин сидел за столом, клевал носом и выстрелы услышал сквозь дрему. Но окончательно проснулся он не от них, а от отчаянного крика Смирин, влетевшего в караулку:

— Напали... Стреляют... Второй пост...

Костя схватил автомат, выскочил в коридор, уже на ходу подав команду:

— Караул! В ружье!

Бодрствующая смена, Белый и Нехлюдов, побежали вооружаться, вслед за ними туда же рванулись Кондрашев и Бысаргин, недавно сменившиеся с

постов. Вскоре все, кроме Нехлюдова, стояли в коридоре.

— Нехлюдов, — крикнул сержант. — Быстрее не можешь? Что там у тебя случилось?

Нехлюдов стоял у пирамиды с восковым лицом, руки его заметно дрожали.

— Обделался от страха? — крикнул Бысаргин. — Чего руки ходуном ходят, снайпер ты наш?

Нехлюдов лишь жалко улыбнулся.

— Кондрашев вместо Нехлюдова, Белый — за мной! — уже выскакивая на улицу, распорядился Рекин. — Смирин, отвечаешь за оборону караульного помещения...

Пробегая мимо Руслана, начальник караула спросил:

— Что оттуда — ни криков, ни шума?

— Кажется, тихо. Только вы осторожней.

— Спокойно, Ветров, не сейте панику, — весело крикнул Белый. — Прикройте, я атакую!

«Все бы тебе шутить, — подумал про себя Руслан и только сейчас заметил, что стоит прямо на освещенном пятачке, а значит, является хорошей мишенью для врага. — Ты, дружок, не один, а я тут, если нападут...» Руслан прыгнул в сторону от лампочки и прислонился плечом к стволу хилого деревца, лихорадочно тиская в руках автомат.

А в это время младший сержант Смирин орал в телефонную трубку:

— Мне дежурного по училищу, быстрее!

— Я за него, — ответил кто-то из курсантов-помощников. — Чего надо?

— Ищи дежурного! — слышимость была хорошая, но Смирин непонятно почему все же кричал так, как только позволял объем легких. — Нас здесь убивают — нападение! В часового стреляли!

— Ты чего, вместо картошки за ужином белены объелся? Или сон свой мне рассказываешь?

— Передай все дежурному! — и Смирин швырнул трубку на рычаг. Некогда сейчас общаться с недотепой, каждая секунда дорога, надо организовывать оборону помещения, потому что преступники, ясное дело, поставили целью завладеть оружием.

— Бысаргин, в столовую, Нехлюдов, на охрану оружия... Нет, наоборот... Не маячьте перед окнами... Нехлюдов, я же сказал — на охрану оружия! Так, что еще?..

— Наверное, Серж, двери надо закрыть, — спокойно предложил Бысаргин.

— Двери? Еще не закрыты? Какой дурак их открыл вообще? Ах да, Рекин...

Он загремел засовом, а в это время

послышался плачущий голос Нехлюдова:

— Смирин, оружия нет, исчезло оружие.

У Сержа перехватило дыхание, он, наверное, грохнулся бы в обморок, но вовремя рассмеялся Бысаргин:

— Откуда же ему взяться!? Караульные же с автоматами побежали, а не с пустыми руками.

— Не паниковать! — неизвестно кому отдал громкий приказ Смирин и для убедительности хлопнул ладонью по столу. — Надо продержаться, скоро подкрепление придет.

Телефон зазвонил так неожиданно, что все вздрогнули.

— Разводящий младший сержант Смирин слу...

Голос дежурного по училищу перебил его:

— Что у вас случилось, Смирин?

— Нападение на второй пост, товарищ подполковник!

— Есть пострадавшие?

— Еще не знаю. Начальник караула отражает нападение, я организую оборону здесь.

— Ждите, выезжаю.

4.

Курсанты бежали в направлении второго поста по освещенной грунтовой дороге. Белый думал об одном: кто из начальства организовал эту учебную тревогу, кому из офицеров не спится по ночам? Жена из дому выгнала, что ли? Кондрашев рассуждал об ином: хорошо бы, если будет бой, отличиться. А что, дерется он неплохо, и когда дело дойдет до рукопашной... Рукопашная все же лучше, чем ночная перестрелка. Мысли Рекина были заняты сейчас лишь одним: что случилось со Слыневым, стоявшим на втором посту? Конечно, он жив, а как же иначе?! Но почему молчит? Почему ничего не предпринимает? Впрочем, если сейчас шарахнут залпом из темноты, то многое ли успеешь предпринять ты, сержант Рекин?

— Белый, если начнут стрелять, падаешь вправо. Игорь — влево, ясно?

Кажется, одновременно с последним словом грянули дуплетом два выстрела. Курсанты бросились на землю. «Так это, оказывается, вовсе не шуточки, — все так же весело и легко подумал Белый и передернул затвор автомата. — Ну что ж, повоюем!»

Он заметил, что сержант пополз в сторону поста, и поспешил за ним. Краем глаза уловил и движение по ту сторону дороги: значит, с Игорьком все нормально.

Остановились у большого куста. Пост

рядом, но там никого нет. Нет Слынева.

— Кто заметил, откуда стреляли? — спросил Рекин.

— По-моему, оттуда, — Кондрашев указал на кусты у противоположного участка ограждения. — Но не Слынев стрелял, выстрелы глухие были, вроде как из охотничьего ружья.

— Леха! — тихонько позвал сержант и несколько секунд спустя чуть громче повторил: — Леша! — Потом повернулся к курсантам: — Будем его искать. Держимся друг от друга не ближе пяти метров, если что...

Договорить он не успел. За их спинами зашелестела трава, послышалось чье-то учащенное дыхание, утробные, пугающие звуки. В прыжке Костя уже готов был пустить очередь в незнакомца, но в самый последний миг сдержал палец на спусковом крючке. Из зарослей выскочил к ним местный огромный пес Дембель, любимец всех курсантов, несущих здесь службу. Обычно в любое время суток его привечали, гладили по вечно всклокоченной шерсти, но сейчас, с его точки зрения, отнеслись более чем странно. Мало того, что зашипели недовольно, так еще и ногой пнули. Дембель не на шутку обиделся, подал хриплый голос и пошел в сторону, туда, где он до этого сладко дремал рядом с хорошим человеком — не чета этим!

От обиды Дембель неосторожно ткнул носом лежащего на травяной подстилке, и тот заворчал:

— Осторожней, псина, лицо поцарапашь! Осторожней, кому говорю! Чего по ребрам лупишь?

Но в ребра его пнул уже не пес, а Рекин:

— Ты не ранен, Леха?

Слынева как пружина подбросила. Он вытнулся по стойке "смирно", непонимающе тараща глаза на лежащих товарищей.

— Ложись! — дернул его за ноги сержант. — Нашел время в струнку тянуться. Кто пост обстрелял? Ты их видел? Сколько бандитов, куда пошли?

Слынев непонимающе закрутил голову:

— Я это... Дождь надвигается, я сюда спрятался, тут, видишь, вроде шалаша.

Рекин, кажется, не осознал, что говорит подчиненный, потому гнул свое:

— Они не в сторону караульного помещения направились после того, как тебя обстреляли?

— Кто обстрелял? Вы чего?

В разговор вступил Белый:

— Ты что, Леха, выстрелов не слышал?

— Бросьте разыгрывать! Не было никаких выстрелов! Это на подстанции

несколько раз бабахнуло, разряды. От молнии, наверное.

Все замолчали, глядя друг на друга, переваривая то, что сказал Слынев. Белый хотел уже было расхохотаться, но, увидев лицо сержанта, передумал.

Назад шли молча. У самого караульного помещения Рекин остановился:

— Забудем, что было. Языки на замок. Не хватает еще, чтоб нас училище на смех подняло.

Но узнав от Смириня, что дежурный по училищу уже в курсе всего и скоро прибудет сюда, он схватился за голову и проронил:

— Что будем делать, а? — долго молчал, потом продолжил: — Ладно, есть один вариант. Подполковник Гарбузюк — он может поверить, что по посту стреляли...

5.

Подполковнику Гарбузюку, офицеру тыла, сорок пять, росту он небольшого, худой, подвижный. Отличительная черта — голубые доверчивые глаза. Ох, сколько же раз он платился за эту свою доверчивость! Вслед за дежурным в караульное помещение входит капитан Рябцев.

— Это хуже, — сразу же отмечает Костя. — Этого на мякине не проведешь. И уже не так, как задумывалось, то есть не совсем бодро, докладывает:

— Товарищ подполковник, за время несения службы происшествий не случилось, за исключением: стреляли в часового второго поста. Начальник караула сержант Рекин.

— Жив? Кто он? Где?

— Так точно, жив. Курсант Слынев. Вот он, только что сменился согласно графику.

Дежурный глубоко и облегченно вздохнул, все заметили, что маска напряженности сползла с его лица.

— Ну вот и хорошо... Это — главное! Теперь, товарищ курсант, докладывайте вы и, прошу, со всеми подробностями.

Вслушал он и часового второго поста, и других курсантов очень внимательно, все время при этом шевеля губами, словно разжевывая их слова. Капитан же стоял мраморной глыбой, скрестив руки на груди, и никак не реагировал на получаемую информацию. Потом сержант Слынев и оба офицера направились к месту происшествия. Тучи удалились, молнии опять сверкали вдали, дождь так и не начался, и луна гигантским прожектором высвечивала местность.

— Так, говорите, стреляли со стороны

подстанции? — спросил Гарбузюк. И распорядился: — Тогда — за мной.

До ограждения поста, за которым размещалась подстанция, было метров сто голого, с редкими кустами и каменными валунами, поля. Подполковник ящерицей заметался меж ними и вскоре замер у самого ограждения, Рябцев еле поспевал за ним, а Костя, как ни старался быть расторопным, отстал. И подполз он к офицерам одновременно со Слыневым в самое неподходящее время: Гарбузюк, выщепывая ругательства, тщательно вытирал о траву руки, испачканные в дерьме Дембеля. Пес был чистоплотным, он ходил в туалет лишь в одно место, и именно сюда. Капитан, видимо, не горя желанием вляпаться так же, как и начальство, встал на ноги, сказал уже не шепотом, а в полный голос:

— Нет там никого, товарищ подполковник. Если кто и был, то чего ему тут торчать? Стрельнул, понял, что промахнулся, и слинял.

Дежурный, безглаголиво оставив в стороны руки, с таким мнением сразу же согласился:

— Вы правы, так и было. А мы будем писать рапорт начальнику училища — дело нешуточное.

Они, уже не таясь, пошли по прямой в сторону караульного помещения, но тут прорезала темноту дальняя молния, и тотчас два оглушительных хлопка раздалось за их спинами. Все четверо без команды упали на землю, в руках офицеров моментально появились пистолеты... Первым, и довольно быстро, прервал молчание Рябцев. Он встал и, не спеша засовывая пистолет в кобуру, сказал:

— Все ясно. Курсанты приняли электрические разряды на подстанции за грохот орудий. Я, между прочим, с самого начала подозревал, что тут липа, так на военные объекты не нападают.

— Кошмар! — вполголоса выдавил подполковник Гарбузюк. — Мы уже наверх сообщили, там доклада ждут. О том, что отличились... Что же теперь делать, а?

При свете ярких ламп в караульном помещении было видно, что голубые глаза дежурного по училищу отливают праведным гневом. Весь караул был выстроен в шеренгу, Гарбузюк ходил вдоль этой шеренги туда-сюда и всем сразу задавал вопросы:

— Так выстрелы или электроразряды были, а? Неужели по звуку это можно спутать?

— В принципе можно, товарищ подполковник, — ответил за воинов Рябцев. — Я и сам на землю шлепнулся, когда...

Гарбузюк недовольно поморщился,

видно, вспомнив, что и он поступил так же.

— Ну ладно, можно и ошибиться. Но ведь сколько раз эти дуплеты звучали-то, а?

— Так звуки не такие были, товарищ подполковник, — уверенно заявил Слынев. — Из ружья по мне стреляли, честное слово. Я тут же залег, а потом еще два выстрела...

Дежурный недоверчиво закрутил головой, но на удивление лояльно повел себя капитан Рябцев:

— Все может быть, товарищ подполковник. Но главное — караул не растерялся, так? Проявили оперативность, вовремя выдвинулись, пресеки возможное нападение... Имеем же мы право так утверждать? Вот и доложим: отличились, вели себя достойно...

6.

Начальство уехало, и караулка разразилась хохотом:

— Я думал, — выдавил сквозь смех Слынев, — что он как Дембеля на анализ возьмет как вещественное доказательство. На четвереньках вдоль ограждения... Вы бы видели!

— А Рябцев, Рябцев! — вторил ему Нехлюдов. — Оперативность, нападение, отличились...

— Нет, капитан правильно себя повел, — стараясь выглядеть серьезным, вставил Белый. — Он же соображает, что если нас за сегодняшнюю ночь к медалям предствят, то ему как минимум орден светит. Он первым прибыл, разобрался...

— А Гарбузюку Героя дадут...

— А ты, — спросил Рекин у Слынева, — сразу понял, что это разряды, а не выстрелы? Только честно?

— Честно? Я поначалу тоже струхнул, мне даже от страха показалось, будто кто под зад пинка дал, потому и свалился на землю. И уж лежа вспомнил: ребята из вчерашнего караула говорили меж собой, что подстанция стрелять начала. И успокоился. Пошел укрытие от дождя искать.

Руслану Ветрову это напомнило сюжет рассказа, услышанного от Смирина, и он спросил, улыбаясь:

— А свалился ты отчего все-таки? Может, молния в автомат долбанула?

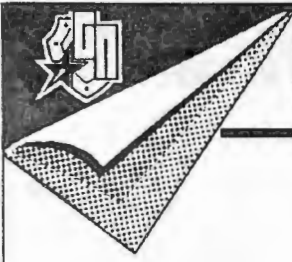
Леха снял автомат с плеча:

— Ну да, что ж он, громоотвод, что ли?

И ахнул, побледнев.

Впрочем, побледнели все.

Деревянный приклад автомата был побит дробью.

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Сам себе тренер

Уроки дает
европейский
директор
Международной
тренинговой
ассоциации по боевой
подготовке
правоохранительных
органов
Иосиф ЛИНДЕР.

Тема занятия: психорегуляция в боевых искусствах — теоретический аспект

Мы уже вели речь о всепроникающем влиянии дзэна на восточные единоборства (N 2, 1994 г.). Ключевую роль он играет и в области психологической подготовки, в методах психорегуляции. Чтобы понять суть последних, а также некоторых основ профессиональной воинской деятельности, прибегнем к сравнению.

Во все времена у разных народов военная профессия предъявляла особые требования к психологической подготовке. Их глубинный смысл — преодоление страха перед смертью, позволяющее воину действовать с максимальной эффективностью. Люди давно научились естественный биологический страх смерти вытеснять сильными социальными, нравственными чувствами, среди которых, бесспорно, доминирует чувство долга, чести, любви к Отечеству. Вспомним подвиг горстки спартанцев, героически защищавших от персидских полчищ вход в Фермопильское ущелье, или чудеса стойкости духа наших бойцов, которые без колебаний отдавали жизни "за веру, царя и Отечество", "за Родину, за Сталина". В основе подобных примеров — вполне определенные методы психорегуляции и психотехнические приемы, и их механизмы приводятся в действие различными пружинами. В одних случаях страх смерти преодолевается волевым сверхусилием во имя личной славы

и жажды подвига (идеалы европейских рыцарей), в других — во имя высшего патриотического долга (массовый героизм русских воинов в Куликовской битве, в Бородинском сражении, советских солдат в годы Великой Отечественной войны).

Огромное значение имела вера в лучшую (загробную или будущую) жизнь. Она приобретала своеобразную окраску у языческих народов (скандинавских викингов, древних германцев, славян), у христиан и мусульман. Героев гражданской войны воодушевляла вера в светлое коммунистическое завтра. И вообще, непоколебимая вера в духовные приоритеты помогала людям с мужеством всходить на костры инквизиции, выдерживать ад концентрационных лагерей, демонстрировать чудеса воинской доблести. Случалось, что страх побеждало отчаяние смертников. Так, древние китайцы сражались особенно яростно, оказавшись в «местности смерти», (термин из знаменитого трактата о военном искусстве «Сунь цзы»), из которой уже не было выхода.

Разумеется, на действие механизмов психорегуляции существенное влияние оказывали культурные и национальные факторы, в том числе и на Руси. Отличие в формулы «авось», «была не была», «двум смертям не бывать — одной не миновать», они отражают широко распространенные в народе установки сознания.

Конечно же, известны и иные способы вытеснения страха смерти, являющиеся как плодами высокого разума, так и самых низменных, корыстных инстинктов. Вот, к примеру, чисто интеллектуальный, философский способ решения проблемы, выраженный в афоризме: «Если мы есть — смерти нет, если смерть есть — нас нет». Но согласитесь, что одна лишь интеллектуальная пружина не дает безусловной гарантии сохранения столь необходимого воину психологического равновесия. Требуется подкрепление в форме «бессознательного», спонтанного поведения, обеспечивающего предельную эффективность боевых действий. Именно эта сторона психорегуляции и была освоена дзэном.

Сам тип поведения, включая практику сосредоточения (медитации), здесь ориентирован на интуитивные, неожиданные и непредсказуемые способы

достижения состояния озарения (сатори). И потому дзэнская психотехника основывалась не на личностно-интеллектуальных механизмах сознания, а как бы на внеличных универсальных принципах и всеобщих природных законах. В этом случае собственное благополучие и душевное равновесие человека возвышается до понимания «природной гармонии и справедливости», а его действия происходят по ту сторону добра и зла, жизни и смерти. Для «пустого» сознания, обретение которого — цель всей системы психорегуляции в боевых искусствах, смерть как категория личностного восприятия вообще отсутствует, и, следовательно, отпадает необходимость преодолевать страх перед ней. В этом — стопроцентная гарантия умелых действий в схватке.

Следует отметить, что в дзэнских видах борьбы есть и относительно автономная область прикладной психотехники, которая используется в спорте как аутотренинг, но в адаптированном виде может найти применение и за пределами спортивных единоборств. Ее сердцевина — классические формы медитации. Одни из них реализуются сидя (дзадзэн), другие — во время ходьбы (кинхин).

Дзадзэн обычно практикуется в течение двух минут в начале и в конце тренировки. Правильная поза, дыхание и техника сосредоточения помогают, во-первых, освободить сознание и подготовить его к интенсивной интуитивной работе на занятиях, во-вторых, компенсировать большие психические и энергетические затраты. Медитация используется и как дополнительное средство для закрепления специальных навыков психорегуляции. В свое время выдающийся мастер современного каратэ Ояма провел характерный эксперимент. Одного ученика он готовил, главным образом, физически и технически, другому давал меньше нагрузки, но рекомендовал ежедневно дважды по полчаса выполнять дзадзэн: после пробуждения и перед вечерней тренировкой. Через полгода оба сдали экзамен на черный пояс. Первый стал мускулистым, прибавил в весе около пяти килограммов. Второй остался сухощавым и жилистым, но в единоборстве с товарищем одержал убедительную победу. Чем не показателем?

Многочисленные исследования врачей позволили выявить целый ряд положительных влияний медитативных систем на человеческий организм. К ним относятся: нормализация нервных процессов, повышение жизненного тонуса, формирование воли, рост интеллектуальных способностей и работоспособности, резкое снижение конфликтности при общении с окружающими, избавление от некоторых хронических недугов и профилактика острых заболеваний.

Наиболее распространенная форма медитации — сидячая. Занимающийся садится на маленькую подстилку, скрещивает по-турецки ноги, подкладывает еще две подушки под колени — это позволяет подолгу находиться в одном положении без нарушения кровообращения в теле. Руки либо свободно лежат на коленях так, что пальцы слегка соприкасаются, либо соединяются и располагаются несколько ниже пупка в точке, которую китайцы называют “даньтянь”, или “брюшной центр дыхания”. Взгляд направлен или в бесконечность, или на кончик носа, но зрительные мышцы не напрягаются, веки полуприкрыты. Далее внимание концентрируется на дыхании. Ранее приведенные общие дыхательные упражнения (N 2, 1994 г.) полностью применимы. Однако чаще всего используется нижнее дыхание или дыхание с задержкой.

Чтобы сосредоточиться, старые мастера рекомендуют считать вдохи и выдохи. Поначалу. Затем — только выдохи, а позднее, по мере освоения методики, только вдохи. Во всех случаях счет ведется до десяти и начинается снова, что отвлекает от посторонних мыслей.

Относительно выбора мест для занятий единого мнения нет. В одних школах — это тихие, затемненные комнаты, куда воспрещен вход “непосвященным”, в других — шумные и многолюдные, в третьих и вовсе не придают значения обстановке, считая, что главное — правильность выполнения упражнений, а условия — вторичны или совсем несущественны. Но все сходятся в основном: без тщательного и верного дыхания нельзя добиться устойчивого эффекта. Напомним, что оно должно быть “тонким и приятным, легким и незаметным”.

Подобные тренировки способствуют

формированию целостного характера человека, когда сознание и подсознание сливаются воедино, предотвращая “раздвоение личности”, и подавляя эмоции.

Часто употребим и способ медитации, связанный с движением, к примеру, ходьба по замкнутому кругу (японское — кинхин). При этом руки сложены на груди, а передвижение производится ритуальным шагом — ноги поочередно медленно ставятся на полступни вперед. Каждый шаг соответствует вдоху и выдоху.

Основой для развития специальной системы активной медитации послужил медицинский трактат “Об изменениях в сухожилиях”, автором которого выступил Бодхихарма, легендарный патриарх секты Чань и основатель шаолинского кэмпо. Он одним из первых обосновал необходимость напряжения и расслабления определенных групп мышц при выполнении комплексных упражнений без отягощений. И к тому же подвел под свои воззрения надежную теоретическую базу, доказав, что и без специальных отягощений можно достаточно разносторонне и эффективно развить тело, укрепить жизненную энергию, “уравновесить дыхание и отпустить свою мысль”. Стержнем системы стала “психологическая наполненность”, упражнений, то есть полное духовное и психическое участие в них человека. И, как гласит старинная китайская поговорка, “такое учение способно повернуть телегу, тогда овладевшему им не понадобятся целые горшки лекарств”.

Подытоживая сказанное о медитации, следует иметь в виду, что она включает в себя и технику вхождения (погружения) в определенное состояние сознания, и технику пребывания в нем во время активной деятельности.

На следующем занятии мы рассмотрим некоторые конкретные упражнения из сферы психорегуляции.

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

У КАЖДОГО в жизни выпадают моменты, мгновения, которые хочется остановить, воскресить в памяти спустя много дней, месяцев и даже лет. Одно из таких ярчайших моих впечатлений, согревающих душу, — морская рыбалка под Сухуми.

Не торопитесь удивляться, что я, женщина, восторгаюсь, казалось бы, сугубо мужским увлечением. Дело в том, что мой супруг — рыбак, причем не просто какой-то там любитель, а — настоящий фанатик. Я же к этой его страсти отношусь, как бы это поточнее и помягче сказать, — сдержанно, то бишь стараюсь не очень заундничать, когда он пропадает на водоемах все свои выходные и отпуска, под благовидными предложениями отказываюсь от приглашений порыбачить вместе. Согласитесь, какую нужно иметь выдержку, чтобы не сорваться, когда тебя, заманив на природу, долгими часами, сутками просто не замечают!..

Однако в тот раз я не могла не составить компанию мужу. Был май, мы отдыхали по путевке на берегу Черного моря, а тут еще появилась возможность залпнуть далеко-далеко от берега на лодке.

... Яркое солнце, бескрайняя водная гладь, голубое, бездонное небо — все настолько переливчато-сказочно, что невозможно оторвать взгляд от этой красоты. А вдобавок — весьма активный клев ставриды. Даже я, не ахти какой специалист, раз с разом ухитрилась вытаскивать из морской пучины по несколько рыбешек за один заброс.

Короче, все было очень

здорово. И тем не менее муж вел себя весьма сдержанно. Причина: он настроен был совсем на другую рыбу. Особенную и довольно редкую.

И она, эта экзотическая рыбалка, состоялась. При очередном забросе спиннинга у меня клюнуло что-то явно более весомое, чем ставридки. И вот уже в прозрачной морской воде обозначилась довольно крупная... золотая рыба. Именно золотая, к тому же с короной. Какое это было незабываемое зрелище — наблюдать, как, мощно сопротивляясь, она выходит из морской бездны.

ВКУСЕН И ОЧЕНЬ... ОПАСЕН

Так вот он какой — хваленый морской дракончик, или, как его еще называют, скорпион! Извлеченный из родной стихии, он быстро теряет свое обаяние, хотя форма и раскраска его остаются довольно привлекательными — крепкое, торпедообразное тело, коричнево-желтая спинка со множеством серых полосок, белое брюшко. Оказавшись в лодке, дракончик превращается в настоящую фурию: яростно извивается, стремясь во что бы то ни стало вылезти в окружающих свои ядовитые шипы (они — на жаберных крышках и плавнике-короне). Я-то, строго проинструктированная, остерегалась приблизиться к опасной добыче, а вот муж, занятый ужением, отвлекся, и один из трофеев долбанулся к вороне. В мозгу пронеслись многочисленные предупреждения о том, что яд скорпиона очень токсичен, поражение им может привести к смертельному исходу...

Надо было срочно что-то предпринимать. Так, первым делом — высосать кровь

РЫБЫ НАШИХ ВОД

из ранки. Я так старалась, что кожа пятки в месте поражения стала красной — от моих зубов. Потом промыла ногу морской водой. На берегу, в медпункте супругу прижгли ранку йодом, накормили, еще и димедролом. Как будто все обошлось, и мы возобновили прерванную рыбалку. Только теперь стали ловить в крессовках, а шипы пойманных скорпионов тут же отрезали ножницами, ибо даже у уснувших дракончиков яд остается очень опасным.

Выходили в море за этими

золотыми рыбками еще несколько раз. Благо с погодой нам везло, да и подготовка к ловле несложная. Не надо никаких приманок, насадок. Скорпион берет на "самодур". Привязываешь пучок ярких ниток или перышек — куринных, гусиных — к цевью крючка (таких крючков на одной ставке штук по шесть) и кидай снасть как можно дальше. Даже у меня получалось весьма лихо.

Не менее поэтическое действо происходило во вечерам. С костром на берегу морском и со светлячками. А на углях, по-таежному — на прутиках, одним концом воткнутых в землю, пеклись предварительно выдержанные в специях тушки скорпионов. И тогда казалось нам всем, собравшимся ужарко-го, чарующего своей таинственностью огня, что ничего более вкусного никогда до этого пробовать не приходилось.

И. ГИНЗБУРГСКАЯ,
жена военнослужащего.

Москва.

БЫЛ ТАКОЙ СЛУЧАЙ

В ВОСКРЕСНЫЙ осенний день я сидел в сквере, ожидая приятеля. Светило солнце, с деревьев медленно слетали желтые листья. С ними недалеко от скамьи играл симпатичный черненький котенок. Вдур метрах в десяти-пятнадцати от него на край неглубокого кювета с шумом села серая ворона.

Котенок юркнул за ствол клена. Некоторое время он наблюдал за птицей, которая усердно обрабатывала

принесенный с собой бу-мажный пакет.

Как бы оценив обстановку, котенок броском перескочил в кювет и медленно, по-пластунски стал подкрадываться к вороне. Порой он останавливался, зарывался в опавшую листву, и только белый кончик его хвоста нервно подергивался...

В метре от вороны, не проявлявшей никакого беспокойства, котенок замер:

ПЕРВАЯ ОХОТА

прижались ушки, напряжилось тельце и... Ворона, повернув голову в его сторону, резко каркнула. "Охотник", взвился вверх и с воплем "М-я-у!", стремглав помчался к стоящему невдалеке зданию.

Ворона продолжала свой обед.

Полковник
Г. БЕЛОБОРОДОВ.

НИ ЧЕШУИ, НИ ХВОСТА

Был бы клев хороший...

В пятницу вечером позвонил бывший сослуживец и поинтересовался планами на выходные дни. Вопрос несколько озадачил, ибо я еще толком не определился, поеду на рыбалку или нет.

— Есть новый адрес, — убеждал товарищ, — говорят, карась клюет днем и ночью. Может, махнем на разведку, тем более что до водоема от Москвы рукой подать.

Скажу откровенно, информации, начинающейся со слов "говорят", я не очень-то доверяю. Об этом и сказал Юрию Сергеевичу.

— Вот и проверим ее достоверность, — резонно заметил он.

Перед таким веским аргументом едва ли можно было устоять.

Не рассчитывая на большую удачу, сварил немного манной каши. Добавил в нее щепотку молотого жмыха для запаха. Конечно, надо бы, как обычно, накопать червей, но решил, что добудем их по пути или на месте рыбалки.

В точно назначенное время поутру мы встретились с Юрием Сергеевичем на Ярославском шоссе и покатили в сторону Павлова Посада. Въехав в город, ослепительно блиставший золочеными куполами церквей, сделали за горосоветом левой поворот под стрелку светофора в сторону Угличского шоссе. Проехав ориентиры (слева по ходу движения — бензоколонка, справа — пост ГАИ), пересекли железнодорожный переезд.

— Теперь на курсе, — удовлетворенно заметил товарищ. — Еще километров двадцать и...

— ... до места рукой подать, — не удержался, съязвил я.

За разговором не заметили, как подъехали к указателю с надписью "Полубарское". А через несколько сот метров дорога вывела к дамбе, по левую сторону от которой в окружении полей широко и привольно раскинулся довольно приличный водоем. Большое количество людей с удочками на его берегах убедительно свидетельствовало о том, что такое столпотворение неспроста. Не мешкая отыскивали подходящее место и забросили снасти.

Давненько я такого активного клева не видывал! Да и мой напарник тоже. Караси по 100 и более граммов хватили жадно, брали наверняка. К тому же насадку часто сбивала мелочь. При таком раскладе каши явно могло не хватить. Попытки же добыть червей успеха не имели, и приходилось лишь сожалеть о том, что, готовясь к выезду, отложили это важное дело на потом.

Как бы там ни было, а выход из ситуации нашелся. Помогли местные ребятки, которые поделились с нами и кашей, и червями. В свою очередь мы презентовали пацанам моток импортной лески да десяток крючков — долг платежом красен.

Обратная дорога мне показалась не такой уж и дальней. Нет, что ни говорите, а для рыбака расстояние особой роли не играет. Был бы клев хороший. Ну такой, например, как в тот раз на Полубарском.

**Полковник
Г. ЧЕРНЫШОВ.**

РАССКАЗЫ У КОСТРА

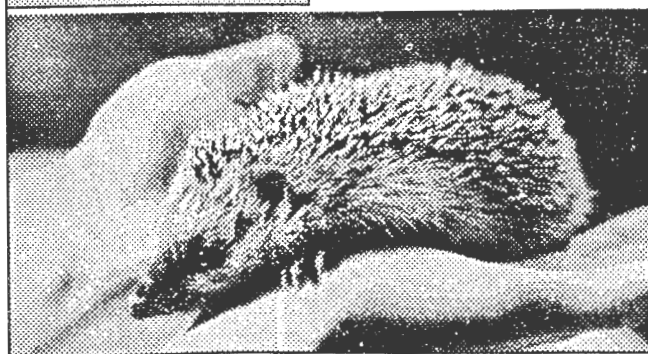
КАК-ТО поехали мы на охоту на водоплавающую дичь. Прибыли на станцию поездом, а дальше надо было топтать пешком километров восемь. Наш председатель секции рассказал, как добраться до охотничьего домика, а сам обещал подойти чуть позже: ему надлежало оформить документы в местном охотбюро. Погода стояла хорошая, мы шли и мечтали о богатых трофеях. Примерно на полпути встретился нам местный с подстреленной уткой. Все ринулись к нему: где, как, много ли ди-

Сам себя высмеял

чи? Один из нашей братии, большой мастер на розыгрыши, неожиданно попросил продать ему трофей и назвал цену. Парень подумал и согласился. Покупатель подержал утку в руках, будто определяя вес, поманипулировал что-то с ней, затем отдал продавцу вместе с деньгами. При этом напутствовал: "Если встретишь охотника, то продай ее еще раз". Паренек усмехнулся и, довольный сделкой, пошел своей дорогой. Вскоре мы прибыли к домику охотника, не торопясь начали располагаться. Вдруг слышим выстрел дуплетом, а через несколько минут объявился шеф. За поясом у него — утка. Подойдя к нам, он похвастал: "А я уже с добычей, вон какую утку подстрелил". Наш весельчак поднял брошенную небрежно утку, открыл ей клюв и, вытащив записку, передал ее председателю. В записке значилось: "Меня председатель не убивал!". То-то было хохла. В сердцах любивший приврать наставник швырнул на стол путевки на право охоты, развернулся и ушел в обратном направлении... Впредь он никогда не рисковал больше вешать лапшу на уши коллегам по охоте.

**Полковник
в отставке
В. КРИВЕЦ.**

ПРИРОДА И МЫ

Автодайджест

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И РЕМОНТ ДЕТАЛЕЙ КУЗОВА

Известно, каких усилий требует обработка кузова автомобиля различными защитными и полировочными составами.

Можно значительно облегчить свой труд, если в вашем распоряжении есть ручная электродрель. Для этого изготовьте из текстолита или подобного материала диск толщиной 3-6 мм и диаметром около 15 см и прикрепите к нему металлическую ступицу, с помощью которой закрепите диск в патроне дрели.

На диск накладывается плотный слой ваты толщиной 4-5 см, а затем надевается "шапочка", из фланели или сукна (для растирки составом) или из меха (для окончательной полировки). Наиболее подходящий мех — натуральная цигейка, но можно применить и искусственный. Длина ворса должна быть равна 12-13 мм.

При работе этим инструментом будьте осторожны, так как при излишнем усердии можно прополировать пленку краски насквозь (особенно на кромках и углах).

Много неприятностей доставляет владельцам автомобилей попадание воды в салон. Течи появляются главным образом из-за высыхания мастики, которой уплотнены швы и щели кузова, а также из-за деформации резиновых уплотнителей.

Для устранения негерметичности кузова годится так называемая "комбинированная замазка", которой следует тщательно промазать все сварные швы кузова и места проникновения воды. Эта замазка продается в хозяйственных магазинах. Она отлично прилипает к металлу, практически никогда не высыхает и долго сохраняет эластичность.

Если вода проникает сквозь резиновые уплотнители стекла, то нужно между стеклом и уплотнителем, слегка отогнув последний, тоже положить замазку, предварительно раскатанную "колбасками", длиной 100-150 мм и диаметром 3-4 мм. Многие автолюбители для уплотнения ветрового стекла с успехом используют резиновый клей (лучше N 88), который вводят между резиновым уплотнителем и стеклом с помощью медицинской пипетки.

На смену кустарным методам защиты кузова автомобиля от коррозии пришли современные средства. Так, за последние годы широкое распространение получили специальные составы, которые, будучи нанесены на поверхность стальных деталей, одновременно выполняют следующие функции: во-первых, растворяют и удаляют тонкие налеты ржавчины; во-вторых, более толстые слои ржавчины переводят в неактивное состояние и заставляют их крепко сцепляться с металлом; в-третьих — пассивируют поверхность металла, предохраняя его от дальнейшей коррозии. Эти средства вы можете найти в магазинах под различными названиями: "Русас", "Антикор", "Преобразователь ржавчины", и др.

Пользоваться ими рекомендуется так. Во внутренние полости кузовных деталей раствор вносят при помощи пульверизатора, а на доступные поверхности — кистью.

Особая забота для абсолютного большинства автолюбителей — защита внутренних поверхностей кузова. Во внутренние полости коробчатых деталей (пороги, двери, стойки, усилительные детали и т.п.) раза два в год нужно заливать, лучше всего распылителем, моторное или трансмиссионное масло. Еще эффективнее применить специальное защитное масло НГ-216Б с ингибитором коррозии или специальный состав "Мовиль". Для заливки в большинстве случаев можно использовать имеющиеся технологические отверстия в упомянутых деталях, закрытые обычно резиновыми или пластмассовыми пробками. В некоторых случаях в стенках деталей придется просверлить отверстия диаметром 8-10 мм.

Чтобы защитить от коррозии гнезда, предназначенные для установок под кузов домкрата, смажьте их изнутри жидким маслом, с внутренней стороны плотно заткните пыжом из промасленной ткани, а снаружи — специально изготовленной деревянной пробкой. Вместо деревянной можно использовать пластмассовую пробку от бутылки из-под шампанского.

При консервации автомобиля на зиму хромированные части можно защитить раствором 100 г строительного битума в 0,5 л неэтилированного бензина. Этот состав наносится на детали тампоном, перемещая его в одном направлении. Если тампон перемещать взад-вперед, покрытие получается пористым и хуже выполняет защитную функцию. Снимается защитный слой тампоном, смоченным в бензине или керосине.

При уходе за кузовом немаловажная задача — защитить от порчи резинотехнические изделия. В продаже встречается специальная мастика под названиями "Защитно-декоративная краска для резиновых деталей", и "Суодис". Эта мастика содержит вещества, замедляющие старение изделия и предохраняющие его от атмосферных влияний. Регулярное применение этой краски намного удлиняет срок службы уплотнителей дверей и стекла, боковин покрышек, других резиновых деталей и улучшает внешний вид автомобиля. Способ применения: мастика наносится тонким слоем на чистые и сухие поверхности деталей. После просушки в течение 1,5 суток поверхности полируются куском шерстяной ткани.

Если такого средства у вас нет, то изредка протирайте резиновые детали тампоном, смоченным в глицерине, а затем насухо — тряпкой.

Постоянного ухода, безусловно, требуют стекла автомобиля. Для очистки сильно загрязненных стекол рекомендуется препарат "Нитхинол", который продается в магазинах. Стекло при помощи тампона смазывают "Нитхинолом", и затем, не давая просохнуть, протирают чистой тряпкой. Препарат безвреден для резиновых уплотнителей, но на окрашенных и лакированных поверхностях оставляет пятна. Хорошо очищают стекла и растворы нейтральных моющих средств (автшампунь, порошки для стирки синтетических тканей).

Полковник В. ЛИТВИНОВ

Рецепты народной медицины

Сегодня мы вновь предоставляем страницу журнала майору медицинской службы Борису ЛОМОВУ, который поделится с читателями очередными секретами, весьма полезными людям военным.

ЧТОБЫ НОГИ НЕ БОЛЕЛИ

Очевидно, что очень многим из нас постоянные неприятности (если не сказать больше) доставляет такая, казалось бы, прозаическая вещь, как мозоли. Как же избавиться от них? Вот несколько рецептов.

Для лечения мозолей луковую шелуху сложить в банку и залить столовым уксусом так, чтобы шелуха была покрыта им полностью. Закрывать горлышко банки компрессной бумагой и завязать. Оставить на две недели при комнатной температуре. Через две недели извлечь шелуху, дать стечь уксусу и слегка просушить. Положить слой шелухи в 2-3 мм на мозоль. Окружающую кожу смазать вазелином или другим жиром. Завязать на ночь. Утром, распарив ногу, осторожно, без усилий соскоблить мозоль. Если мозоли большие, процедуру следует повторить.

Можно посоветовать также следующее. Распарив ногу перед сном, привязать к мозоли корку лимона с мякотью. В течение 2-3 дней процедуру повторять, после чего опять распарить ногу и аккуратно снять мозоли.

Большое беспокойство (если не страдания) доставляют некоторым вросшие ногти. Однако и в подобных случаях народная медицина может прийти на помощь. Вот лишь два совета.

Чаще всего вырастают ногти на больших пальцах ног. Врастая, ноготь причиняет сильную, порой мучительную боль. Русские знахари в подобных случаях рекомендовали ежевечерне надевать на большой палец напальчник, наполненный сливочным маслом. Сверху надеть носок и не снимать в течение ночи. Делать эту процедуру 2-3 недели

подряд. Когда боли прекратятся, осторожно приподнять края вросшего ногтя и подложить кусочки марли.

Еще один рецепт. При вросшем ногте, вдоль его центра от лунки к краю пальца осторожно сделать напильником бороздку, достаточно глубокую, но, конечно, не до конца вглубь. Через несколько дней ноготь выйдет из углов и боль прекратится. В дальнейшем ногти следует подрезать таким образом, чтобы не срезать углов.

Потливость ног, в отличие от вышеупомянутых случаев, боли не вызывает. Но, согласитесь, она крайне неприятна, а также может привести и к определенным заболеваниям. Можно ли ее если не избежать, то хотя бы свести к минимуму? Оказывается, да!

При потливости ног следует утром присыпать ноги порошком борной кислоты. Растереть ее, не втирая, легкими движениями по подошвенной поверхности и между пальцами, надеть носки. Вечером смыть водой, температура которой не должна превышать 40-50° С. Потливость проходит обычно через 2-3 недели.

Можно поступить и по-другому. При сильном потении присыпать ноги истолченной в мелкий порошок дубовой корой, надеть носки и не снимать всю ночь. Утром кору смыть прохладной водой.

Конечно же, не надо забывать и о профилактике. Например, вот что советовали народные знахари для предупреждения заболеваний ног.

Ежедневно, после мытья прохладной водой, протирать ноги отваром дубовой коры — это избавит вас от их потливости. Для приготовления отвара в эмалированную кастрюлю положить 20 граммов измельченной дубовой коры и залить ее стаканом воды комнатной температуры. Накрывать крышкой и кипятить на медленном огне полчаса. Сразу процедить и отжать остаток в отвар. Разбавить кипяченой водой до прежнего объема (стакан). После протирания ноги не мыть и не вытирать, а дать обсохнуть.

В заключение нашей сегодняшней беседы хотел бы сказать читателям: конечно, вышеперечисленные недуги не смертельны. Но они зачастую доставляют многим из нас массу неудобств, а то и страданий. Если приведенные советы, а точнее, секреты русского знахарства помогут вам, буду только рад. Ведь описанные рецепты изобретены не сегодня. Издавна они использовались в народной медицине, помогали многим поколениям. Пользовались ими довольно успешно и воины.

Здоровья вам!

Сад-огород

КАЛЕНДУЛА

Календула широко известна под названием «ноготки», как декоративное растение прежде всего любителям цветов. Широкое распространение получила она не только за красивые яркие оранжевые или желтые «ромашки», «корзинки», но и за простоту выращивания. В переводе с латинского календула означает «календарь». Такое название растение получило за способность цветков закрываться на ночь и открываться утром — предвещать начало дня.

Родина календулы — страны Средиземноморья, где растение и в наши дни произрастает в диком виде.

Как пряность у календулы используют листья и цветочные корзинки. Листья и в меньшей степени цветочные корзинки содержат эфирное масло, каротиноиды, смолы, органические минеральные кислоты, фитонциды, аскорбиновую кислоту. В кулинарии листья и цветочные корзинки (свежие и сушеные) могут быть использованы в салаты, для приготовления супов, соусов, для ароматизации мясных блюд.

Как лекарственное растение календула не только широко применяется в народной медицине, но и вошла в фармакологию многих стран. Препараты на основе календулы используются для лечения ожогов, длительно незаживающих ран, ангины, язвенной болезни желудка, при гипертонии, болезнях печени.

Календула — однолетнее растение, имеющее стержневую сильно ветвистый корень, прямостоячий, разветвленный от основания опушенный стебель. Листья у календулы сидячие, ланцетовидные — очередные. Соцветия — корзинки оранжевого или желтого цвета, 3-5 см диаметром, расположены одиночно на концах ветвей. Цветет с июня до поздней осени. Плоды — серые или темно-бурые серповидно изогнутые, начинают созревать с конца июля. Всхожесть сохраняется три-пять лет.

Календула светолюбива. В тени растения вытягиваются, полегают, соцветия мельчают. Календула неприхотлива к почвам, но лучше растет на достаточно увлажненных участках. Размножается семенами. Семена прорастают при 8-10° С.

На приусадебном участке можно разместить календулу на освещенном месте после хорошо обрабатываемых овощных культур. С осени под перекопку на почвах с низким плодородием вносят 4-5 кг органических удобрений и по 20-30 г фосфорных и калийных удобрений на 1 м².

Весной при рыхлении почвы вносят 15-20 г/м² азотных удобрений. Сеют календулу в самые ранние сроки сразу в грунт. Для посева лучше отобрать самые мелкие центральные семена цветочной корзинки, так как они дают растения с большим числом махровых соцветий. Сеют в бороздки на глубину 2-4 см. Расстояние между бороздками 30-45 см. На 1 м² высевают 1-1,5 г семян.

Уход заключается в прополках, рыхлении, поливах. Для сушки обрывают соцветия в самом начале цветения. А для использования листьев в свежем виде в кулинарии ветви обрывают по мере необходимости.

Сушку проводят на чистых чердаках с хорошей вентиляцией при ежедневном ворошении массы до тех пор, пока сжатые пальцами соцветия не начинают рассыпаться — это показатель того, что сушка закончена.

Если соцветия не обрывают, то на них завязываются семена, которые при полном созревании можно убрать для посева в следующие годы.

В. ГУЩИНА,
садовод-любитель.

шахматный клуб

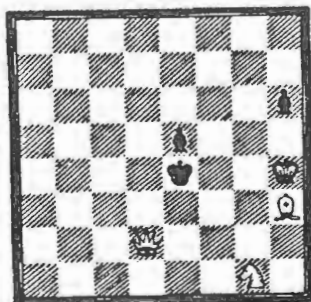
Под редакцией
мастера спорта
А. КАЛИНИНА

ПЯТЬ МИНУТ НА ДИАГРАММУ

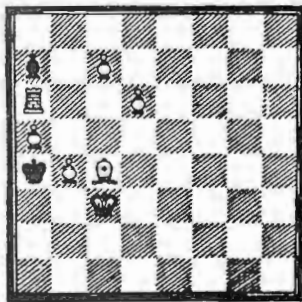
№ 7. Э.Монтвид, 1901

№ 8. К.Войтыла, 1974

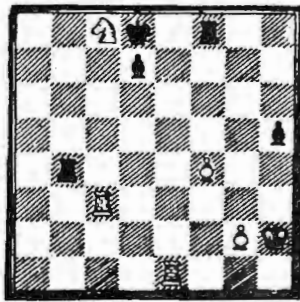
№ 9. А.Кременской
Публикуется впервые

Мат в 2 хода

Мат в 3 хода

Мат в 4 хода

Первые две задачи решаются легко. Трехходовку составил польский шахматный композитор Карол Войтыла, ныне Иоанн Павел II, Папа Римский, хозяин Ватикана. Его задача довольно приятна.

Решение художественной четырехходовки таково: 1.Кd6! с угрозой 2.Лс8X; 1...Лb8 2.Лee3!! Ход этот — душа задачи, нельзя 2.Крh3? Лb3! 2...h4 3.Крh3 и цугцванг у черных; 3...Ла8/b1 4.Кb7, Лс8X, 3...Лh8/:f4 4.К7, Ле8X!

ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ШАХМАТИСТОВ

“Взятие на проходе”. Поясним правило это примером. Пусть белая пешка стоит на e7, черная на d4. Удар черной пешки направлен на поля c3 и e3. Если пойти пешкой e2 на e3, то ее может взять пешка d4. Если же перескочить через атакованное поле, т.е. сыграть e2-e4, то пешка d4 все равно имеет право взять белую пешку, становясь по-прежнему на e3, как будто пешка e2 пошла только на одно поле.

Брать на проходе можно только сразу же в ответ на e2-e4. Если же взятия не сделано, то право на него уже теряется.

Посмотрите шуточную позицию, в которой белыми играл Остап Бендер, а черными — любитель из Васюков: Кр5, Ф6, пп. 3e2 — Кр5, Л1, Ке5, пп. 6, 4, ход белых. Остап Бендер плохо знал правило “взятие на проходе”, и потому сыграл 1. e2-e4, гордо сказав:

— Вам мат, товарищ любитель!

— Нет, мат Вам, товарищ гроссмейстер! — ответил любитель и взял пешку на проходе: 1...4:e3X.

Еще одна любопытная позиция с элементарного ретроанализа: Крс5, Лаб, пп. a2, a5, b2 — Кра4, п. b5. Задание такое: поставить белую

пешку и дать мат черному королю в один ход. Решение: белую пешку поставить на с6; в этой позиции последним ходом черных был только b7-b5, и потому “взятие на проходе”, матует — 1. a5: b6X.

ШАХМАТНЫЕ РЕКОРДЫ

В известной Книге рекордов Гиннеса есть рекорды и из области шахмат. Приводим некоторые из них.

1. Самый результативный сеанс одновременной игры принадлежит Х. Р. Капабланке. Он состоялся 4 февраля 1892 года в Кливленде (США). В нем игрались 103 партии, из них 102 Капабланка выиграл, одну свел вничью.

2. К рекордам отнесен самый нерезультативный сеанс, который провел новозеландский мастер Роберт Вейд в 1951 году в Москве. Он играл 30 партий против школьников, но ни одной не выиграл, 20 проиграл, а в 10 довольствовался ничейным результатом.

3. Сеанс одновременной игры на 550 досках провел чешский гроссмейстер Властимил Горт в Рейкьявике (Исландия) в 1977 году. Счет сеанса: 477 побед, 63 ничьи, 10 поражений. Сеанс длился 24 часа. Продвигаясь от столика к столику, Горт прошел 35 километров, потеряв четыре килограмма веса. В одной из партий он одержал самую быструю победу — за 2 минуты 14 секунд, что также занесено в Книгу в качестве рекорда.

ЛЮБИТЕЛЯМ ЗАДАЧ НА КООПЕРАТИВНЫЙ МАТ. Крg1, Лf1, Ch6, п. g2 — Крe4, п. f7, кооперативный мат в 3 хода. Решите эту задачу. Напоминаем: начинают черные и помогают белым дать мат черному королю.

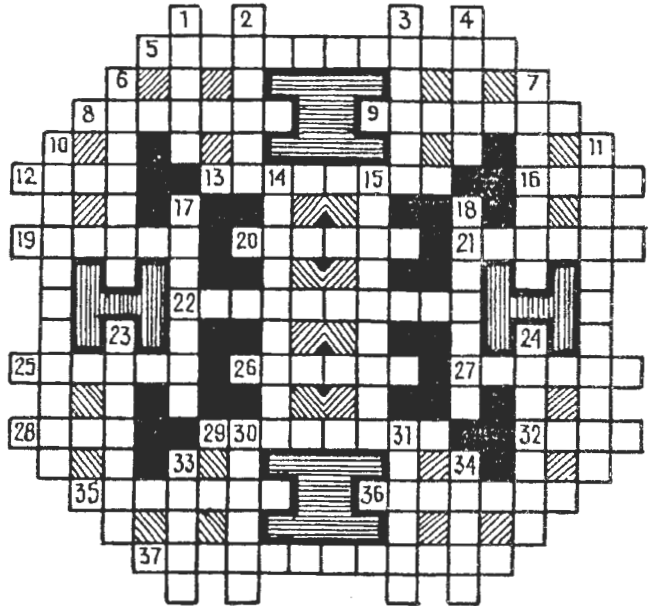
По горизонтали:

5. Форма единовластного управления войсками.
8. Тайная бандитская организация в южной Италии в XVIII в., аналогичная мафии.
9. Полководец, руководитель крупных военных операций.
12. Отравляющее вещество нервно-паралитического действия.
13. Старинное русское артиллерийское орудие.
16. Вспомогательная точка, по которой ведется пристрелка артиллерийских орудий.
19. Село в Белоруссии, где формировалась в 1943 г. первая польская дивизия имени Т. Костюшко.
20. Вид термической обработки металлов.
21. Крейсер русского Черноморского флота.
22. Боевой корабль с артиллерией и бронезащитой.
25. Железнодорожная станция на линии Курск-Орел, где в 1943 г. произошло крупное сражение.
26. Поставленная перед войсками цель.
27. Смотр караулов, проводимый перед началом несения ими службы.
28. Открытое полевое фортификационное сооружение.
29. Автор слов песен В. Соловьева-Седого "Соловьи", "Где жевы теперь, друзья-однополчане?" и других.
32. Орган разведки или охранения.
35. Сооружение для защиты личного состава и техники от огня противника.
36. Воинское звание в российской армии.
37. Город в Архангельской области, внесший большой вклад в победу в Великой Отечественной войне.

По вертикали:

1. Роман Ф. М. Достоевского.
2. Боеприпас для стрельбы из орудий, ми-

КРОССВОРД

Составил Е. КУЛИКОВ.

нометов, реактивной артиллерии.
3. Руководитель Республики Куба.
4. Расположение войск на отдых вне населенных пунктов.
6. Генерал армии, в период Великой Отечественной войны командовал Воронежским, Юго-Западным и 1-м Украинским фронтами.
7. Старый воин.
10. Корабль или самолет, имеющие на вооружении ракеты.
11. Командир 78-й стрелковой дивизии, отличившейся в битве под Москвой в 1941 г.
14. Должностное лицо в армии, ведающее снабжением войск всем необходимым.
15. Русский государственный деятель,

граф, московский генерал-губернатор в 1812-1814 гг.
17. Воинское звание в Красной Армии в 1935-1940 гг.
18. Кодовое наименование операции партизан на оккупированных территориях Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Крыма и Карелии в 1943 г.
23. Маршал бронетанковых войск.
24. Железнодорожный узел в Тульской области.
30. Поэтесса, автор поэмы "Зоя".
31. Русский поэт-песенник, автор сборника "Всегда в пути".
33. Поднятие самолета в воздух и его полет с определенной целью.
34. Город-герой.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

По горизонтали:

1. Банкир. 4. Яков. 7. Акт. 10. Амплитуда. 11. Книга. 12. Кюри. 13. Архивариус. 15. Артерия. 16. Авария. 19. Окисел. 21. Примета. 23. Бригантна. 25. Плес. 27. Клерк. 28. Антология. 30. Нил. 31. Крем. 32. Коляда.

По вертикали:

1. Бра. 2. Наперсток. 3. Ирис. 5. Клавиша. 6. Вакханалия. 7. Алиби. 8. Трасса. 9. Нутрия. 12. Краб. 14. Приставкин. 17. Идеология. 18. Марс. 20. Латгале. 21. Пенаты. 22. Абакан. 24. Идеал. 26. Клио. 29. Яма.

- Ружья охотничьи гладкоствольные ИЖ-27М и ИЖ-43.
- Боеприпасы охотничьи.
- Револьверы газовые отечественные РС-01 и РС-22.
- Пистолеты и револьверы газовые импортные:
 - калибра 8 мм — «Mauser», «Reck G-5», «Walther PPK», «Detektiv», «Browning», «Record», «General»;
 - калибра 9 мм — «Remington», «Sheriff», «Combat», «Government», «Walther P-88», «RG-89», «Reck-Miami», «Agent», «Walther-Terminator»;
 - калибра 11 мм — «Sergeant», «Agent-45».

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ЗАКРЫТОГО ТИПА

Фирма

ЩИТ

ПРЕДЛАГАЕТ:

- Пистолеты для стрельбы красящими шариками «Paintball».
- Баллончики газовые CS-Trillion, CS-Million.
- Пусковые устройства для сигнальных ракет центрального и бокового боя.
- Кобуры оперативные.
- Системы охранной сигнализации «Аргус», «Фотон» и «Кворум А-100», не имеющая аналогов в России и в Европе.
- Средства защиты: шлемы, дубинки, спецкомплекты, бронежилеты.

ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

Адрес: 117279, Москва, ул. Профсоюзная, 93а.

Время работы: 10.00—19.00, суббота 10.00—17.00, воскресенье — выходной

Телефоны для справок:

(095) 336-33-77 — оптовая торговля, 335-66-77 — розничная торговля.

Факс: (095) 330-79-33

НАШИ ИЗДАНИЯ - ДЛЯ ВАС

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 1995 ГОДА

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Ежемесячный военно-публицистический и
литературно-художественный журнал
внутренних войск МВД России

Служба во внутренних войсках, ее героика, ее престиж и, конечно, ее проблемы. Как они решаются? Что движет офицерами, прапорщиками, сержантами и солдатами, когда они совершают самоотверженные, подчас героические поступки во имя защиты и спасения людей в международных конфликтах, в борьбе с правонарушителями? Хотите узнать об этом? Выписывайте и читайте журнал «На боевом посту».

Приоритетными проблемно-тематическими направлениями в 1995 году будут: информирование широкой читательской аудитории о месте и роли внутренних войск в системе правового государства, о действиях их в горячих точках, формирование объективного общественного мнения по всему спектру их деятельности.

Мы познакомим вас с новыми остросюжетными детективами, предложим стихи и прозу как профессиональных писателей, так и военных авторов, а также литературные произведения, присланные на конкурс, посвященный 50-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Индекс для индивидуальной подписки 70610. Подписная цена: на 1 мес. - 3500 руб., на 3 мес. - 10500 руб., на полугодие - 21000 руб.

Индекс для коллективной подписки 73175. Подписная цена: на 1 мес. - 5000 руб., на 3 мес. - 15000 руб., на полугодие - 30000 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ЖУРНАЛУ

• Факты
• События
• Комментарий
• Происшествия
• Расследования

«СИТУАЦИЯ» - звучит просто, но **МНОГООБЕЩАЮЩЕ!**

Вы встретите на ее страницах в будущем году много интересных, поистине сенсационных материалов, но до тех пор вы так и не узнаете:

- что такое спецназ внутренних войск?

- как действуют парни в краповых беретах, защищая людей от преступников?

- некоторые пикантные подробности различных тайных операций, мафиозных сделок.

Вы постоянно можете знакомиться с публикациями на злобу дня.

«Ситуация» - это правда о положении в стране, о жизни и службе ее защитников - людях в военной форме.

Газета выходит 4 раза в месяц. Индекс 50157. Подписная цена: на 1 мес. - 1000 руб., на 3 мес. - 3000 руб., на полугодие - 6000 руб.

ВОЙСКОВОЙ ВЕСТНИК

Исполнилось пять лет, как в части и военно-учебные заведения внутренних войск стали поступать номера учебного-методического приложения к журналу «На боевом посту», «Войсковой вестник». Методическими разработками и советами он помогает сержантам, прапорщикам и офицерам подразделений, курсантам военных училищ грамотно проводить занятия с личным составом, правильно организовывать выполнение задач боевой службы. На страницах «Войскового вестника», вы найдете также нормативно-правовые документы, регулирующие деятельность Вооруженных Сил, МВД и внутренних войск.

С 1995 года учебно-методическое издание выходит в свободную подписку. Выписывайте «Войсковой вестник», и тогда у вас не будет особых проблем в проведении занятий! Выписывайте «Войсковой вестник», и тогда у вас не будет сомнений в его своевременной доставке! Подписку можно оформить индивидуально и коллективно.

Сборник выходит 3 раза в полугодие. Индекс 73515. Цена 1 экз. - 1200 руб., стоимость подписки на полугодие - 3600 руб.

ВЫПИСЫВАЙТЕ! ЧИТАЙТЕ!

Наш адрес: 107120, г. Москва, Б-120, Сыромятнический проезд, 8. Расчетный счет редакции N340616 в АБ «Лефортовский», г. Москвы, МФО 201207.